

Жизнь моя.

ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА ДАНИЛОВА.

1759—1806 Г.Г.

(Отдѣльн. оттиски изъ газ. «Кронштадтскій Вѣстникъ» №№ 66, 67, 68, 69, 71, 72, 76, 77, 78, 82, 83, 84, 87, 91, 92, 93, 97, 98, 99 и 100 за 1913 г.).

3 — 12 — 68
10

К Р О Н Ш Т А Д Т Ъ .

—ва «Кроншт. Вѣст.» (И. Я. Лебедева и И. Л. Деморейхъ).

1913.

ЖИЗНЬ МОЯ.

(Записки адмирала Данилова).

1759—1806 г.

Предисловіе.

Печатаемые ниже записки адмирала Петра Алексѣевича Данилова представляютъ особо любопытнѣйшій историческій матеріалъ, дающій массу интересныхъ свѣдѣній въ областяхъ службы, жизни и быта нашего флота Екатерининскаго времени.

Имя самого автора, скромнаго рядового офицера, мало кому извѣстно: съ его именемъ не связана какая-либо исключительная боевая или административная дѣятельность, а потому естественно, что исторія сохранила намъ весьма мало свѣдѣній объ этомъ морскомъ дѣятелѣ, съ жизнью котораго, рассказанной имъ самимъ, мы теперь познакомимся ближе.

Безхитростнымъ языкомъ и безъ излишнихъ мудрствованій повѣствуетъ этотъ скромный современникъ и сподвижникъ самой Матушки Екатерины, Потемкина, Суворова, сослуживецъ и соратникъ Ушакова, Сенявина, Поля Джонса, Мордвинова, принца Нассау

и др. орловъ и соколовъ Екатерининскаго гнѣзда обо всемъ, чему привела его морская служба быть свидѣтелемъ, не заботясь особенно о качествахъ изложенія и стараясь только по возможности точно передать факты, какъ они запечатлѣлись въ его памяти.

Необходимо замѣтить, что самъ Даниловъ не предназначалъ своихъ записокъ для опубликованія. Давъ названіе своимъ запискамъ „Жизнь моя“, авторъ тутъ же на рукописи написалъ, что посвящаетъ этотъ трудъ дѣтямъ своимъ, желая подѣлиться съ ними накопленнымъ жизненнымъ опытомъ въ цѣляхъ научить ихъ житейской мудрости и предостеречь отъ ошибокъ и увлеченій, свойственныхъ молодежи.

Тономъ поученія и проникнуты эти записки, нося тотъ интимный характеръ, который присущъ семейнымъ хроникамъ. Главной темой автора является описаніе его личной жизни во всѣхъ ея сложныхъ и простыхъ проявленіяхъ, причѣмъ событія общаго, такъ сказать, историческаго значенія, входятъ въ описаніе, какъ обстановка.

Но и здѣсь авторъ, не смотря на узкую цѣль описать свою жизнь, часто останавливается на интересныхъ событіяхъ своего времени, давая значительное количество штриховъ, представляющихъ много новаго и любопытнаго для исторіи флота того времени.

Жизненными штрихами проходитъ описаніе жизни кадета и гардемарина

морского корпуса, быта кронштадтскихъ мичмановъ, первыхъ плаваній за-границей, жизнь морского общества, очень характерны описанія обстановки, при которой нарождался по мысли и волѣ Потемкина юный Черноморскій флотъ, его первые боевые успѣхи и т. п.

Даниловъ былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ этомъ дѣлѣ, занимая и административныя должности и командуя боевыми судами, сражаясь и на водахъ Очаковскихъ, и въ эскадрѣ знаменитаго Ф. Ф. Ушакова, у котораго онъ состоялъ нѣкоторое время флагъ - капитаномъ, что доказываетъ его военныя способности и хорошее о немъ мнѣніе современниковъ и начальства.

Впрочемъ, не останавливаясь на дальнѣйшемъ перечисленіи матеріала, мы отсылаемъ читателя къ самимъ запискамъ непосредственно.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Даниловѣ.

Отецъ Данилова не былъ русскимъ. По словамъ автора записокъ, онъ былъ „шведской націи“ и принадлежалъ очевидно, къ составу арміи Карла XII. Въ одной изъ баталій отецъ Данилова былъ взятъ въ плѣнъ и, находясь долгое время въ качествѣ военно-плѣннаго въ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи, настолько оклиматизировался и обрусѣлъ, что по окончаніи Сѣверной войны не пожелалъ вернуться на родину, принялъ русское подданство и даже женился на русской.

Петръ Великій, нуждаясь въ свѣду-

щихъ людяхъ, не только не препятствовалъ этому, но даже поощрялъ своихъ плѣнниковъ оставаться на царской службѣ, обѣщая имъ должную оцѣнку и обезпеченіе.

Какъ бы ни было, отецъ Данилова принялъ православіе и съ фамиліей Данилова поступилъ на государственную службу, дойдя скоро до положенія воеводы въ провинціальныхъ городахъ.

Отъ брака его съ вдовой куица Овчинниковой родился сынъ Петръ (1759 г.) — авторъ записокъ. По смерти мужа вдова съ дочерью отъ перваго брака и сыномъ переѣхала сперва въ Москву, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ послѣдній былъ отданъ въ 1773 г. въ морской кадетскій корпусъ. Въ 1778 г. Даниловъ былъ выпущенъ мичманомъ въ Балтійскій флотъ, начавъ такимъ образомъ самостоятельную жизнь. Пять лѣтъ спустя, уже женатый, Даниловъ въ чинѣ лейтенанта былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, только что нарождавшійся подъ руководствомъ Потемкина и Мордвинова и потому сильно нуждавшійся въ дѣятельныхъ офицерахъ.

Турецкая война 1787—91 гг. застала Данилова командиромъ фрегата „Св. Николай“ уже въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Командуя имъ, Даниловъ принималъ участіе въ составѣ лиманской флотиліи контръ-адмирала Поля Джонса въ истребленіи турецкой эскадры подъ Очаковомъ и за отличіе былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга (29 лѣтъ).

Въ 1790 г., со вступленіемъ въ командованіе Черноморской линейной эскадрой к.-адм. Ф. Ф. Ушакова, Даниловъ былъ назначенъ къ нему флагъ-капитаномъ (т. е. начальникомъ штаба) и, участвуя въ сраженіяхъ Керченскомъ и у Гаджибея, отличился храбростью и распорядительностью, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Въ 1798 г. въ чинѣ капитана 1 ранга Даниловъ былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, гдѣ занималъ должности младшаго флагмана, потомъ командира Ревельскаго порта и др. Въ 1809 г., всего лишь 50 лѣтъ, въ чинѣ вице-адмирала былъ уволенъ отъ службы, повидимому, вслѣдствіе значительнаго сокращенія штатовъ флота.

Н. Н.

Р. С. Подлинная рукопись хранится въ собраніи рукописей исторической части морского генеральнаго штаба.

Жизнь моя.

Дѣтямъ моимъ.

Записки адмирала Данилова отъ 1759—1806 г.

Молю Всевышнее Существо, да поможетъ мнѣ симъ описаніемъ жизни моей споспѣшествовать хотя единому человѣку къ обращенію на путь истинный.

Много я размышлялъ, полезно ли будетъ описаніе моей жизни, и наконецъ заключилъ, что всякаго человѣка жизнь достойна описанія, если извѣстны обстоятельства и причины дѣйствій, и

чѣмъ несчастіе, тѣмъ назидательнѣе для внимающихъ и ищущихъ истиннаго просвѣщенія.

Ужаснуться надобно, сколь въ чело-
вѣкахъ развращена природа и сколь
глубоко повреждена грѣхопадениемъ
перваго челоука, что видно въ склон-
ностяхъ самыхъ даже младенцевъ и
едва выступившихъ изъ младенчества,
какое стремленіе къ порокамъ, къ
своеправію, самолюбію, гордости, вла-
столюбію, гнѣву.

Правило же вообще воспитанія осно-
вано на слѣпой любви матери къ сво-
ему дитяти (я говорю о двухъ и трех-
лѣтнемъ и далѣе), которая еще болѣе
делаетъ оныя пороки и укореняетъ
ихъ привычками и потворствомъ, по-
читается за долгъ утѣшить плачущее
дитя похвальными и ласковыми име-
нованіями, возрождающими новые и
усиливающими природные пороки; по-
лагая, что оныя съ возрастомъ исчез-
нутъ или по укрѣпленію силъ его, какъ
я слыхалъ отъ многихъ даже благора-
зумныхъ людей, надѣются наказаніями
и внушеніемъ истребить оныя, но
когда уже укоренятся и когда дитя
уразумѣетъ, что оныя его подвергаютъ
выговорамъ и наказанію, тогда вмѣсто
истребленія заступаешь притворство и
тогда то уже ничѣмъ не только истре-
бить, ниже ослабить невозможно.

Безъ сомнѣнія, таковаго же рода и
я имѣлъ воспитаніе, когда я вспоми-
наю случившееся со мною, и хотя
отецъ мой поступалъ напротивъ сего

обыкновенія, однако не успѣлъ окон-
чить моего воспитанія.

Я не имѣлъ ни учителя, ни дядьки
единственно потому, что жили мы во
внутренности Государства, въ большой
отдаленности отъ столицы, въ малень-
комъ городкѣ, въ которомъ отецъ мой
былъ воеводою, и гдѣ кромѣ воевод-
скаго товарища и секретаря никого
не было. Знакомство имѣли съ окру-
жными дворянами и меня училъ грамо-
тѣ самъ отецъ мой.

Вотъ черта моего воспитанія: когда
отецъ меня сѣкъ прутомъ, то прину-
жденъ былъ запираеть ту комнату,
чтобы мать не отняла, но и тутъ стукъ
у дверей, крикъ, просьбы или брань
принуждали отца моего оставить нака-
заніе, а отъ сего я не могъ понимать
—худо ли я сдѣлалъ или хорошо, за
что меня сѣкли, а по естественному
прилѣпленію къ матери и по испор-
ченной природѣ, любя ласку, отца бы
могъ возненавидѣть и бояться какъ
злодѣя, но по внушенію ли то свыше
или по благоразумію отца моего, я
любилъ его весьма много, не могу
изъяснить почему я тогда еще почи-
талъ наказаніе для себя полезнымъ,
бывши менѣе 6 лѣтъ отъ рожденія,
чему конечно милосердіе Божіе осно-
ваніемъ было.

Узнавъ черезъ размышленія, что
многія обстоятельства могу вспомнить,
вознамѣрился я описать жизнь мою
вкратцѣ, начиная отъ рожденія, буду-
чи уже сорока лѣтъ отъ роду.

Сіе описаніе я посвящаю дѣтямъ

моимъ не съ тѣмъ, чтобы моя жизнь могла быть примѣромъ къ подражанію, но для того, чтобы они познали, что, лишившись отца, я не имѣлъ руководителя и наставника въ моемъ поведеніи и потому погрязалъ въ порокахъ, и еслибъ Милосердіе Божіе не спасло меня, то бы я поглощенъ былъ ими.

ГЛАВА I.

Отецъ мой былъ шведской націи, взятъ былъ въ плѣнъ Великимъ Государемъ *) и отданъ для воспитанія графу А., **) гдѣ привялъ онъ вѣру греческаго исповѣданія и по окончаніи наукъ сдѣланъ правителемъ канцеляріи. По смерти графа служилъ въ главномъ комиссаріатѣ и, будучи 30 лѣтъ, женился на дочери знаменитаго купца О. ***), которая была уже вдова и имѣла дочь Т. Отъ сего брака въ заутрени дня Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла я родился въ престольномъ городѣ св. Петра. Потомъ отецъ мой сдѣланъ былъ воеводою въ маленькомъ городѣ Ч. внутри Государства.

Куда прибывъ сказываютъ, что я вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, будучи двухъ лѣтъ, присягалъ тогда восшедшей на престолъ Екатерины Великой.

*) т. е. Петромъ I во время Сѣверной войны. Ред.

**) Вѣроятно графъ Апраксинъ. Ред.

***) Овчинникова, какъ это видно изъ дальнѣйшаго повѣствованія. Ред.

1762 г.

Чрезъ четыре года, по новому распредѣленію правительства, отецъ мой назначенъ воеводою же въ другой городъ Х... куда мы и отправились, куда вскорѣ и прибыли.

1765 г.

Я нѣсколько помню положеніе сего города, оный построенъ на высокой горѣ, поставлено нѣсколько башенъ, которыя ничто иное были, какъ высокіе срубы треугольные и четырехугольные, соединены высокими заборами, а внутри подлѣ оныхъ земляной валъ довольно широкій, по которому я съ сестрою катался въ одноколкѣ, запряженной козломъ.

Строенія въ городѣ я припомню только воеводскій домъ, противъ онаго канцелярія и церковь, домъ воеводскаго товарища, священника, секретаря, казармы для гарнизона и тюрьма; былъ садъ, въ которомъ было весьма много фруктовъ, но запущенъ и весь обросъ травою; городскія ворота всегда на ночь запирались и ключи сержантъ приносили въ воеводскій домъ, а какъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ гора, на которой стоялъ городъ, раздѣлялась оврагомъ, чрезъ который заборъ хотя и былъ поставленъ, но подъ оный можно было ходить. Сіе нужно упомянуть для послѣдующаго описанія.

Отецъ мой былъ человекъ кроткій, почти никогда не сѣрдился, людей служащихъ никогда не билъ и болѣе не имѣлъ брани, какъ „бездѣльникъ“. Ко-

гда наказывалъ преступниковъ по закону, всегда плакалъ, былъ благочестивъ, молился Богу, когда всѣ снятъ, церковь посѣщалъ часто и меня бралъ съ собою даже къ заутренѣ и ставилъ передъ собою. И когда меня наказывалъ, всегда приговаривалъ „лучше умри, нежели быть бездѣльникомъ и бесполезнымъ человѣкомъ“. Сей городъ былъ гробъ моего отца.. Ахъ, всегда я вспоминаю его съ благоговѣніемъ.

Прибывъ въ городъ Х..., можетъ быть отъ перемѣны воды и воздуха всѣ домашніе наши перележали въ лихорадкѣ, потомъ заболѣлъ отецъ мой и, пробывши въ семь городѣ мѣсяцевъ 7, скончался. Ахъ, я его потери оплакать не могу! Скончался онъ на первой недѣлѣ великой четвередесятницы. Я остался 6 лѣтъ отъ рожденія, выучившись читать и начавъ писать.

Когда я отца моего, единственнаго моего по Богѣ попечителя, покровителя и наставника моего лишился, то можетъ быть многіе скажутъ, что, видя всѣхъ рыдающихъ и плачущихъ, былъ симъ тронутъ болѣе и отъ того самъ много плакалъ, но слова моего плача и рыданія свидѣлствуютъ, что я зналъ, что теряю. Я бился о столы, стулья, объ окна отъ великой горести и приговаривалъ: „кто меня теперь будетъ учить? кто меня сдѣлаетъ человѣкомъ?“, такъ что всѣхъ привелъ въ удивленіе и всѣхъ усугубилъ рыданіе; конечно, сіе внушилъ въ сердце единъ Богъ.

И какъ справедливы были слезы и

воплъ; я лишился съ нимъ всего моего благополучія, неусыпнаго надзирателя и благоразумнѣйшаго наставника. Мать моя не имѣла ни способовъ, ни просвѣщенія, ни силы, будучи удручена печалью, уничтоженіемъ, недостатками и послѣдующими несчастіями и сверхъ того имѣла на рукахъ почти взрослою дочь, мою сестру, не могла за мною смотрѣть такъ, какъ бы надлежало, и я имѣлъ время развратиться.

О смерти отца моего тогда же я много слышалъ отъ домашнихъ, будто жена прежняго воеводы жгла и толкла мертвыхъ людей кости и подсыпала подъ пороги, отъ сего всѣ наши домашніе перележали въ лихорадкѣ, а батюшка скончался. Хотя все сіе точно было, но я не думаю, чтобы отъ вышеописаннаго порошка, а конечно отъ перемѣны климата и новой воды.

За часъ до смерти отца моего, когда всѣ домашнія женщины сидѣли въ одной комнатѣ, сержантъ, пришедшій съ ключами отъ городскихъ воротъ въ вечеру, спрашивалъ: „дома ли у васъ Марья“, которая была тутъ же и отвѣчала; тогда онъ, удивившись, рассказывалъ, что идучи сюда, онъ ее видѣлъ идущую въ оврагъ подъ заборъ и думалъ, что она бѣжала. Лишь только онъ сіе кончилъ, отецъ мой въ ту минуту испустилъ духъ. О семъ видѣніи, приходя въ возрастъ, я часто размышлялъ, когда приходило мнѣ оное на память, и вначалѣ почиталъ оное баснею, но впоследствии оно мнѣ уже представлялось въ другомъ видѣ и по-

хожимъ на истину. И, дѣйствительно, много есть въ природѣ сокровеннаго и не умно бы было все то почитать вздоромъ, чего мы проникнуть не можемъ.

Отца моего погребли въ городской церкви и переѣхали изъ города въ село гр. Шереметьева за 30 верстъ отъ города; пригласилъ насъ туда того села управитель по знакомству, онъ далъ намъ маленькій домикъ, гдѣ мы и жили годъ, исполняя долгъ по усопшемъ моемъ родителѣ, и чрезъ годъ нашли его безъ всякой перемѣны, когда, открывая гробъ, смотрѣли.

1766 г.

Исполнивъ сію печальную должность, мы отправились въ Москву.

Удивительно, какъ испорченная природа влечетъ къ порокамъ: какъ я уже умѣлъ писать, то полюбя дочь того управителя, мнѣ ровесницу, писалъ къ ней любовныя письма. Я потому называю сіе порокомъ, что я стыдился и дѣлалъ тайно, хотя оное очень скоро открылось и произвело смѣхъ необыкновенно, а какъ съ того времени называли меня молодцомъ, то сіе ободрило меня и къ дальнѣйшему, что впослѣдствіи будетъ видно.

Ахъ, какъ осторожно съ чувствами должно обходиться, смѣхъ отнимаетъ страхъ и шуточное названіе ободряетъ къ худшему, но сіе почитается за ничто, однако оное утвердило меня во мнѣніи, что я начинаю дѣлаться молодцомъ.

Пріѣхавъ въ Москву въ самую масленицу, наняли квартиру у дьякона, который содержалъ школу, въ которую и я отданъ былъ для усовершенствованія въ письмѣ. Худое смотрѣніе, негодные товарищи и испорченная природа сдѣлали меня не по лѣтамъ порочнѣйшимъ челомъ: Мнѣ было тогда семь лѣтъ отъ рожденія, но обращался въ дѣлахъ развратнѣйшихъ, хотя безъ всякихъ мыслей, не понимая наслажденія, а только слѣдуя примѣру и для хвастовства, что я молодець.

По совѣту знакомыхъ мать моя отдала меня въ университетъ, я выучился читать по латыни и чрезъ меня познакомились съ нашимъ семействомъ студенты, съ другой стороны знакома была съ нами дочь одного нѣмца, прекрасная собою, лѣтъ 16, и очень часто у насъ бывала, меня звали ея женихомъ, она меня часто цѣловала и сажала къ себѣ на колѣни.

Это былъ тотъ годъ, въ который Мать Россіи пріѣзжала*) въ Москву для избранія депутатовъ изъ всѣхъ сословіи Имперіи ради составленія комисіи о сочиненіи новаго уложенія.

Въ Успенскомъ соборѣ было торжественное молебствіе. Стеченіе народа было безчисленное. Въ то самое время произошло слѣдующее приключеніе: при разѣздѣ изъ собора ѣхала въ богатомъ экипажѣ въ 6 лошадей, какъ узнали, дѣвица дочь генерала Н., а за нею скакалъ въ 4 ямскихъ лоша-

*) т. е. Императрица Екатерина II.

дяхъ офицеръ гвардіи. Поровнялись, его лакей остановилъ лошадей дѣвицы, которую въ то время скоро весьма перенесъ оный офицеръ въ свою карету и, сѣвъ самъ, поскакалъ во всю прыть.—Пріѣхавъ къ себѣ, какъ послѣ узнали, насильно ее обезчестилъ и потомъ отдалъ на волю 12-ти гренадерамъ, отъ чего она и умерла.—Таковое неслыханное звѣрство и безбожный поступокъ скоро были наказаны. Онъ лишенъ всѣхъ чиновъ и дворянства, прогнанъ при присутствіи его матери, столь худо его воспитавшей, сквозь строй, гдѣ онъ при первомъ разѣ умеръ. Вотъ каковы слѣдствія дурного воспитанія и не обузданной страсти! Онъ уже былъ въ такомъ возрастѣ, имѣлъ столько просвѣщенія и свѣдѣній въ законѣ, что страсть могъ обуздать. Но гордость и самоволіе его погубили.

Въ бытность нашу тамъ еще одного преступника наказывали съ женою. Это былъ, какъ сказывали, бригадиръ, убившій мать свою по настоянію жены, которую онъ любилъ чрезвычайно, и въ тотъ же день донесла о томъ осьмилѣтняя дѣвочка.—Мужа и жену водили по городу въ однихъ длинныхъ посконныхъ рубахахъ, босикомъ, съ распущенными волосами, съ ними былъ офицеръ полиціи и священникъ; на каждомъ перекресткѣ ихъ останавливали, первый разглаживалъ волосы ихъ на обѣ стороны, а послѣдній увѣщевалъ къ раскаянію. При концѣ дня возвращали ихъ въ острогъ, гдѣ они

содержались и гдѣ жили по своей волѣ, во что хотѣли одѣвались и пищу, какую хотѣли, имѣли со своимъ коштомъ и прислугою. Приставленный офицеръ только наблюдалъ, чтобы они ничѣмъ другъ другу не вредили, а по утру опять водили ихъ по городу, въ случаѣ болѣзни ногъ велѣно ихъ возить на ропускахъ или на дровняхъ, что и продолжалось шесть мѣсяцевъ.—Приходя въ острогъ, мужъ великое показывалъ раскаяніе, плакалъ, рыдалъ и терзался, рѣдко надѣвалъ тулупъ или сюртукъ и туфли и женѣ своей говаривалъ, что она своими злыми совѣтами довела его къ такому богомерзкому преступленію и повергла его въ такое несчастіе. Жена же всегда одѣвалась такъ, какъ прежде, и безпрестанно мужа своего упрекала и ругала несноснымъ образомъ, что онъ не умѣлъ такъ тайно сдѣлать, какъ того требовала осторожность, что онъ по дѣломъ наказывается, какъ дуракъ, и что она съ нимъ напрасно страдаетъ за его глупость,—послѣ чего они разсажены въ разные монастыри: мужъ въ мужской, а она въ женскій и пострижены.

Примѣръ ужасомъ преисполненный для человѣчества!

Здѣсь помѣщу я и съ нами случившееся приключеніе. Изъ вышеописаннаго видно, что я имѣлъ сестру отъ прежняго мужа моей матери Адинцова, которой въ бытность нашу въ Москвѣ было лѣтъ 16, весьма недурная и имѣла довольный разумъ.

Нѣкогда сидѣла она подъ окномъ со

своею работою, которое было отворено въ улицу; въ сіе время проѣхалъ богатый экипажъ въ 6 лошадей и въ немъ Конной Гвардіи офицеръ молодой и пригожій. Выглянувъ изъ кареты, сдѣлалъ ей учтивый поклонъ, на который по привычкѣ сестра моя отвѣчала такъ, какъ безъ всякихъ мыслей, а его сіе ободрило и онъ, влучи назадъ, остановился и, высунувшись по поясъ, любострастными смотрѣлъ на нее глазами. Тогда она затворила окно и отошла прочь, послѣ чего онъ уѣхалъ и потомъ еще разъ проѣхалъ мимо, но какъ никого не видалъ, то болѣе уже не проѣзжалъ.—На другой день по полудни всѣ мы были дома, вдругъ сказываетъ человекъ, что пріѣхала къ намъ какая то знатная госпожа и между тѣмъ вошла къ намъ довольно пожилыхъ лѣтъ женщина, наговорила по городскому множество учтивостей и кончила тѣмъ, что она очень много о насъ наслышалась хорошаго, почему за честь почитаетъ быть знакомою. Мать моя ее приняла какъ могла лучше и по своему чистосердечію очень рада была такому знакомству; и посидѣвъ и узнавъ всѣ наши обстоятельства, лѣта сестры, осторожность матери, прося къ себѣ жаловать, пошла. А при отъѣздѣ ея узнали мы, что карета и лошади были тѣ же самыя, въ которой проѣзжалъ помянутый офицеръ, что навело матери моей большое сомнѣніе, смѣшанное со страхомъ, которое гораздо увеличилось, когда, разсказавъ знакомымъ, услышала, что на-

добно беречься отъ обману, чтобы и потерять вовсе достойной дѣвицы, какова была моя сестра; другія напротивъ разсуждали, не опровергая и сего, совѣтовали только быть въ осторожности, испытывать, а ничего не страшиться и не убѣгать.—Черезъ два дня посѣтила насъ опять та госпожа, цѣняла съ сожалѣніемъ, что ее не удостоили посѣщеніемъ, изъясляла свое усердіе и услышала, что за неимѣніемъ экипажа сіе случилось, предложила свой и усиленно къ себѣ просила, а особливо сестру. Между прочимъ говорила, что ужъ время ей составить партію, что она знаетъ очень хорошаго жениха, молодого, богатаго, знатнаго, который имѣлъ честь ее видѣть въ окнѣ и что весьма она ему понравилась. Однако всѣ усиленные ея просьбы и обнадеживанія, чтобы матушка сестру мою отпустила къ ней погостить, остались на тотъ разъ тщетными, съ обѣщаніемъ, однакожъ, въ другое время, и она, желая можетъ быть привести какое нибудь увѣреніе, какъ теперь я понимаю, взяла со стола яблоко и давъ сестрѣ моей откусить, положила къ себѣ въ карманъ, а потомъ, со множествомъ комплиментовъ и увѣреній о своемъ добромъ расположеніи, уѣхала. Желая узнать ея домъ, мать моя послала своего человека вслѣдъ кареты, который, проводивъ до двора, возвратившись, сказывалъ: когда карета въѣхала на дворъ, онъ остановился противъ оконъ того дома, когда всѣ были отворены и по низкости тѣхъ оконъ ему

видно было все въ домѣ происходящее; какъ вошла*)...

Жалованье онъ получалъ по тогдашнимъ цѣнамъ довольное и квартиру съ приборомъ, сверхъ того частые получалъ подарки и деньгами и вещами, отъ того и жилъ роскошно. Государыня каждый почти мѣсяцъ ѣздила къ графу, а иллюминацію дѣлалъ мой зять, за что графъ его очень любилъ и много дарилъ, и ежели бы онъ менѣе былъ роскошенъ, то былъ бы очень богатъ. Но часто и самъ дѣлалъ балы, ѣздилъ въ собранія всегда въ наемныхъ каретахъ и притомъ великій былъ волокита, и одно съ нимъ приключеніе, котораго онъ почти принужденъ былъ сказать, происшедшее съ нимъ еще прежде женитьбы, помѣщается здѣсь.

1769 г.

Сестра моя, видя частую его отлучку изъ дома и позднее возвращеніе, возымѣла подозрѣніе и потому примѣтивъ однажды, что онъ пріѣхавши при раздѣваніи нѣкоторыя бумаги пряталъ въ комодъ свой, которая она по выходѣ его изъ любопытства прочла и нашла письмо къ нему, писанное почти такимъ образомъ:— „Благодарю тебя, жизнь моя, что я еще тобою не забыта, будь увѣренъ мой ангелъ, что однимъ

*) Здѣсь въ рукописи—пропускъ. Повидимому, бракъ состоялся и дальше авторъ описываетъ этого офицера, какъ своего зятя. Дальнѣйшее описаніе относится къ Петербургу, куда послѣ свадьбы переѣхала вся семья.

тобою и по сіе время и пылаю, не взирая, что сердце свое отдалъ ты другой, какое мученіе чувствовала я услышавши, что ты женился и не получая никакого извѣстія полагала себя уже погибшею, будучи забыта столь милымъ для меня человекомъ, но теперь я воскресла, пріѣзжай душа моя, съ нетерпѣливостью буду ожидать тебя, пріѣзжай только на пятницу въ 1 часу ночи, а на четвергъ хотя оный и ближе къ свиданію нельзя, потому что у меня будетъ. Вѣрная тебѣ по гробъ“. Имени не подписано.

Сіе письмо сестру мою поразило чрезвычайно, матушку также повергло въ жестокую печаль предъ увѣреніемъ въ несчастіи дочери своей. Однако, письмо сіе положили опять въ прежнее мѣсто. Когда зять возвратился, то уже на другой день, не знаю какимъ образомъ, оное ему открылось и онъ весьма совѣстился, просилъ прощенія и по нѣкоторомъ времени, въ доказательство, что онъ сію свою любовницу на всегда оставилъ, рѣшился объявить объ ней и рассказать подробно о своемъ съ нею знакомствѣ, что здѣсь и слѣдуетъ.

„Знакомъ я съ нею уже давно, ихъ двѣ сестры, онѣ дочери купца Царскаго, имѣющаго домъ на Мойкѣ, въ которомъ онѣ и живутъ съ отцомъ, матери же онѣ давно лишились, въ ихъ горницѣ или лучше сказать въ спальнѣ окна съ желѣзными рѣшетками на Мойку, впрочемъ онѣ бывають и въ другихъ комнатахъ, когда отецъ дома; я

ходилъ нѣсколько разъ мимо и своимъ учтивствомъ, а по времени и разговоромъ понравился, и онѣ выбросили письмо, которымъ дали знать, что онѣ согласны на мое желаніе, только чтобы я самъ преодолѣлъ трудности, которыя состоятъ въ распилахъ. Итакъ я, пылая жаромъ молодости и пылкимъ любострастіемъ, для преодоленія сего препятствія нашелъ слесари, который сдѣлалъ другую рѣшетку отъемную, а старую выпиливъ, новую вставилъ, работалъ по ночамъ, послѣ чего, идучи мимо, нашелъ я цыдулку, которою тѣ женщины приглашали меня къ себѣ и что домъ ихъ хотя и въ два этажа, но чтобъ я не беспокоился объ лѣстницѣ.— Итакъ, я въ полночь, оставилъ карету за три дома не доѣзжая, пришелъ къ нимъ и увидѣлъ окно отворено и веревочная лѣстница спущена, оглядѣвшись съ поспѣшностью, я взлетѣлъ по ней и очутился въ объятіяхъ. И такъ каждую назначенную ночь проводилъ я въ излишествѣ удовольствій, надобно знать, что нѣкоторыя ночи отецъ входилъ въ ихъ спальню со свечей и осматривалъ глазами открывъ занавѣси, тогда я спрятанъ былъ въ срединѣ подъ одеждами, спускаясь съ подушекъ. Довольно великая опасность! Но не смотря на сіе случилось и не рѣдко, что онѣ изъ окна ночью со мной уходили обѣ или одна и катались въ моей каретѣ, бывали у меня и въ вольныхъ маскарадахъ и возвращались передъ утромъ. А будучи уже женатымъ, признаюсь, что нѣ-

сколько разъ случалось мнѣ быть отъ тебя (обратясь, къ сестрѣ моей говорилъ онѣ) огорченнымъ отказомъ или лучше сказать твоею воздержанностію и потому вздумалъ къ ней написать, что еще ее помню и вами читанный получилъ отвѣтъ. Вотъ что иногда дѣлаетъ мужей невѣрными“!

Тогда онѣ просилъ прощенія, цѣлуя руки и клялся быть вѣрнымъ, однако-жь, не сдержалъ своего слова, какъ то изъ послѣдующаго видѣть можно.

1770 г.

Во время жилища нашего у него, ходилъ я въ нѣмецкую школу и обучался катихизису, нѣмецкому языку, правописанію, ариѳметикѣ и танцовать, за что мать моя платила въ годъ 10 рублей, но я не умѣлъ симъ пользоваться, отъ того что не разумѣлъ своей пользы, а наставленія обстоятельнаго и спросить меня изъ школы пришедшаго что и какъ выучилъ было не кому, то часто я не бывая въ школѣ, ходилъ гулять въ сады и обманывалъ, что былъ въ школѣ; иногда притворялся больнымъ, а теперь и сожалѣю, но воротить нечѣмъ. Я только и обучился танцовать, ариѳметикѣ первыя три правила, читать по нѣмецки и писать и въ катихизисѣ весьма мало. Въ этомъ классѣ, гдѣ долженствовало бы быть благочинію и большому благочестію, происходили дѣла самыя не благопристойныя. Такъ какъ дѣти обоюго пола учились тутъ и большія и малыя, между прочимъ

были и гвардейскіе унтеръ-офицеры. Такъ изъ нихъ одинъ прежде давалъ знать глазами одной взрослой дѣвицѣ о любви своей, а какъ видно, что объ истинной любви, такъ и о благопристойности онъ не имѣлъ никакого понятія, то и давалъ ей знать неприличными знаками чего онъ отъ нея желаетъ и не знаю чѣмъ у нихъ сіе кончилось, въ ней же примѣтилъ одну стыдливость.

Во всѣхъ классахъ, кромѣ сего и танцовальнаго, ученики съ ученицами учились порознь, а мнѣ кажется, что въ семъ классѣ нужнѣе всего учиться особо другъ отъ друга обоимъ поламъ, дабы не нарушался тамъ Законъ Божій, гдѣ оный преподается, въ танцовальный же классъ ни онъ, ни она не ходили.—Ахъ, за симъ то во всякомъ училищѣ надлежало бы особенно надзирать, но о нравахъ совсѣмъ тамъ и не думаютъ, а наказываютъ только за лѣность. Изъ сего видно, что непременно нужно отданному въ училище внушать, что ежели онъ сіе пренебрежетъ и не воспользуется—много потеряетъ. кромѣ того, что нарушаетъ должное повиновеніе къ родителямъ, и нарушаетъ Законъ Божій.—И не думать такъ, что все сдѣлано когда отданъ въ школу, а надобно всякій разъ испытывать, что выучилъ, что знаетъ. Очень случится можетъ, что школа болѣе развращаетъ, нежели домъ.

Въ семь году я помѣщу описаніе

графини N, *) которая была убожденная принцесса, не упомяну какой націи, имѣла болѣзнь, кажется родъ падучей, ибо я самъ, видалъ когда она въ саду прогуливается—у ней голова такъ закидывалась за плечи на спину, что все лицо позади видно подбородкомъ вверхъ, а лбомъ внизъ и была уже въ довольной старости, впрочемъ о ней очень мало говорили.

Въ наше же тутъ пребываніе она скончалась, похороны были соразмѣрны высоты ея мужа, тогда то на гробѣ было написано, что она принцесса и я читалъ. Дѣтей у нихъ было много, изъ которыхъ и теперь еще въ живыхъ есть какъ сыны такъ и дочери. Послѣ кончины супруги своей, графъ вознамѣрился жить въ Малороссіи почему и послалъ зятя моего туда въ свои владѣнія, гдѣ приказалъ ему строить домъ и церковь, который и отправился туда съ сестрою моею навсегда, а какъ людей крѣпостныхъ онъ не имѣлъ, то и просилъ матушку дать ему слугу съ дѣвкою и съ моего согласія оное исполнено и хотя я еще былъ малолѣтенъ, но далъ ему на владѣніе сими людьми до моего возраста домашній актъ.

1717 г.

А намъ какъ жить уже нельзя было въ графскомъ домѣ, то мы и перебра-

*) Въ рукописи написано «графини Разум...» вѣроятно, Разумовской, какъ это и видно изъ послѣдующаго изложенія.

лись къ дальней роднѣ матери моей, которой я совсѣмъ не помню, на Цетербургскую сторону, у которой и нанимали квартиру маленькую и кажется что мы жили тутъ весьма не долго.

Перешли мы по приглашенію брата родного моей матери купца Алексѣя Григорьевича Овчинникова, къ которому мы иногда ѣздили съ зятемъ и сестрою, онъ имѣлъ на Выборгской сторонѣ, подлѣ морскихъ госпиталей*), оставшійся послѣ отца его домъ, въ которомъ и мы съ нимъ жили.—Онъ былъ благочестивъ и содержалъ насъ и другую совсѣмъ постороннюю семью на своемъ иждивеніи, насъ кромѣ платья, а ихъ кромѣ пищи и платья и держался стариннаго обыкновенія, ходилъ съ бородою, въ русскомъ платьѣ, дѣтей содержалъ такимъ же образомъ, которыхъ было у него три сына и одна дочь, а самъ былъ вдовъ около 40 лѣтъ, онъ имѣлъ еще имѣнія противъ сего мѣста, гдѣ былъ чрезъ улицу у него канатный заводъ, ибо онъ ставилъ канаты въ адмиралтейство, имѣлъ лавки и въ Олонецкой губерніи шильную и мукомольную мельницу съ двумя полосами земли. Еще были у него пріемыши мальчикъ и дѣвочка, онъ за столъ ихъ съ собою не сажалъ; крѣпостные всѣ люди жили внизу кромѣ кухарки, жившей въ кухнѣ со своимъ сыномъ и пріемышами. Посты и праздники соблюдалъ строжайшимъ образомъ, столъ имѣлъ хотя сытный, но

*) Теперешній военный госпиталь.

ѣли всѣ на деревянныхъ тарелкахъ изъ общей чашки деревянными ложками безъ ножей кромѣ большого сына. Мы же пользовались отѣбною, и какъ онъ мать мою всегда называлъ съ усмѣшкою дворянкой, то ставили предъ нами приборы: обыкновенныя тарелки палевыя, ложки серебряныя, салфетки, ножи и вилки и сидѣли мы всегда въ переднемъ мѣстѣ. Столовая сія была съ лавками и она же была спальня моего дяди, а подлѣ сей была кухня, въ другія двери ходъ былъ въ залъ, который установленъ былъ мебелью обыкновенными, кромѣ двухъ угловъ, наполненныхъ образами старинной живописи и большой столъ наборный для гостинаго обѣда, который и не выносился, красного дерева шкафъ съ серебромъ и нынѣшнимъ и стариннымъ. Изъ сей залы ходъ былъ въ комнату его дочери, съ которой и мы жили, она уже была взрослая, а изъ оной—была къ посторонней семьѣ, которая состояла изъ бѣднаго купца, слѣвашагося подъ конецъ стряпчимъ, отъ пьянства разстроилъ состояніе, жена его торговка, которую онъ по часту колотилъ, а если она скроется, то взявъ топоръ на порогъ все ее платье изрубитъ, и тѣмъ самымъ самъ себя прибавлялъ разоренія. Они имѣли одну дочь—мнѣ ровесницу, которая была довольна умна и остра.

Всѣ домашніе служители называли дядю моего хозяиномъ и въ глаза и за глаза; большой сынъ былъ всѣхъ просвѣщеніе, впрочемъ всѣ дѣло свое

знали. Смиренномудрая моя сестрица, по совѣту моей матери, тихонько обучалась грамотѣ и вела себя совершенно по купецки. Неподалеку отъ насъ у церкви Спаса жилъ нашъ родственникъ священникъ Феодоръ Феодоровичъ, который очень меня любилъ и былъ весьма не глупъ и имѣлъ трехъ дочерей и одного сына, обучилъ ихъ всѣхъ грамотѣ. Онъ съ дядею моимъ не очень были дружны по разности характеровъ. Священникъ былъ хлѣбосоль и обращался съ людьми, а дядя мой былъ уединенъ.

1772 г.

Въ сей 1772 г. едва было я не лишился жизни нечаяннымъ образомъ отъ шалости. Дядя мой имѣлъ на Невѣ рѣкѣ заколь для ловленія рыбы противъ своего дома, а я живучи тутъ одною только рѣзвостью съ меньшимъ его сыномъ и другими работниками занимался. Случилось, что они пригласили меня на лодку ѣхать на заколь. Подъѣзжая къ плоту какъ я стоялъ на носу лодки, то и прыгнулъ на плотъ, на въ оный не попалъ, а прямо въ воду и съ такою силою, что до: сталъ ногами дно на 6 сажняхъ глубины, потому что на ногахъ траву вытащилъ. Удивительно, какъ я спасся! Будучи въ водѣ, я имѣлъ время помыслить, какъ мать моя обо мнѣ жалѣтъ будетъ и тотчасъ почувствовалъ, что меня тащатъ за волосы и я схватившись за плотъ вышелъ, благодареніе Богу! Тотчасъ отвезли меня на

берегъ и отдали матушкѣ, которой молитвы спасли меня. Ахъ, она болѣе обрадовалась моему спасенію нежели прогнѣвалась за мою шалость, тотчасъ раздѣли меня и положили въ постель, напоили горячимъ и я сталъ здоровъ, тогда она меня немного поѣкла прутомъ. Теперь скажу, что сіе жилище для матери моей было самое надежное и твердое. Не упомяну хорошенько, а кажется въ семъ году зять нашъ пріѣзжалъ изъ Малороссіи и приставалъ въ домъ графа Разумовскаго.

Онъ былъ у насъ и мы были у него. Видѣлъ я слугу своего Василія, который просилъ, чтобы я взялъ его къ себѣ, но мнѣ невозможно было еще въ разсужденіи несовершенныхъ лѣтъ. Итакъ недолго пробывъ зять уѣхалъ, а мать моя какъ давно уже помышляла рѣшилась опредѣлить меня къ мѣсту, начала объ ономъ стараться.

Нѣсколько разъ упоминалъ я о страннопріимствѣ дяди моего. Снѣ былъ и довольно богатъ, ибо имѣлъ пильный заводъ и мучную мельницу въ Оловецкой губерніи, имѣлъ фабрику канатную при домѣ и ставилъ канаты и прочія снасти въ Адмиралтейство; имѣлъ мелочную и другія лавки въ Гостинномъ дворѣ, ставилъ въ Морскую Госпиталь съѣстные припасы и прочее, имѣлъ обороты и хотя столъ имѣлъ всегда сытный, но много у него не оставалось. Онъ хранилъ золото и серебро и ассигнаціи въ большомъ и крѣпко окованномъ сундукѣ въ спальнѣ въ головахъ своей кровати

или въ домашней столовой. Жили въ той комнатѣ дѣти, и въ оной стоялъ большой сундукъ наполненный мѣшками съ мѣдными деньгами, оный не заперся и выставлялся изъ онаго мѣшокъ открытый для ежедневныхъ расходовъ и по опорожненіи его выставляли другой. Сіе дѣлалъ тотъ кто опорожнилъ прежній мѣшокъ, который бросали въ тотъ же сундукъ, и какъ мною замѣчено, то всякій бралъ кому сколько вздумается.

Хмѣльнаго въ домѣ онъ не держалъ ибо какъ онъ такъ, и дѣти его кромѣ квасу ничего ни пили, въ гости не хаживалъ, а къ себѣ если и принималъ, то только родныхъ, а постороннихъ у него не видно было развѣ у сыновей или у дочери подружки гостили, сего онъ не воспрещалъ и къ сыновьямъ иногда самъ прихаживалъ, когда гости сидѣли и разговаривалъ, впрочемъ посты все время проводилъ въ чтеніи Библіи.

1773 г.

Съ самаго начала сего года мать моя хотѣла меня опредѣлить въ Сенатъ, но ей отсовѣтовали, потомъ старалась записать въ Инженерный корпусъ, но не принимали иначе какъ на собственномъ содержаніи и потому я опредѣленъ въ Морской кадетскій корпусъ въ кадеты и привезла меня туда мать моя на первой недѣли четырнадцатницы и въ среду былъ я уже за столомъ и въ классахъ.

ГЛАВА II.

Корпуса директоръ былъ тогда контръ-адмиралъ Иванъ Логиновичъ *Голенищевъ Кутузовъ**), который, будучи членомъ Государственной адмиралтейской коллегіи и генераль-казначей, жилъ въ Петербургѣ, а корпусъ находился въ Кронштадтѣ, гдѣ и начальствовалъ въ ономъ флота капитанъ бригадирскаго ранга Софронъ Борисовичъ Шубинъ, корпуса маіоръ былъ инженеръ подполковникъ Алексѣй Давидовичъ *Голостеновъ*. Кадеты были раздѣлены на три роты, въ первой былъ капитаномъ флота капитанъ-лейтенантъ Василій Никитовичъ *Курманалтевъ*, къ которому въ роту и я былъ написанъ и съ помощію Божіею съ сего времени я началъ обучаться принадлежащимъ наукамъ.

Благодѣтелей мнѣ въ Кронштадтѣ никого не было, мать моя, пріѣхавъ со мною, приставила къ учителю корпуса *Лебедеву*, который имѣлъ казенную квартиру внѣ корпуса, онъ обучалъ доказательству геометріи, имѣлъ сына немного старѣе меня, но никуда еще не опредѣленнаго.

Тогда въ корпусѣ было такое положеніе о переводѣ изъ класса въ классъ, что хотя бы кто и обучилъ на примѣръ 1-ую часть ариѳметики, то долженъ

*) Былъ директоромъ корпуса съ 1762 г. по 1792 г.; исполняя одновременно рядъ обязанностей генераль-интенданта флота, члена адмиралтействъ-коллегіи и пр., скорѣе считался завѣдующимъ учебною частью во флотѣ, чѣмъ директоромъ. Весьма просвѣщенный и гуманный дѣятель.

въ ономъ пробить до положеннаго времени экзамена, который дѣлали чрезъ полгода, и по экзамену, если окажется, что знаетъ твердо выученное, тогда переводятъ во 2-ую часть ариѳметики, а изъ сего такимъ же образомъ въ геометрію и такъ далѣе, отъ чего я на первый разъ и проигралъ передъ другими.

Я, будучи опредѣленъ съ нѣкоторыми въ одно время и написанъ въ 1-ю часть ариѳметики, и всѣ имѣли начало одинакое, то есть знали три первыхъ правила: сложеніе, вычитаніе и умноженіе и кончили вмѣстѣ, а предъ экзаменомъ въ іюнѣ сего года спрашивали каждаго изъ насъ, кто надѣется выдержать экзаменъ въ 3-ю часть ариѳметики? Я хотя и зналъ, казалось мнѣ, не хуже другихъ, однако сомнѣвался, а потому объявилъ, что я не твердо знаю; другихъ перевели, а я остался еще на полгода, а чрезъ то впоследствии хотя уже и положеніе было перемѣнено и экзаменовали какъ кто выучить и хотя не лѣнился, но не могъ ихъ догнать и они вышли прежде меня годомъ въ офицеры.

Тогда я узналъ, что иногда нужна смѣлость и что не всегда по знанію, но и просьбѣ, по учтивости и покорности, а иногда и по интересу были изъ класса въ классъ переводимы.

У меня была своя постель и хорошая и матушка снабдила меня чайнымъ приборомъ фарфоровымъ и прочими излишними для кадета принадлежностями; опредѣленъ былъ фельдфебель изъ

морскихъ баталіоновъ, онъ былъ и старшій въ камерѣ, онъ меня очень ласкалъ и выманилъ у меня все на поддержаніе и все у него осталось, а я спалъ уже на казенномъ тюфякѣ.

1774 г.

Въ семь году случилось со мною странное происшествіе, я читалъ чувствительный романъ и не могъ отъ слезъ удержаться, даже началъ рыдать, такъ что и другіе примѣтили, а такъ какъ для многихъ кадетъ это было не понятно и удивительно, то они сочли меня сумасшедшимъ, но нѣкоторые замѣтили противное и начали со мною разговаривать, и не помню, какъ зашла рѣчь объ образахъ, только помню, что я изъяснилъ, что оныя введены для воспоминанія дѣлъ Божіихъ и святыхъ его, что мы оныя почитаемъ, относясь кто на оныхъ изображенъ, впрочемъ сами собою они ничто иное, какъ доски. Я сказалъ свои мысли, какъ умѣлъ, я не зналъ еще, съ кѣмъ и о чемъ говорить принято, ибо вмѣсто того, чтобы меня оспорить, если что я не такъ сказалъ, они явно называли меня сумасшедшимъ; такъ и поступать начали и едва въ самомъ дѣлѣ не свели меня съ ума. Но Богъ, назирающій на всѣ дѣла человѣческія, подалъ мнѣ свою всемогущую помощь и внушилъ мнѣ побужденіе уйти къ офицеру подъ видомъ нѣкотораго дѣла, куда они пойти не смѣли, и какъ я тамъ пробылъ долго, то они и разошлись.

Въ семь году опредѣлились въ корпусъ два брата *Вашукиѣ*, изъ которыхъ съ меньшимъ я очень подружился. Мы доставали книги для чтенія и вмѣстѣ разсуждали и для пріученія себя къ сочиненію писемъ согласились переписываться, полагая, что онъ находится при дворѣ, а я въ деревнѣ, и сіи письма вносили мы въ особую книгу, которая у насъ и пропала и неизвѣстно, какъ попалась къ офицерамъ, которые и возымѣли о насъ отличныя мысли, сіе первое добро, которое мы пріобрѣли сею перепискою.

При опредѣленіи моемъ въ корпусъ сержантами отъ гардемаринъ были *Лобысевичъ* и *Елагинъ*, послѣдній въ началѣ сего года проступился*), не знаю какъ попался въ шайку шалуновъ и былъ съ ними ночью за корпусомъ, гдѣ ихъ захватили подъ караулъ и привели въ корпусъ и содержали подъ арестомъ, а по пріѣздѣ директора, по сдѣланіи легкаго штрафа, нѣкоторые прощены, въ томъ числѣ и *Елагинъ*, а нѣкоторые выпущены въ солдаты, и въ семь же году они оба выпущены во флотъ и взяты въ корпусныя офицеры.

Я ѣздилъ въ отпускъ въ Петербургъ къ матушкѣ на Святки гостить и возвратился въ Крещеніе.

1775 г.

Какъ *Лобысевичъ* меня ласкалъ, то я къ нему и хаживалъ, и какъ охотникъ

*) Т. е. сдѣлалъ проступокъ.

былъ до театра, то часто декламировалъ, что я, замѣтивъ, дѣлалъ тоже, когда случался одинъ, въ чемъ онъ меня и засталъ; съ того времени я уже былъ актеромъ, и кажется въ началѣ сего года пріѣзжалъ директоръ со всею семьєю, тогда дѣлали новое положеніе въ разсужденіи воспитанія кадетъ. Воля Императрицы была, чтобы вовсе уничтожить тѣлесное наказаніе, то за каждый предполагаемый проступокъ полагались штрафы, кромѣ тѣлесныхъ. Однако же, подъ рукою позволено было офицерамъ кадетъ съчь розгами, почитая невозможнымъ безъ сего обойтись.

Въ то время для удовольствія директора на корпусномъ театрѣ играна была трагедія *Беверлей*, которую роль игралъ флота капитанъ *Спиридовъ**), жену его директорская свояченица *Екатерина Ильинишна Бибикина*, дѣвица эта уже сговорена была за генералъ-маіора *Голенищева Кутузова*, который съ ними же пріѣхалъ. Генриетту играла дѣвица *Арсентьева*, Левіона—корпуса капитанъ *Ржевскій*, Стукелия—офицеръ *Тимирязевъ*, Ярвига—*Лобысевичъ*, сына *Беверлея*—сынъ директора *Павелъ Ивановичъ*. Послѣ была пьеса въ I дѣйствіи, которую играли проэкзамнованные въ мичмана. Содержаніе оной была похвала и благодарность директора. Сочинилъ корпуса капитанъ

*) Алексѣй Григорьевичъ, сынъ знаменитаго адмирала.

Александръ Семеновичъ *Шшиковъ*^{*)}. Я былъ суфлеромъ, а въ другой разъ, когда *Лобысевича* игралъ Беверлея, я игралъ Ярвига.

Сего года лѣтомъ я ѣздилъ въ Петербургъ въ каникулы, а 1-го сентября пожалованъ въ гардемарины.

Сего года зимою матушка моя пріѣзжала въ Кронштадтъ и съ зятемъ, который былъ у меня въ корпусѣ и подарилъ мнѣ имперіаль; онъ благодарилъ *Лобысевича* за его ко мнѣ милости и я былъ у матушки, которая приставала у Лебедева.

1776 г.

Много разъ въ семь году я игралъ на театрѣ, въ который съѣзжались не только кронштадтскіе, но и петербургскіе господа и мы всегда были приглашаемы на ужинъ или къ главному командиру вице-адмиралу *Грейгу*^{**}), или къ контръ-адмиралу *Баршу*^{***}), у котораго и танцовали съ дочерьми, а если директоръ былъ въ корпусѣ, то и у него бывали.

Въ семь году корпуса подполковника *Шубина*^{****}) произвели въ контръ-адмиралы и послали для построенія Херсона.

Я былъ въ походѣ на фрегатъ „Аф-

*) Иавѣстный морской писатель и впоследствии министр народнаго просвѣщенія.

***) Самуилъ Карловичъ, знаменитый адмиралъ.

****) Иванъ Яковлевичъ, командующій ревельской эскадрой.

*****) Софронъ Борисовичъ.

рика“ у капитана *Перепечина*, насъ у него было двое; я и другой кадетъ артиллерійскій, *Каневскій*. Въ сей походъ снабдилъ меня байковымъ сюртукомъ корпуса капитанъ *Панинъ*. Онъ меня любилъ и благодѣтельствовалъ, какъ сиротѣ. Причиной же любви его ко мнѣ былъ слѣдующій мой поступокъ: въ столѣ я былъ подстаршимъ, а старшій былъ отъ гардемариновъ сержантъ *Перфильевъ*, крестникъ Императрицы, лѣтъ 10 отъ рожденія, и состоялъ подъ особымъ смотрѣніемъ сего *Панина*, у котораго онъ и жилъ; не помню, за что онъ на меня осерчался и въ столѣ назвалъ меня „вшивикомъ“. Я не счелъ сіе обидою и снесъ, однако хотѣлъ *Панину* изъяснить таковой его поступокъ безъ жалобъ, дабы онъ взялъ мѣры къ лучшему его исправленію въ нравственности, а для меня никакого удовлетворенія не надобно, что я и исполнилъ. Таковое чувство и мысль *Панину* весьма понравились и съ того времени онъ мнѣ началъ благодѣтельствовать.

Надобно сказать, когда насъ привезли на фрегатъ, въ то самое время пріѣхала на эскадру Государыня, и когда вошла на корабль „Ростиславъ“, на которомъ подняли Штандартъ и стали со всего фрегата салютовать, тогда я въ ту минуту вошелъ на фрегатъ и подлѣ меня палили пушки, отъ чего я потерялъ слухъ и сдѣлался тушь на ухо. Потомъ Императрица ѣздила на шлюпкѣ кругомъ флота, люди стояли по реямъ, солдаты на шкафутахъ со своими офицерами отдавали

честь съ барабаннымъ боемъ на всѣхъ судахъ, играла музыка, вездѣ матросы и офицеры кричали „ура“.

Флагъ имѣлъ на эскадрѣ вице-адмиралъ Грейгъ на кораблѣ „Ростиславъ“, который былъ въ Архипелагѣ при сожженіи турецкаго флота въ Чесмѣ. Въ память сего и посѣтила Государыня сей корабль, потомъ, откушавъ на ономъ, изволила отбыть въ Петергофъ.

На другой день эскадра пошла въ море, мы были (то есть я и Каневскій) всю кампанію за капитанскимъ столомъ, которая продолжалась 6 недѣль, ходили для практики до острова Сескара и благополучно возвратились въ Кронштадтскій рейдъ.

На фрегатѣ должность моя была стоять на вахтѣ, командиръ *) былъ лейтенантъ *Драженфельсъ*, который училъ меня снастямъ и ихъ употребленію и часто со мною разговаривалъ. Я велъ журналъ, подобный штурманскому, и бросалъ лагъ для измѣренія пути корабля; мы часто фрегатъ поворачивали и меня къ тому приучали. Сначала меня укачивало и рвало, но научили меня проглотить на ниткѣ кусокъ сырой ветчины и опять оный вынуть; съ того времени и меня болѣе не укачивало. Сонъ у меня былъ столь крѣпкій, что всѣ удивлялись, вотъ тому доказательство: койка моя повѣшена въ констапельской почти надъ самой пушкой и какъ рано по сигналу утромъ дѣлали съ пальбой экзерцицію, то сна-

*) Т. е. вахтенный начальникъ.

чала не могли меня разбудить, выносили съ койкой на ростры, гдѣ я вставалъ и одѣвался, а потомъ, не снимая, приподняли къ палубѣ и изъ той пушки палили—я не просынался. Послѣ депутатскаго смотря *) насъ отослали въ корпусъ, гдѣ по прежнему начали ходить въ классы.

Въ исходѣ сего года въ корпусъ опредѣленъ подполковникомъ флота капитанъ 1-го ранга Вильгельмъ фонъ-Дезинъ.**)

1777 г.

Новый годъ я встрѣтилъ въ Петербургѣ, гостивъ у матушки, и явился на срокъ въ корпусъ, гдѣ уже готовились большія перемѣны: въ началѣ февраля всѣхъ гардемаринъ однокампанцевъ собрали въ мраморный залъ и объявили намъ, что сего года назначена кампанія въ Италію, которая такъ же будетъ считаться за двѣ, какъ и отъ города Архангельска, то кто куда желаетъ, того туда и назначать; я записался въ Италію.

Въ мартѣ двухъ корпусныхъ офицеровъ *Лобысевича* и *Елаина* командировали въ Таганрогъ; жаль было ихъ многимъ кадетамъ, почему и театръ почти рушился. Назначенные къ городу Архангельскъ гардемарины су-

*) Депутатскій смотръ — инспекторскій смотръ, производимый по порученію адмиралтействъ-коллегии особыми командиркуемыми чинами флота, наз. депутатами.

***) Виллимъ фонъ-Дезинъ, впоследствии адмиралъ.

химъ путѣмъ отправились, а остальные дожидались кампаніи въ Италію, и вотъ уже въ маѣ вышли корабли на рейдъ и насъ потребовали на оныя. Я командированъ былъ на корабль „Александръ Невскій“ съ товарищами—11 человекъ, въ томъ числѣ и артиллерійскіе кадеты. Капитанъ былъ 1-го ранга Тарасъ Ивановичъ *Вороновъ*, капитанъ-лейтенантъ *Лисовскій*, которому онъ и поручилъ насъ какъ учить, такъ и столомъ довольствоваться на наши порціонныя деньги. Мы всѣмъ были довольны и къ нему ходили кто хотѣлъ учиться съ досками, но сіе было кажется по особому зову, ибо не только принужденія, но даже ни малѣйшаго намека не было и потому ходили только двое. Флотъ состоялъ подъ флагомъ вице-адмирала *Василія Яковлевича Чичагова*, ходили до острова *Наргена*, гдѣ насъ пересадили на флагманскій корабль „*Иезекииль*“, на которомъ былъ капитанъ *Мартынъ Петровичъ фонъ-Дезинъ*, откуда и возвратились на Кронштадтскій рейдъ, потомъ отосланы были въ корпусъ, гдѣ продолжали свои науки, а кампанія въ Италію была отмѣнена и мы остались обманутыми. Сентября?*) дня было наводненіе; Итальянскій прудъ вышелъ изъ береговъ и по улицамъ была вода. 12 декабря былъ день шабашъ**) для рожденія Великаго Князя *Александра Павловича*.

*) Въ рукописи пропускъ.

**) Т. е. прекращеніе занятій.

1778 г.

Я пожалованъ отъ кадетъ въ капиталы. Въ мартѣ начался экзаменъ въ офицеры. Меня экзаменовалъ самъ главный командиръ вице-адмиралъ *Грейгъ* и безпрестанно говорилъ: „очень хорошо“, какъ и отмѣтилъ. По окончаніи экзамена началась сортировка по кампаніямъ и поведенію, въ сіе то время позвали меня изъ классовъ въ мраморный залъ, гдѣ ожидалъ меня корпусъ-подполковникъ *Вильгельмъ Петровичъ Фонъ-Дезинъ*, который тотчасъ сказалъ мнѣ что я дурно аттестованъ отъ капитана *Воронова* и что я не буду вышущенъ въ офицеры. Сіе нечаянное объявленіе такъ меня поразило, что я заплакалъ, тогда онъ сталъ утѣшать, что это можно поправить и я послѣ узналъ, что онъ послалъ къ *Воронову*, который аттестатъ переписалъ. Такое благодѣяніе я вѣчно не забуду, которое произошло отъ *Панина*, ибо *фонъ-Дезину* нельзя было знать меня такъ хорошо, но послѣ онъ благодѣтельствовалъ мнѣ до самой своей смерти, какъ видно будетъ ниже. Вначалѣ всѣхъ отъэкзаменованныхъ съ адъютантомъ корпусъ *Кирмалинымъ* отправили на яхтѣ въ Петербургъ для экзамена въ адмиралтействъ коллегію. Приставъ съ яхтой къ берегу противъ дома корпуснаго директора контръ-адмирала *Голенищева Кутузова*, адъютантъ насъ оставилъ, а возвратясь привелъ насъ въ домъ къ директору, гдѣ насъ накормили и дали намъ вмѣсто постелей соломы и мы тутъ ночевали, а на дру-

гой день въ 10 часовъ утра привели насъ въ домъ къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву*) и ввели въ кабинетъ его, гдѣ мы и стали во фронтъ. Насъ вели корридоромъ, казалась подъ древеснымъ сводомъ столь живопись по стѣнамъ онаго жива, кабинетъ уланъ ковромъ представляющимъ траву съ полевыми цвѣтами и къ одной сторонѣ была стеклянная стѣна, за которой въ большихъ прекрасныхъ кадкахъ стояли деревья, на которыхъ множество перелетывало разныхъ птицъ, которыя и пѣли. Стѣны кабинета какъ бы были стѣны какого грота. Графъ сидѣлъ на пнѣ и передъ нимъ стоялъ пень съ бумагами, которыми онъ занимался. Одѣтъ онъ былъ въ голубомъ польскомъ полукафтанѣ съ желтыми отворотами, въ голубой же конфидератской шапочкѣ и въ желтыхъ сапогахъ. Осмотрѣвъ насъ, приказалъ вести въ коллегію для экзамена. Директоръ вышелъ и мы пошли за нимъ, въ это время Чернышевъ закричалъ: „графъ***) Кутузовъ! и приказалъ ему, чтобы коллегія его не дожидалась. Итакъ, мы приведены въ присутствіе и господа члены насъ спрашивали, о чемъ почитали за нужное, потомъ насъ поздравили съ выпускомъ изъ корпуса—трехкампанцевъ мичманами, а двухкампанцевъ тѣми же чинами за мичмановъ на мичманскомъ

*) Вице-президентъ адмиралтействъ коллегіи 1769—1797 гг.

**) Ошибка—И. Л. Голенищевъ Кутузовъ не былъ графомъ.

окладъ съ дозволеніемъ носить мундиръ и шпагу безъ темляка. Тогда же намъ объявили, кто имѣетъ въ Петербургѣ родственниковъ, тотъ можетъ остаться для обмундирования себя, съ тѣмъ, что каждую недѣлю являться къ директору. Какая была радость для моей матушки! Прибѣжавъ къ ней, объявилъ, что я пожалованъ, просилъ ее обмундировать меня, она едва вѣрила и съ великою радостью исполнила мою просьбу, и я черезъ 4 дня былъ въ мундирѣ, и ея родительское сердце не могло довольно налюбоваться, а я черезъ день послѣ явился къ директору, который мнѣ черезъ недѣлю велѣлъ ѣхать въ Кронштадтъ. Я написалъ письмо къ другу своему кадету *Вашуцкому*, чтобы нанялъ мнѣ квартиру и, пробывъ съ удовольствіемъ, отправился въ Кронштадтъ, присталъ въ корпусъ и въ камерѣ своего друга ночевалъ. На другой день онъ мнѣ показалъ квартиру, въ которую я тогда же и перебрался по 10 рублей въ мѣсяцъ, двѣ комнаты, прихожая съ черной печкой для вѣстоваго, а другая для меня. Хозяйка моя, которая была бѣдная Третьякова капитана вдова, дочери, изъ которыхъ одна была уже невѣста, а другая 10 лѣтъ, слыша, какъ я читалъ трагедіи, декламируя, смотрѣли въ щелку на дверяхъ и, увидя мои движенія, сочли меня сумасшедшимъ. Онѣ имѣли у себя подругу лѣтъ 12, дочь гарнизоннаго поручика *Губачевскаго*, которая у нихъ и ночевала, и когда я уходилъ къ должности, то,

возвратясь, находилъ всегда книги въ безпорядкѣ и, наконецъ, узналъ отъ вѣстоваго и отъ слуги моего Лева, котораго я привезъ съ собою изъ Петербурга, гдѣ онъ учился сапожному мастерству, который сказывалъ, что дѣвушки перебираютъ, но я не могъ ни разу поймать, ибо онѣ ставили меньшую на караулъ. Передъ походомъ слуга отпросился въ Петербургъ купить инструментъ и я далъ ему 10 р., а назадъ онъ не бывалъ, а такъ какъ я привезъ съ собою крѣпостнаго челоуѣка Лева, который учился сапожному мастерству, то онъ и былъ у меня потомъ. Пришли ко мнѣ съ приказами, изъ которыхъ я узналъ, что я написанъ во вторую дивизию на фрегатъ „Воинъ“ къ капитанъ-лейтенанту *Вильсону**). Я тотчасъ явился, а черезъ два дня приказомъ я написанъ на корабль „Дерись“ къ капитану 1-го ранга *Мекензи*, къ которому я также явился и ходилъ на вооруженіе корабля, раздавалъ служителямъ вино и когда приносилъ къ капитану печать всегда оставлялъ меня обѣдать и ужинать. Между тѣмъ въ сіе же самое время пріѣхала ко мнѣ матушка, я былъ очень радъ и она гостила у меня недѣлю, потомъ простилась и не знали, что простились мы на вѣки.

Ахъ дрожайшая родительница, ты желала еще пріѣхать ко мнѣ, но Богъ

*) Робертъ, англичанинъ. Впоследствии адмиралъ. Командуя кораблемъ „Св. Андрей“ въ Керченскомъ сраженіи взорвалъ турецкій корабль въ одиночномъ бою. Награжденъ орд. св. Георгія 4 ст.

устроилъ иначе. Съ твоимъ благословеніемъ я вступилъ въ міръ сей, ты мнѣ не совѣтовала жениться прежде 30 лѣтъ, но я теперь не могу понять какъ сіе вышло изъ моей памяти. Послѣ сего опять меня переписали на корабль „Всеволодъ“ къ капитану 2-го ранга *Безумову* и лишь я къ нему явился, такъ и приказалъ перебираться на корабль и выходить на рейдъ. Тянувшись на ономъ, капитанъ послалъ на корабль подъ брѣйдъ вымпеломъ состоящей къ капитану 1-го ранга *Мусину-Пушкину* спросить, гдѣ онъ прикажетъ ему остановиться, а какъ вѣтеръ былъ съ моря крѣпкій и я ѣхалъ противъ на 8 весельной шлюпкѣ, то меня волненіемъ заливало такъ, что я пріѣхалъ весь мокрый. *Мусинъ-Пушкинъ**) удивился, позволилъ мнѣ пробыть докуда стихнетъ вѣтеръ и, отпуская, приказалъ сказать капитану, чтобы въ такую погоду не посылать малыхъ судовъ.

Впрочемъ сей нашъ капитанъ былъ весьма хорошъ, капитанъ лейтенантъ *Бочмановъ* и лейтенантъ Михайло Ивановичъ *Борисовъ*. **) На эскадрѣ поднялъ флагъ контръ-адмиралъ *Баризъ* на корабль „Дерись“. Мы пошли къ Красной Горкѣ, куда прибыла на придворныхъ яхтахъ и Императрица Екатерина II въ вечеру, такъ что другая

*) Алексѣй Васильевичъ, впоследствии адмиралъ.

**) Авторъ хочетъ сказать, что старшимъ офицеромъ былъ Бачмановъ, а начальникомъ его вахты—Борисовъ.

яхта пришедъ еще задѣла Ея яхту, подходя къ якорному мѣсту, когда уже Государыня опочивала и Она такъ испугалась, что вышла изъ дверей каюты спросить что такое? Между тѣмъ та яхта отошла и стала на якорь, на сей яхтѣ былъ капитанъ *Суковатой*, которому графъ *Чернышевъ* угрожалъ, закричавъ: „помни же этотъ случай!“ *Суковатой*, испугавшись, бросился въ море и утонулъ ***). По утру эскадра дѣлала эволюцію и яхты къ вечеру пошли въ Кронштадтъ, а эскадра осталась въ линіи и передовой корабль „*Переславъ*“, поворачивая сверштагъ сталъ на мель. Посланы были всѣхъ кораблей гребныя суда и онъ скоро снялся съ мели, безъ всякаго поврежденія и продолжали свое плаваніе, а прошедъ Гогландъ заштилѣли. Тогда флагманъ посылалъ офицера просить капитановъ, чтобы вычернить изъ журналовъ о томъ, что былъ корабль на мели, а черезъ два дня позвалъ капитановъ къ себѣ сигналомъ и, сказываютъ, что по прїѣздѣ всѣхъ капитанъ 1-го ранга Мартынъ *Фонъ-Дезинъ* спросилъ зачѣмъ его спрашивалъ флагманъ?: „прошу обѣдать“. Онъ, поблагодаря, уѣхалъ, ибо имѣлъ неудовольствіе за сдѣланный ему сигналъ съ выговоромъ во время эволюціи и онъ, *фонъ-Дезинъ*, не вычернилъ изъ журнала того, что корабль на мели былъ, чѣмъ сдѣлалъ, что впоследствии не вѣрно было *Баршу* поручать

***) Фактъ, происшедшій 18 июля 1778 г.

эскадры. Однако-жъ, онъ отъ сего ничего не потерялъ, ибо Государыня разсуждать изволила при пожалованіи въ вице-адмиралы, что если на морѣ онъ не способенъ, то на берегу можетъ полезенъ быть и указала быть ему главнымъ командиромъ въ Архангельскомъ портѣ.

Между тѣмъ, продолжая плаваніе, эскадра пришла къ острову Наргену и стала на якоря. Въ началѣ августа изъ Ревеля вышла эскадра подъ командою капитана бригадирскаго ранга *Коллева*. На одинъ изъ его кораблей флагманъ нашъ перенесъ флагъ свой для провожденія его въ Кронштадтъ, а наша эскадра подъ командою капитана 1-го ранга *Мусина-Пушкина* вошла на Ревельскій рейдъ, а 1-го числа сентября вошла въ гавань и того же дня объявили двухкампанцамъ мичманскіе чины и приведены были къ присягѣ, въ томъ числѣ и я.

ГЛАВА III.

1778 г.

Пригласилъ меня къ себѣ въ товарищи вмѣстѣ стоять на квартирѣ мичманъ *Френевъ*, честный человекъ, безъ всякой лести; онъ имѣлъ пристрастіе, можно сказать, къ математикѣ и къ музыкѣ, въ которыхъ и упражнялся неусыпно, будучи во всемъ воздержанъ. Онъ нанялъ квартиру въ 4 рубля на мѣсяць, которая имѣла прихожую, гостиную и спальню, въ коей помѣщались наши двѣ кровати, и кухня. Онъ

былъ и экономъ, онъ держалъ наши общія деньги, а я ни о чемъ не думалъ.

Такъ какъ я имѣлъ дарованіе декламировать, то и по обхожденію всѣ любили, я же во всѣхъ искалъ. Главный командиръ былъ контръ-адмиралъ *Шельтингъ*, который меня очень полюбилъ.

Какъ началась зима, то завелись балы и я былъ вездѣ званъ, и такъ, что ежели случусь на караулѣ за совѣтника,*) то получалъ позволеніе идти на балъ, въ тотъ день случившійся. Я почти во всякомъ собраніи декламировалъ „Честнаго преступника“, а иногда и веселое что нибудь изъ комедій. *Мекензій**)* у себя наряжался старухой и я съ нимъ плясалъ „Ваньку-Горюна“, извѣстную пѣсню. Черезъ это пріобрѣталъ къ себѣ отъ вышнихъ и отъ равныхъ уваженіе. Контръ-адмиралъ *Шельтингъ*, хотя обходился со мною весьма фамиліарно, однако же я всегда соблюдалъ къ нему мое надлежащее почтеніе, за что онъ меня чрезвычайно любилъ, даже прочилъ за меня выдать свою племянницу. Дамы и дѣвицы также были ко мнѣ ласковы, и я къ одной скромной дѣвицѣ почувствовалъ склонность. Она была дочь госпитальнаго штабъ-лекаря Вестенрика. Отецъ и мать стары, она имѣла двухъ сестеръ, изъ коихъ одна повыше ея и всегда съ ней была въ со-

*) Повидимому—нѣчто вроде рунда.

***) Мекензій Фома Фомичъ, англичанинъ, чешенскій герой. Основатель и строитель Севастополя.

браніяхъ. Еще были у нея братья—самый большой имѣлъ лѣтъ 13. Всѣ были записаны въ морскіе баталіоны унтеръ-офицерами, которые къ намъ, не упомяну по какому поводу, ходить начали. Между тѣмъ годъ сей кончился благополучно.

1779 г.

Продолжались тѣ же веселости, а въ февралѣ получено повелѣніе, которымъ назначена эскадра въ Сѣверное море и нашъ корабль „Всеволодъ“ также. Итакъ мы ходили на работу, пріуготовлялись къ вооруженію и принимали провіантъ на корабль. Пріѣхалъ и флагманъ контръ-адмиралъ *Хметевской*, но въ исходѣ марта въ часъ ночи сказываютъ намъ, что корабль „Всеволодъ“ горитъ: Мы бѣжимъ и, подходя къ оной, видимъ, что двѣ его мачты горятъ какъ двѣ свѣчи, а пришедъ туда, увидѣли весь корпусъ въ огнѣ и близъ стоящіе корабли обвѣшены парусами и облиты водою, но все еще было для нихъ опасно, почему послали матросовъ на ледъ, и, задѣвъ крюками за рулевые петли, прорубая ледъ, оттащили его изъ среды кораблей къ берегу на мель, гдѣ онъ и сгорѣлъ.

Товарища *Френева* написали на другой корабль и онъ ушелъ въ Сѣверное море, меня написали на брандвахту, которую надобно было килевать и вооружить. Капитанъ былъ 2-го ранга *Полупоярковъ**), человекъ серьезный, знающій въ математическихъ наукахъ, строгій въ своихъ правилахъ, прилеж-

ный въ должности и неупустительный, а офицеровъ только у него и было я и лейтенантъ датчанинъ *Виллоу*. Тотъ ходилъ со свѣтомъ на работу, а я, изнѣженный, приходилъ позже, за что получалъ частые выговоры, почему, не могли перенести ни трудовъ, ни выговоровъ въ разсужденіи своего самолюбія, которое пріобыкло къ похваламъ, сказался больнымъ. Капитанъ, имѣя только двухъ офицеровъ, имѣлъ право и долгъ приказать меня освидѣтельствовать штабъ-лекарю, который донесъ, что я боленъ, почему на мѣсто меня требованъ другой, и какъ самъ капитанъ, подозрѣвая, что я не боленъ, подавая рапортъ, сказалъ о томъ главному командиру, который, зная меня съ весьма хорошей стороны, на него прогнѣвался и сказалъ, что не умѣетъ съ благородными офицерами обходиться и написалъ вмѣсто меня штурмана, а меня написалъ на корабль „Дерись“ къ знакомому капитану *Мекензи*, который меня уже и такъ любилъ и я получилъ отъ него великую довѣренность, такъ что черезъ меня шли всѣ интересы, какъ партикулярные, такъ и казенные; всюду меня посылалъ и всюду бралъ съ собою.

Я, лишившись товарища своего *Френева*, перешелъ на другую квартиру и жилъ въ товариществѣ съ мичманомъ *Палибинымъ*. Сколько прежній былъ

*1 Дѣло идетъ о брандвахтѣ „Лебедь“, командиромъ которой былъ кап. 2 р. Никифоръ Полу бояриновъ, а не Полуоярковъ, такого во флотѣ не было

постояненъ и скромненъ; столько сей болтливъ и вѣтренъ, сколько тотъ былъ бережливъ, воздержанъ и честенъ, столько расточитенъ, роскошенъ и сребролюбивъ. Вотъ я уже въ иномъ содружествѣ, но я и сему также ввѣрился, какъ и прежнему. За квартиру мы платили по 4 рубля на мѣсяць, кушанье брали изъ трактира одну порцію и сыты были за 4 р. въ мѣсяць, а ужинъ былъ особый. Въ тотъ же трактиръ по вечеру мы приходили, брали по одному бутерброду и по бутылкѣ полпива, что каждому стоило 5 копѣекъ, чай мы имѣли свой. Почти каждый день ходили мы въ Катеринталь прогуливаться и одинъ разъ случилось довольно любопытное приключеніе. Будучи въ Катеринтальскомъ саду, я сидѣлъ въ бесѣдкѣ и читалъ Сумароковы элегіи, видѣлъ прогуливающихъ двухъ дѣвицъ, которыя позади моей бесѣдки проходили и вдругъ, что одна изъ нихъ бѣжитъ къ намъ и поднявъ покрывало, остановилась передъ нами, что насъ такъ удивило, что мы были какъ болваны и только смотрѣли на ея прекрасное лицо. Она съ усмѣшкой по нѣмецки присѣла и побѣжала къ своей подругѣ, которая между тѣмъ за нами аплодировала, кричавъ „браво“. Тогда только мы опомнились и пошли за ними, онѣ же почти бѣжали къ лѣсу, изъ котораго вышелъ пасторъ со своею женою. Онѣ къ нимъ присоединились, вышли на преспектъ, сѣли въ коляску и уѣхали.

Вотъ приключеніе, которымъ бы при-

обыкшіе къ волокитству воспользовались, а мы, будучи еще не просвѣщены въ развратѣ, не знали, какъ поступить было надобно къ обольщенію невинности и сожалѣли о томъ, что не имѣли наглости къ тому потребной и соотвѣтственной. Вотъ молодость! Мы желали быть порочными и не имѣли смѣлости! Какая непростительная глупость!

Такимъ образомъ, мы проводили время, будучи оба влюблены: я въ большую, а онъ въ меньшую дочерей Вестенрика; о семъ хотя имъ самимъ и не смѣли изъяснить, но черезъ ихъ братьевъ мы дали имъ знать очень ясно. Однако товарищъ мой тѣмъ былъ недоволенъ и онъ вздумалъ написать письмо, которое и послалъ съ братьями такимъ образомъ. Онъ купилъ лентъ для банта на шляпу и, завернувъ въ сіи ленты запечатанное письмо и обернувъ бумагой, послалъ къ ней съ большимъ братомъ, съ просьбой дабы потрудились связать ему бантъ на шляпу, а я послалъ къ своей любезной картинку рѣзную, изображающую дерево, на которомъ два пылающія сердца, а внизу нѣмецкая надпись „ich liebe das“ и т. д. Въ отвѣтъ я получилъ родъ нѣмецкаго форшефта соотвѣтствующаго моему объявленію. — Я былъ восхищенъ, особливо когда средній братъ ея мнѣ сказалъ, что моя картинка въ рамкахъ надъ ея кроватью. Съ сего времени, хотя мы видались не такъ часто на балахъ или на гуляніи, въ надеждѣ, что мы когда нибудь сое-

динимся. Между тѣмъ мой товарищъ, получивъ бантъ, связанный руками его любезной, совсѣмъ не мыслилъ о женитьбѣ и во всякую влюблялся.

Случилось, что я по обыкновенію стоялъ въ Адмиралтействѣ за совѣтника на караулѣ, гдѣ мнѣ столько было грустно, что ничѣмъ развлечь себя не могъ; бросился въ постель и часа два и болѣе плакалъ съ великимъ рыданіемъ, не зная самъ о чемъ. Тогда прислали меня звать на балъ и съ позволеніемъ отъ главнаго командира препоручить караулъ старшему по себѣ; хотя и не охотно, однако, на балѣ все забылъ и, пріѣхавъ, уснулъ спокойно.

Въ 7-ой мѣсяцъ послѣ приключенія сего получилъ я письмо отъ дяди моего, брата матери моей изъ Петербурга купца Алексѣя Овчинникова, у котораго жила моя матушка. Онъ уведомляетъ, что домъ его сгорѣлъ и они принуждены помѣститься и съ моей матушкой въ избѣ, въ которой пекли на госпиталь булки, гдѣ живучи, моя матушка пошла прогуляться по пристани, которая была худа, она оступилась и переломила себѣ ногу, отъ чего черезъ нѣсколько дней скончалась, въ то самое число, когда мнѣ случилось грустно.

Я отпросился въ отпускъ на 28 дней и поѣхалъ въ Петербургъ, мнѣ сдѣлалъ порученіе главный командиръ Шельтингъ отвезти байку въ Нарву къ его зятю капитанъ-лейтенанту Телепневу, который былъ на брандвахтѣ.

Версть за 30 до Нарвы остановился я въ корчмѣ ночевать. Въ комнату, въ которой я могъ спать, ворвались было пьяные чухны, но извозчикъ ихъ прогналъ и остался со мною ночевать, ибо прежде спалъ у лошадей, потомъ вошелъ ко мнѣ дрягиль и сказывалъ, что онъ легъ было въ корчмѣ на большой столъ спать, да услышалъ, что сговариваются чухны его убить изъ за денегъ, которыя они у него примѣтили, а у него было за пазухой 160 рублей серебряныхъ, которые онъ мнѣ и отдалъ на сбереженіе, а самъ пошелъ спать въ корчму и мы принуждены были выѣхать со свѣтомъ и сей дрягиль обѣщалъ провести байку, ибо она была контрабандомъ*). Онъ свѣлъ на возъ сѣна при въѣздѣ въ Нарву, байку спряталъ въ сѣно, я самъ на возу. Такимъ образомъ, проѣхавъ возвратилъ мнѣ байку и взялъ свои деньги, а я присталъ къ *Телепневу*. Меня очень хорошо приняли и пробывъ дня три, я отправился въ Петербургъ, куда пріѣхавъ, присталъ на Выборгской сторонѣ въ домъ дяди моего купца Овчинникова.

Домъ уже былъ построень новый на томъ же мѣстѣ и точно такого же расположенія. Дядя мой былъ на пильномъ заводѣ, а дома были его сыновья Яковъ и Иванъ, да дочь его Прасковья. Приняли меня хорошо и объявили, что только одинъ сундукъ остался матушкинъ, а прочее

*) т. е. контрабандой.

яко бы все сгорѣло, хотя сарай тотъ и цѣль, въ которомъ три сундука стояли, два съ книгами и одинъ съ посудой, да постель осталась съ приборомъ, которая гораздо пожеже стала и пожеще. Въ сундукѣ я нашелъ вексель другого дяди купца Сокольниковъ въ 100 рублей, съ которымъ я къ нему и ѣздилъ и онъ мнѣ отдалъ 75 рублей, а остальные удержалъ за плитку, которую онъ положилъ на могилу моей матери, и я столь былъ безразсуденъ, что съ нимъ поссорился и разстался во враждѣ, забывъ что онъ содержалъ насъ съ матерью сколько лѣтъ на своемъ иждивеніи. Господи, прости грѣхи моей юности! — Слугу моего Іева нашелъ я въ крѣпостной работѣ, откуда получивъ и взявъ съ собою, съ сундукомъ и постелью отправился обратно, заѣхалъ въ Нарву къ *Телепневу* и прожилъ у него съ недѣлю, онъ мнѣ доставлялъ всякое удовольствіе и на послѣдокъ я проигралъ ему двѣсти рублей и заплатилъ наслѣдствомъ около 500 рублей и можетъ болѣе. Молодость, неопытность и невоздержанность влекутъ за собою худыя слѣдствія.

Я пріѣхалъ въ Ревель явился къ кому слѣдуетъ, что было передъ Рождествомъ Христовымъ. Святки начались веселіемъ и я забылъ свое несчастіе. Я былъ на балахъ, катался съ горъ на конькахъ, ѣздилъ по мызамъ, видѣлся нѣсколько разъ со своей любезной, увѣрился, что любимъ взаимно и, казалось, желать было нечего.

Къ намъ на корабль присланъ былъ изъ Кронштадта мичманъ *Сахаровъ*, котораго мы взяли къ себѣ на квартиру. Онъ у насъ былъ хозяинъ, потому что никуда не ходилъ, ибо не любилъ знакомства и ни къ чему не имѣлъ пристрастия.

1780 г.

Новый годъ встрѣченъ весело, такъ какъ было продолженіе святокъ, а послѣ таковыхъ сидѣли мы къ вечеру дома довольно скучно и вдругъ *Палибинъ* вздумалъ и сказалъ: „Что мы, братцы, живемъ, какъ монахи, пошлемъ за дѣвицами!“ Мы согласились, дьявольская услуга готова, вѣстовой полетѣлъ и двѣ дѣвицы явились. Сей случай показываетъ, что отъ худого сообщества молодые люди впадаютъ въ пороки. Мы были такого свойства, что хотя имѣли склонность и желаніе къ сладострастію, но другъ друга стыдились, но смѣлость одного изъ насъ рѣшила нашу робость. Робость ко грѣху, ахъ, ее надобно имѣть, это страхъ Божій! Какъ хочешь ее назови: застѣнчивостью или трусостью, но она вложена въ насъ свыше и для насъ спасительна, ибо смѣлость, какую имѣлъ нашъ товарищъ, одинъ святой называетъ самою вредною страстью и что она мать всѣмъ страстямъ.

Тотъ же товарищъ нашъ, спустя нѣсколько времени возвратись съ прогулки, съ восторгомъ рассказывалъ, какую онъ видѣлъ красавицу, и что онъ смертельно влюбился и вскорѣ послѣ

узнавши, что она племянница гарнизоннаго капитана *Русинова* и живетъ у него вмѣсто дочери, онъ вознамѣрился на ней жениться и спрашивалъ у меня совѣта, какъ поступить къ тому? — На другой же день я пошелъ къ нашему капитану *Мекензи*, который меня очень любилъ, и сказалъ ему, что мичманъ *Палибинъ* желаетъ жениться на племянницѣ капитана *Русинова* и хотѣлъ просить помощи, да не смѣетъ. Онъ отвѣтилъ: „пусть придетъ ко мнѣ, я самъ съ нимъ поѣду туда и дѣло окончу“. Я пересказалъ *Палибину*, который съ радостью пошелъ. Они взили и положенъ день сговора, на который и я приглашенъ былъ. Случилось, что я остался въ горницѣ и невѣста меня поцѣловала, это побудило ее обнять и прижать къ себѣ, цѣловать такъ, что мы оба дрожали и въ этомъ положеніи она меня спросила: „Ну, ежели увидить *Антонъ Григорьевичъ*“, т. е. женихъ ея, я отвѣчалъ: „Это ничего, я ему другъ, все равно что онъ, что я.“ Вотъ какое безстыдство уже родилось во мнѣ. Благодарю Бога, что симъ только кончилось. Когда сердце волнуется страстями, тогда разумъ на распутьи и предпринимаетъ гибельныя средства, а коренная всему причина ея смѣлость, которую тотъ же святой мужъ уподобляетъ ея сильному зною, отъ котораго все бѣжить и который повреждаетъ плоды на деревьяхъ.

Итакъ вскорѣ послѣ сего свадьба совершилась, потомъ наступило лѣто и корабль нашъ приуготовлялся къ похо-

ду. Я посылалъ штабъ-лекаря *Рача* къ *Вестенрику* съ предложеніемъ отдать за меня дочь свою, которую я любилъ. Отсрочили на три года и я съ печалію готовился къ походу, а какъ во время вооруженія корабля я не ночевалъ на ономъ, будучи на вахтѣ, а потому и пошелъ въ 3 часа утра и меня очень удивило, что я не нашелъ на кораблѣ ни одного человѣка; они всѣ спали на гавани, и за это я квартирмейстера высѣкъ и его же послалъ въ казармы за командой, чтобы привели на работу; а онъ вмѣсто того ходилъ къ капитану на меня жаловаться и сказалъ, что я не ночевалъ на кораблѣ. За штрафъ командиръ велѣлъ мнѣ на другія сутки остаться на вахтѣ, а его приказалъ штабъ-лекарю освидѣтельствовать, который и донесъ, что никакого знака нѣтъ, а я принужденъ былъ посылать за обѣдомъ и за ужиномъ, который принесъ мнѣ мой слуга и я съ нимъ посылалъ къ капитану письмо, которымъ изъяснилъ, что я сдѣлался недостойнымъ быть въ его командѣ и просилъ послѣдняго благодѣянія постараться о списаніи меня съ его корабля, но его не было. Я тотчасъ пошелъ домой и не успѣлъ еще придти, какъ вошелъ ординарецъ отъ капитана сказать, что я свободенъ и чтобы завтра я пришелъ къ нему въ 10 часовъ. Вскорѣ я перебрался на корабль и мы вышли на рейдъ. Къ намъ прислали еще двухъ мичмановъ *Тимирязева* и *Башуцкаго*, и такъ у насъ было 3 лейтенанта и 4 мичмана; 4-й *Палибинъ* женатый и жилъ

на берегу. Мы уже сошли съ рейда и стояли между *Наргеномъ* и *Суронми*, на послѣднемъ былъ трактиръ. Капитанъ на прощаніе дѣлалъ въ семь трактирѣ былъ и всѣ, кромѣ меня, тамъ были, потому что я былъ на вахтѣ. Въ 3 часа утра пріѣхалъ катеръ, на которомъ мичманъ *Тимирязевъ* и ординарецъ отъ капитана съ приказомъ сего мичмана содержать на бакѣ, и оный сказывалъ мнѣ, что за то посаженъ, что не пошелъ плясать. Потомъ со всѣми пріѣхалъ и капитанъ, а по утра часу въ 10-мъ лейтенантъ *Хрущевъ*, будучи изъ всѣхъ старшій, велѣлъ всѣмъ намъ одѣться въ мундиры и повелъ насъ къ капитану, который испугался, но *Хрущевъ* тихимъ голосомъ доложилъ, что *Тимирязевъ* напрасно штрафуется и что мы всѣ вмѣстѣ съ нимъ страждемъ. *Тимирязева* онъ приказалъ съ баку спустить, но увидѣвъ, что этого мало, принужденъ былъ едѣлать на кораблѣ балъ, на который позвать всѣхъ тѣхъ, кои были въ въ трактирѣ и которыхъ захочетъ *Тимирязевъ*, который мнѣ далъ и записку, ибо я былъ посланъ звать и звалъ, всѣ общались. Пришелъ день бала, съѣхались, весело обѣдали, лилось шампанское и тогда *Мекензи* просилъ прошенія у *Тимирязева*, какъ у обиженнаго имъ друга, тогда чаша пуншу растворилась и миръ утвердился. Гости разъѣхались и мы всѣ уѣхали на берегъ и очутились на форштатѣ. Было часа два ночи, плацъ-маіоръ хотѣлъ насъ взять подъ кара-

уль, но такъ какъ мы были всё въ мундирахъ, то по вызову нашему онъ согласился идти съ нами къ главному командиру нашему Борису Ивановичу *Воронову*, который сидѣлъ тогда на крыльцѣ съ гостями и насъ принялъ за гостей же и стаканы въ рукахъ нашихъ явились, черезъ часъ разошлись и я ночевалъ у *Сахарова*, который рано утромъ ушелъ къ должности.

Приѣхавъ на корабль на другой день утромъ, увидѣли въ морѣ эскадру бригадира *Палибина*, который сигналомъ велѣлъ намъ къ себѣ присоединиться. Мы снялись съ якоря и отправились. Мичманъ *Палибинъ* остался на берегу. Мы пришли въ Копенгагенъ, гдѣ были въ театрѣ, играли балетъ *Дидону*, обѣдали у нашего министра *Сакена* (?), потомъ заходили къ Текселю, прошли Англійскимъ каналомъ, не спуская флага, пришли въ рѣку Таго и видѣли противъ Лисабона стоящую эскадру контръ-адмирала *Борисова* и нашу туда входящую, а насъ задержала круглая крѣпость выстрѣлами съ ядрами, такъ какъ мы были отставши, то о насъ королю еще не докладывали. Мы стали на якорь и черезъ часъ вышло позволеніе и насъ пропустили. Прошли, присоединились къ прочимъ и стали на якорь. Мы всё стояли противъ стараго города, который отъ землетрясенія провалился и видны углы домовъ и церквей, верхи монастырей, обросшихъ мхомъ и травой. У сего города есть пристань,

а у новаго еще не сдѣлана и противъ него стояли ихъ разоруженные корабли.

Прежде былъ контръ-адмиралъ Алексѣй Григорьевичъ *Шельтингъ*, который меня очень любилъ. Весною онъ былъ боленъ, къ нему приѣхали дочери съ мужьями, одна съ *Телегневимъ*, который меня обыгралъ, другая за майоромъ *Хвостовымъ*, у котораго я былъ въ Нарвѣ и игралъ въ ломберъ. Они всё приѣхали за наслѣдствомъ. Больной за мною часто присылалъ и я сидѣлъ съ нимъ и передъ смертью онъ спросилъ меня—будетъ ли онъ живъ; я отвѣчалъ, что Богъ и мертвыхъ воскрешаетъ. Онъ умеръ, погребеніе было отличное и миѣ дали кольцо для памяти и я его потерялъ. О молодость и нерадивость!

На другой день эскадра контръ-адмирала *Борисова* ушла къ Гибралтарскому проливу. Къ намъ приѣзжали подъ корму португальскіе музыканты съ поздравленіемъ и множество лодокъ съ съѣстными припасами, съ зеленью и фруктами. Мы ходили на берегъ, пристань очень хороша, отъ которой до новаго города лежитъ черезъ старый городъ земля весьма сухая и зыбкая и ввечеру огонь изъ нея показывается, такъ что ходить страшно. Новый городъ очень хорошъ, съ тротуарами подлѣ домовъ, которые всё каменные, въ два, три и четыре этажа, съ желѣзными крышами. Въра католическая, монаховъ множество, тутъ живетъ кардиналъ, который ѣздитъ на

шести мулахъ. Воду мы брали изъ ключа въ каменной горѣ со сдѣланнымъ винтомъ, противъ самаго города на другомъ берегу рѣки, очень хорошую. На семь же берегу на горахъ виноградные сады; на семь берегу была учреждена и госпиталь наша. Португальцы наши мѣдные деньги цѣнили очень дорого, такъ что мы получали за оныя втрое.

Капитанъ часто бывалъ на берегу въ городѣ и за городомъ на мызахъ и бралъ съ собою офицеровъ, и отъ англійскаго консула разъ принесли въ карманахъ плитки дюймовъ по 15 длиною и въ 2 шириною и толщиною чистаго золота, котораго вывозъ запрещенъ, а нашъ капитанъ взялся доставить въ Англию, а когда велѣно изготавиться къ возвратному пути, онъ взялъ къ себѣ пассажировъ 13 человекъ, въ томъ числѣ двѣ дамы съ двумя служанками, все англичане, освободившіеся изъ плѣна отъ французовъ, съ которыми какъ съ Гишпанією, Голландією и Америкю, у англичанъ тогда была война и премудрая Екатерина тѣмъ воспользовалась, чтобы уничтожить постыдный трактатъ, заключенный послѣ войны съ турками, которымъ русскіе обязаны были спускать въ англійскихъ водахъ флагъ, гюйсъ и вымпелъ и при встрѣчахъ салютовать прежде, а при сихъ обстоятельствахъ она велѣла дать инструкціи, чтобы никакъ не спускать флага и салютъ соблюсти какъ съ другими, въ противномъ случаѣ защищаться. Такимъ об-

разомъ мы съ эскадрою вышли изъ рѣки Таго и направили путь къ Англійскому каналу, но черезъ два дня сдѣлался противный вѣтеръ, который продолжался трое сутокъ. Послѣ шторма осталась зыбь, которую мореходцы почитаютъ хуже самаго шторма. Въ сіе время сигналомъ были позваны капитаны кораблей на флагманскій корабль, съ котораго нашъ капитанъ привелъ двухъ лоцмановъ и объявилъ, что онъ имѣетъ повелѣніе идти въ Англию и приказалъ держать по румбу, ведущему къ Англійскому каналу.

Черезъ недѣлю сдѣлался противный штормъ, который продолжался 4 сутокъ, и мы нашли течь по правой сторонѣ штевня подъ водою, опустили съ баку парусину съ балластомъ, которую и засосало въ сію скважину и течь перестала. Послѣ шторма сдѣлался вѣтеръ попутный и мы шли спокойно, но при входѣ въ Англійскій каналъ тотъ же вѣтеръ обратился въ штормъ и мы безъ парусовъ шли 12 узловъ въ часъ, и въ сіе время нагнавшій валъ ударилъ въ окна каютъ-компаніи, которыя всѣ выбилъ и пролился вдоль палубы до самаго гальюна, всѣ щиты и перегородки выломалъ, борты заколотили досками. Ночью прошли Плимуть и за островъ Уайтъ едва успѣли заворотить, тутъ увидѣли на Портсмутскомъ рейдѣ около ста кораблей и три адмирала. Подошелъ къ нимъ нашъ капитанъ, не спуская флага, къ старшему адмиралу послалъ спросить, будетъ ли равный салютъ, то онъ будетъ

салютовать, отвѣчали, что будетъ равный. Мы отсалютовали 13, намъ отвѣчали 9 и прислали къ намъ со всѣхъ кораблей по баркасу и по лейтенанту со спросомъ, не нужно ли помощи. Капитанъ объявилъ, что нужно войти въ гавань. Тотчасъ явились лоцмана и привели насъ въ гавань и поставили на мертвомъ якорѣ, который у нихъ былъ положенъ съ бочками на цѣпи, на бочкѣ вдѣланъ рымъ, за который мы и привязали канатъ и какъ пришли для починки, то облегчили носъ и выгружались на транспорты и потомъ уже починивались. Мы пробыли тутъ болѣе 6 мѣсяцевъ.

Гавань сія въ полную воду бываетъ болѣе семи верстъ, а въ убылую воду не болѣе 4-хъ и каждая сутки 6 часовъ прибываетъ и 6 часовъ убываетъ и купеческія суда очень хорошо онымъ пользуются, къ убылой водѣ они идутъ на мель, а какъ убудетъ—они на сушѣ починиваются, потомъ прибудетъ и тогда паки ожидаютъ убыли. И сей приливъ и отливъ бываютъ очень стремительны. Случилось, при убывалой водѣ вѣтеръ былъ сильный, въ гавани сорвало съ якоря плѣнный французскій фрегатъ, на которомъ были только два человѣка караула. Фрегатъ безъ парусовъ началъ лавировать изъ гавани, многія купеческія суда сорвалъ съ якорей и ударяясь носомъ въ берегъ, поворачивалъ оверштагъ, потомъ въ другой и опять поворачивалъ самъ собою, наконецъ дошелъ до самыхъ воротъ гавани, гдѣ попалъ въ уголъ

и въ песокъ увязъ. По обѣимъ сторонамъ сихъ воротъ стояли глаголи и на одномъ висѣла сѣтка желѣзная, на которой былъ повѣшенъ зажигатель доковъ (?)

Тутъ прекрасное адмиралтейство, гребныхъ судовъ для починки никогда на берегъ не вытаскиваютъ, а поднимаютъ машинами. Нашъ 20 весельный баркасъ подняли на берегъ 4 человѣка. Какъ въ Портсмутѣ, такъ и на другомъ берегу гавани въ Оксфордѣ дома не бѣлены, улицы чисты, съ тротуарами и фонарями, въ послѣднемъ университетъ и госпитали главные. Капитанъ нашъ жилъ на берегу, а мы на кораблѣ; мы часто у него обѣдали и были на публичномъ балѣ, который открылъ нашъ министръ, потомъ церемонимейстръ роздалъ дамъ кавалерамъ на всѣ контредансы, а который не хотѣлъ больше танцевать, долженъ былъ объявить церемонимейстру и передъ дамой извиниться, тогда онъ и отдастъ ее другому кавалеру.

Пришло время пить чай, вносятъ столы и на каждый столъ ставятъ по два большихъ подноса съ чайнымъ приборомъ и по два самовара. Дамы садятся пить чай, а кавалеры разливаютъ. Вотъ это показалось для насъ необыкновеннымъ, послѣ чего столы убрали и продолжались танцы. Мы скоро уѣхали. Замѣчательно также поведеніе ихъ матросовъ противъ начальниковъ на берегу. Въ свою очередь я принималъ на команду мясо, мясникъ меня угостилъ фриштыкомъ и потомъ я пошелъ, по-

славъ впередъ матроса на катеръ, чтобы гребцы не расходились. Я пришелъ и увидѣлъ, что англійскій капитанъ сидитъ въ своемъ катерѣ подлѣ моего одинъ и дожидаетъ своихъ гребцовъ. Я отвалилъ и поѣхалъ, а его гребцы привели каждый свою мамзель и, около капитана высадивши, заняли свои мѣста и поѣхали на корабль. Случилось, что какъ мнѣ, такъ и другимъ офицерамъ понадобились деньги, выбрали меня депутатомъ къ капитану; я поѣхалъ, объяснилъ нужды, онъ далъ мнѣ записку къ консулу, который отсчиталъ мнѣ тысячу гиней, которыя я и отнесъ капитану. Онъ взялъ себѣ половину, а другую приказалъ мнѣ всѣмъ офицерамъ раздѣлить поровну, что и много разъ было, отчего младшіе получили болѣе, нежели слѣдовало.

1781 г.

Зимы мы здѣсь не чувствовали, а только были холодные вѣтры, туманы и дожди и изрѣдка снѣгъ шелъ. Англійскіе офицеры всегда намъ и вездѣ очищали, и куда придемъ, они уходили вонъ. Разъ, услышавъ музыку, мы вошли въ одинъ домъ и, хотя они тутъ танцевали, однако тотчасъ оставили и вышли, а мы ихъ танцы продолжали; дѣвица, съ которой я танцевалъ, знаками звала меня наверхъ. У меня не было денегъ, лейтенантъ Хрущевъ далъ мнѣ свой кошелекъ, я побѣждалъ за моимъ предметомъ по лѣстницѣ наверхъ; тутъ стоялъ англи-

чанинъ съ пистолетомъ, она отпирала двери комнаты, онъ, закричавъ, приложился въ меня пистолетомъ, она на него закричала и онъ приступилъ съ бранью и бросилъ два гиней; она опять бросила ихъ къ нему, а я между тѣмъ спускался по лѣстницѣ назадъ и возвратился къ своимъ, къ которымъ безъ меня пришелъ англійскій офицеръ и, услышавъ, что я рассказывалъ, побѣждалъ наверхъ и прогналъ этого англичанина, шкипера судна купеческаго.

Въ апрѣлѣ кончили мы починку и вышли на рейдъ и стали на якорь близко острова Вульфа. Вскорѣ приблизилось наше Воскресеніе Христово. Капитанъ приказалъ наканунѣ въ 11 часовъ вечера служить заутреню, а въ 12 часовъ, какъ запѣли „Христосъ Воскресе“, такъ изъ всѣхъ орудій мы палили. Англичане встревожились и адмиралъ прислалъ спросить, что это значитъ? Мы отвѣчали: „Христосъ Воскресе!“ До половины мая простояли за вещами, которыя нашъ капитанъ купилъ для графа *Чернышева*; мѣдные кубы, обои, книги, коровы, свиньи, собаки, обезьяны, попугай и проч. Потомъ отправились въ Диль, гдѣ простояли двѣ недѣли по тѣмъ же причинамъ. Заходили въ Копенгагенъ, гдѣ встрѣтились съ эскадрой, идущей въ Италію.—Наконецъ пришли въ Кронштадтъ, капитанъ ѣздилъ съ рапортомъ и, возвратясь, сказалъ мнѣ, чтобы къ вечеру я былъ готовъ на балъ къ адмиралу *Грейгу*, куда я съ нимъ въ 7 часовъ и отправился. *Грейгомъ* я

былъ весьма обласканъ. Ревельскія дамы со мною также обошлись хорошо и такъ, пробывъ до 3 часовъ, возвратились на корабль, а черезъ день капитанъ поѣхалъ въ Петербургъ и возвратился въ 4 часа утра и въ тотъ же день всѣ покупки для графа *Чернышева* отправилъ въ Петербургъ. Потомъ пришла и эскадра наша изъ Лиссабона.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ *Чернышевъ* и у бригадира *Палибина* обѣдалъ на кораблѣ, салютовали ему по 13 пушекъ. Потомъ былъ депутатскій смотръ и къ намъ пріѣхалъ адмиралъ *Грейгъ* съ членомъ коллегіи. Перекликали команду и депутаты хотѣли ѣхать, люди были по реямъ, откуда они и закричали, что не получили жалованья! *Грейгъ* остановился и, услышавъ, въ другой разъ возвратился на шканцы и капитана повелъ въ каюту, откуда вышелъ, спрашивалъ, доволенъ ли онъ офицерами и оныхъ довольны ли капитаномъ. Всѣ отозвались довольными и онъ поѣхалъ, вскорѣ за нимъ уѣхалъ капитанъ, потомъ офицеры, такъ что я остался одинъ. Въ 5 часовъ пополудни пріѣхали на корабль совѣтникъ коллегіи и крисъ-комисаръ.

Объявили приказъ депутатовъ описать неудовольствіе команды, я закричалъ авралъ командѣ и крисъ-комисаръ описывалъ. Между тѣмъ пріѣхали нѣкоторые офицеры и штабъ-лекаръ *Рачъ*, отъ котораго я получилъ около 4000 денегъ съ приказомъ отъ капитана сейчасъ раздать командѣ. Велѣвъ клерку подать прежніе жалованные и

мундирные списки, по отъѣздѣ совѣтника роздалъ всѣмъ до полуночи и на утро подалъ рапортъ капитану, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ. Потомъ вошли въ гавань и я нанялъ квартиру на горѣ: одну горенку и сѣни съ чуланомъ, а кухня и вѣстовой у хозяина по 4 рубля на мѣсяць. По приказу капитанъ нашъ сдалъ корабль „Дерись“ капитану *Федорову*, а самъ принялъ другой корабль. Были у меня два пріятеля мичмана *Великопольскій* и *Дзивицъ*. Первый достаточенъ, вѣтренъ и подозрителенъ, игралъ въ карты и ко мнѣ ходилъ съ смѣшными комплиментами; всегда извиняется, что онъ можетъ быть обезпокоилъ меня своимъ приходомъ или что онъ долго не былъ, я всегда въ глаза его осуждалъ и называлъ „петиметромъ“, чему онъ весьма обрадовался и изъявилъ желаніе таковымъ быть, тогда я показалъ ему во французскомъ лексиконѣ, что „петиметръ“ по русски значитъ безмозглый. Онъ покраснѣлъ съ усмѣшкой. И я у него бывалъ и замѣтилъ, когда онъ дома пьетъ чай или что другое, всегда одуваешь и отзывы о служащихъ людяхъ показывали характеръ его подозрительнымъ. Онъ вышелъ въ отставку и черезъ этотъ характеръ погибъ. Другой удалялся людей, былъ весьма неопрятенъ, однако уменъ, рассуждалъ очень хорошо. Къ нему пріѣхалъ изъ деревни отецъ, котораго онъ привелъ ко мнѣ и который просилъ меня, чтобы не оставить его сына и продолжать къ нему мое вниманіе, а ему говорилъ, чтобы слу-

шался моихъ совѣтовъ, указывалъ на мою постель, какъ все чисто и прибрано. — Ахъ, старикъ, ты судилъ по наружности, а не заглянулъ въ меня, я гораздо былъ порочнѣе твоего сына; только его порокъ казистъ, а мои скрыты, это гораздо хуже! И такъ, поговоривъ и повторивъ ко мнѣ свою просьбу, пошелъ со своимъ сыномъ. Не знаю, чѣмъ я нравился имъ, ко мнѣ даже приходилъ дядька мичмана князя *Голлицына*, человекъ весьма не глупый и опытный. Онъ просилъ меня быть знакомымъ съ его бариномъ для того, чтобы онъ могъ отъ меня занять чтонибудь хорошее, и правда, сей молодой еще въ корпусѣ былъ ужасно тупъ, а гардемаринномъ на кораблѣ будучи, онъ по несчастью упалъ въ трюмъ и голову разсѣкъ объ якорную лапу и, хотя его вылечили, онъ остался еще болѣе глупъ, нежели былъ. Впрочемъ онъ не имѣетъ никакихъ пороковъ, учтивъ по привычкѣ, достаточенъ, столь хорошій, прислуга также, охотникъ до книгъ, но судить объ ономъ не можетъ. Правда, упражнялся въ чтеніи книгъ серьезныхъ, историческихъ, нравоучительныхъ и въ романахъ, особливо любилъ театральныя пьесы и священное писаніе, читалъ мнѣ на французскомъ языкѣ Кирова путешествіе и я переводилъ его и для того купилъ лексиконы, такъ маралъ кое какіе стихи и вносилъ въ особую тетрадь оныя. Ъль я ши да мясо, иногда жаркова кусокъ, котораго по часту становилось на недѣлю, ибо я любилъ, чтобы большая часть была

изжарена и во время вечерни я ходилъ прогуливаться и чаще всѣхъ я бывалъ у *Тауха* и *Галла*. Они жили вмѣстѣ и очень скромно, хаживалъ я также къ мичману *Скобелцину*, довольно достаточному, но безъ всякихъ правилъ человекъ, онъ былъ разжалованъ въ матросы за шалости свои, *) но ничего хмѣльного не пилъ и только игралъ въ карты и волочился за дѣвками. Съ нимъ я бывалъ въ трактирѣ, игрывалъ на билліардѣ и смотрѣлъ, какъ другіе играютъ.

Разъ я очень поздно шелъ изъ трактира ночью домой и, идучи мимо церковной ограды показалось мнѣ по множеству тамъ находящихся на могилахъ монументовъ, что будто мертвецы ходятъ и одного я замѣтилъ дѣйствительно живымъ, хотя увѣрялъ себя что это камень, но чрезвычайно испугался, такъ что вссь дрожалъ, но какъ то я вспомнилъ, что я читалъ, если кто чего либо испугается, долженъ идти къ тому предмету точно ли оно то что показалось. Я бросился въ ограду и подбѣжавъ уже къ тому камню отъ страха упалъ; однако былъ въ памяти и на колѣняхъ доползъ, дабы оный оцупать. Тогда страхъ мгновенно прошелъ и я спокойно пошелъ домой и съ того времени ничего не боялся. Съ тѣмъ же *Скобелцинымъ* зимою пошелъ я на интермедію въ казармы, гдѣ послѣ представленія обыкновенно пляшутъ; съ дѣвками, которыхъ увозятъ и изъ

*) За побой аптекарскаго смотрителя при таможнѣ.

за которыхъ иногда бываетъ ссора, драка и даже убійство. Я въ первый разъ ничего этого не зналъ, *Скобелъцину* же все сіе было извѣстно у него уже и извозчикъ былъ готовъ. Лишь мы вышли уже онъ съ дѣвицей сидѣлъ, а я всталъ на запятки сзади этой красавицы, которая холодныя мои руки прижимала къ себѣ, дабы онѣ скорѣе согрѣлись. Пріѣхавъ къ *Скобелъцину* она у него осталась, а я пошелъ домой и лишь только пришелъ какъ она ко мнѣ прилетѣла. Изъ всего видно, что я не искалъ грѣха, но и не убѣгалъ отъ него, что называется случай ко грѣху, которыхъ долженъ былъ удаляться, а сіи случаи происходили отъ худого, котораго надлежало бы бѣгать и хотя никогда ничего не давалъ симъ податливымъ дѣвицамъ, но онѣ ко мнѣ ходили безо всякаго зова и я тѣмъ пользовался. Но тѣмъ не менѣе правъ и сердце мое развращались, я нечувствительно дѣлался самолюбивъ, гордъ и своенравенъ. Сіе наслажденіе никакой не приноситъ пользы кромѣ какъ только развращаетъ душу и ведетъ ее къ гибели. Но я не разсуждалъ тогда какъ надобно было, не было у меня наставника, правда милость Божія велика ко мнѣ была, что онъ мнѣ даровалъ къ чтенію священнаго писанія къ правоученію. Я восхищался читая въ евангеліи слова Сына Божія когда онъ іудеямъ приведшимъ къ нему блудницу и говорившимъ, что Моисей повелѣлъ камнями убить сказалъ: „кто безгрѣшный брось въ нее первый ка-

мень“. Вотъ челоуѣколюбіе! вотъ свѣтъ разума безпримѣрнаго. У самыхъ ожесточенныхъ опустили руки и сіи Его слова показывали Его Божественность. Признаюсь, что все мое желаніе стремилось изощрить свой разумъ и для того почасту я упражнялся въ математикѣ, купилъ Евклида и всего прочель, а отъ того твердо зналъ, что выучилъ и въ экзаменѣ въ лейтенанты былъ весьма хорошо отмѣченъ.

При всемъ томъ я часто впадалъ въ великія погрѣшности, я ходилъ къ такимъ людямъ, которые были предметомъ презрѣнія всѣхъ людей честныхъ. Баронъ *Лауницъ*, разжалованный изъ унтеръ-лейтенантовъ въ канониры за буйство и капитанъ-лейтенантъ *Силенинъ*. Первый имѣлъ весьма острый разумъ и другой былъ уменъ, но не такъ какъ должно свой умъ употребляли. Они были картежные игроки, а какъ я хотя и игралъ, но не имѣя большихъ денегъ, мало имъ приносилъ и они только успѣли выманить томпаковые часы, за каторыми я не погнался и отъ нихъ отсталъ.

Въ Кронштадтѣ капитанъ надъ портомъ былъ тогда контръ-адмиралъ *Пуцинъ**), а помощникъ его капитанъ 1-го ранга Мартынъ *фонъ-Дезинъ*, челоуѣкъ къ службѣ весьма усердный, къ подчиненнымъ строгій. Была уже глубокая осень, выпалъ снѣгъ и морозы были, тогда для починки плашкоутовъ вытаскивали оныя на берегъ, да по-

*) Петръ Ивановичъ 1743—1812 г.

сылались къ порту флотской команды 100 человекъ съ офицеромъ, почему и до меня дошла очередь, а какъ наряжались понедеѣльно, то приказы были по пятницамъ, дабы офицеръ могъ явиться въ субботу для полученія наставленія, а какъ ко мнѣ принесли приказъ въ субботу около полудня, то я и явился въ воскресенье, за что и получилъ легкій выговоръ отъ Мартына Петровича *фонъ-Дезина* и приказаніе быть на работу за два часа до свѣта. Я исполнилъ такъ, что онъ пришедъ къ разводу фрунта нашель меня тутъ и далъ мнѣ 100 человекъ, которыми во весь тотъ день вытащилъ на берегъ только полтора плашкоута, а ввечеру и донесъ ему; онъ сказалъ мало и былъ недоволенъ. Я представилъ ему: „не угодно ли приказать давать на урокъ“? Онъ огорчился и сказалъ: „Вы ихъ баловать хотите, они лѣнивы, упрямы, ихъ надобно бить, какъ скотовъ, не надобно дѣлать по ихъ волѣ“. Тутъ я ему сказалъ: „Позвольте доложить, сама Государыня наша написала, что мы ничего такъ хорошо не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ охотно“. Онъ задумался, а я продолжалъ: „Притомъ же я самъ видѣлъ, какъ платье ихъ дерется отъ сей работы и они не имѣютъ времени починить оное“. Тогда онъ сказалъ: „Хорошо, пусть будетъ по волѣ вашей“. На другой день вытащено было 4 плашкоута и на третій день онъ благодарилъ меня, а примѣтивъ, что у меня кашель, уволилъ меня отъ работы.

Потомъ при разсматриваніи аттестациі общимъ собраніемъ въ конторѣ главнаго командира, когда я вошелъ, адмиралъ *Грейгъ* спрашивалъ капитановъ—кто меня знаетъ, каковъ я? Тогда капитанъ *Мекензи* сказалъ: „Г. *Даниловъ* въ иностранныхъ мѣстахъ дѣлаетъ честь русскимъ офицерамъ“, и капитанъ *фонъ-Дезинъ* отозвался, что я весьма усердный къ службѣ офицеръ. *Грейгъ* благодарилъ меня и хвалилъ, съ желаніемъ мнѣ еще быть лучше; таковое ободреніе меня весьма восхитило.

1728 г.

Въ 1-й день января я произведенъ въ лейтенанты и приведенъ къ присягѣ, упражненіе мое было то же. Въ сіи святочные дни я былъ у вышеупомянутаго Скобельцина, которому уже былъ возвращенъ мичманскій чинъ, и онъ тужилъ, что нѣтъ у него денегъ.

Потомъ вдругъ одѣлся и просилъ меня его подождать, сказавъ, что онъ идетъ къ дядѣ своему, который былъ инженеръ полковникъ при каналѣ Петра Великаго *Антоновъ*, и что онъ скоро будетъ; и, дѣйствительно, онъ черезъ часъ возвратился въ великой радости и принесъ 3000. Я его поздравилъ, а онъ смѣючись рассказывалъ, что онъ дядѣ своему уже долженъ былъ семь тысячъ по векселю и что просилъ у него нынѣ только одну тысячу, но дядя его, полагая въ 10.000 тысячъ рублей его деревню, которою ему хотѣлось завладѣть поскорѣе, далъ ему остальные 3000 и, будучи самъ занятъ,

приказалъ въ своемъ кабинетѣ ему переписать вексель и положить на мѣсто стараго, почему онъ, видя, что дядя его точно завладѣетъ сто деревнею, вздумалъ съ нимъ сыграть шутку.

Взявъ къ себѣ прежній вексель вмѣсто новаго, онъ написалъ ему пѣсню „сизенькаго голубочка“ и закричалъ въ кабинетъ къ нему: „я переписалъ вексель“. „Хорошо“, отвѣчалъ дядя, „оставь его тамъ“. Онъ оставилъ, сказавъ „прощайте“, и ушелъ.

На другой день *Скобелѣвца* позвали къ главному командиру, гдѣ онъ получилъ жестокой выговоръ, былъ арестованъ и посаженъ въ цитадель на двѣ недѣли.

Я по праздникамъ хаживалъ ко многимъ капитанамъ на поклонъ*), также и къ флагманамъ и на всякомъ балу былъ у *Грейга* и у *Барца*. Ходилъ съ командой въ церковь, а иногда и одинъ къ обѣднѣ. Я познакомился съ жилицей, женою морской артиллеріи капитанъ лейтенанта *Абрюцкова*, котораго я видѣлъ одинъ разъ издали, а съ нею я кланялся и отъ обѣдни проводилъ домой.

А нѣкогда я былъ по должности и пришедъ домой нашелъ, что за моимъ столомъ передъ зеркаломъ сидитъ госпожа *Абрюцкая* и убираетъ волосы, а на постели сидитъ ея маленькая дочка, которую я привадилъ къ моему окошку конфетами. Мать ея какъ бы встревожилась, извинялась, что дочь пусти-

ла; говорить, что у нихъ угарно, схватила туалетъ и побѣжала вонъ. Я сколько ни старался удержать, но все это дѣлалъ такъ нескладно, что самъ это чувствовалъ и отъ того никакого не получилъ успѣха, а только возымѣлъ надежду и для того усугубилъ свое стараніе. Она намекнула, что ей бы хотѣлось быть въ Петровъ день въ маскарадѣ Петергофскомъ, и я нанялъ катеръ и предложилъ. Она съ сестрою съ радостью поѣхали. Подъѣзжая къ Петергофу, по ея просьбѣ, мы заѣзжали на придворную яхту, чтобы взять съ собою капитана *Юхарина*, который повидимому былъ женихъ сестры ея и такъ прѣехали въ Петергофъ, ходили въ саду, потомъ пошли во дворецъ, и я привелъ ихъ въ биллиардную комнату, гдѣ мы и остановились.

Вскорѣ вышла и Государыня, которая, прошедъ черезъ оную и обошедъ всѣ прочія комнаты, въ сей баллиардной сѣла играть въ карты, съ ней играли: *Ланской*, графъ *Чернышевъ* и князь *Голицинъ*. Случилось, что мои глаза встрѣтились съ ея взоромъ. Какія прекрасныя глаза! какой пронизательный взоръ! казалось, что я ей пріятенъ, но я болѣе испугался, нежели обрадовался, я потупилъ свои глаза и скрылся изъ этой комнаты. Мы ушли въ садъ, гдѣ я отдалъ венеціанъ*) свой *Юхарину*, который пошелъ

*) т.-е. маскарадный костюмъ венеціанскій, вродѣ Домино.

*) Ходить на поклонъ то же, что дѣлать визиты.

со своей невѣстой во дворецъ, а мы пошли по саду и вошли въ самую темную аллею, такъ что она притворно испугавшись сказала: „ахъ, куда вы меня ведете?“ Я былъ застѣнчивъ, потерялъ и сей случай, по крайней мѣрѣ даже не могъ сказать, что я люблю, сколько не принуждалъ себя къ этому, хотя это и хорошо, что я не могъ безстыдно лгать, однако я собою недоволенъ былъ. И такъ, прогулявъ съ ними за полночь, съли на катеръ и возвратились въ Кронштатъ въ 4-мъ часу утра. Она, положа голову на мои колѣни, проспала всю дорогу. Проводивъ ихъ до квартиры, я ушелъ спать. На другой день она позвала меня пить кофе и просила вѣстоваго послать къ мужу письмо, который пришелъ на эскадрѣ изъ похода и поутру она его послала, но какъ она приказывала не мужу отдать свое письмо, а лейтенанту *Дунаеву*, то вѣстовой догадался, и какъ я пошелъ проходиться, то онъ мнѣ и отдалъ оное. Я хотѣлъ прочесть, распечаталъ оное, но нашелъ бѣлую бумагу и догадался, что писано оно молокомъ или лимономъ. Зашелъ къ *Тауху*,*) затворили ставни, подали свѣчу и на свѣчу не видно, я сталъ коптить ислова вышли—любственное письмо. Мнѣ хотѣлось отмстить, и я написалъ отвѣтъ. *Таухъ* взялся отдать, и мы пошли ко мнѣ, она смотрѣла въ окно, онъ ей отдалъ, она взбѣси-

лась. У ней тогда былъ *Юхаринъ*, тотъ вызвалъ меня на поединокъ, чтобы черезъ два часа быть за городомъ у учебной батареи. Мы явились, уже онъ былъ тамъ. Вышла, у *Тауха* переломилась шпага, я бросилъ ему свою, но лекаръ *Леманъ*, подошедъ къ *Юхарину*, толкнулъ его въ лужу, въ которую онъ упалъ и все тѣмъ кончилось, слава Богу. Такія глупости достойны большаго наказанія.

Я перебрался на другую квартиру ко вдовѣ *Нелюбовой*, у которой была дочь, почти взрослая, и сынъ маленький, котораго я училъ грамотѣ. Хаживалъ ко мнѣ иногда мичманъ *Сахаровъ*, который также жилъ у вдовы старухи, и я ходилъ къ нему и часто проигрывалъ, хотя и понемногу, отчего случилось часто быть безъ полушки. Но по счастію былъ у меня вѣстовой, усердный ко мнѣ, онъ утаивалъ отъ меня мои деньги и подъ видомъ своихъ кормилъ меня, такъ что, когда я, взявъ жалованье, хотѣлъ ему отдать, тогда онъ сказывалъ мнѣ, что онъ мои держалъ деньги и не бралъ отъ меня платы. Не помню—наградилъ ли я его чѣмъ-нибудь, а только помню, что я жестоко съ нимъ поступалъ, столь былъ я неблагодаренъ, и теперь стыжусь и терзаюсь, вспоминая о томъ. А какъ я часто нуждался въ деньгахъ, а слуга мой ничего не дѣлалъ, то и вздумалъ я продать его подполковнику *Мордвинову*. Уже сговорились и о цѣнѣ, но я

*) Лейтенантъ, товарищъ Данилова.

забылъ, что крѣпости *) на него со мною не было, которая находилась въ сундукѣ, оставленномъ мною въ Ревелѣ въ закладѣ у хозяина, гдѣ я жилъ на квартирѣ, въ 30 рублей, которыя онъ заплатилъ за меня при отправленіи моемъ въ походъ, почему, боясь, чтобы слуга мой не бѣжалъ, я просилъ *Мордвинова*, чтобы онъ держалъ его у себя до крѣпости.

Между тѣмъ я замѣтилъ, что хозяйка моя меня любитъ, такъ что, когда у меня были гости, какъ то *Сахаровъ* съ хозяйкой, и *Черкасовъ* нѣкто съ женой, и учитель *Лебедевъ*, она, вышивши пушикъ, смѣлѣе сдѣлалась, говоря со мной, цѣловала мои руки, а на другой день утромъ разбудила и потчивала меня кофеемъ. Она пеклась о томъ, что нѣтъ у меня шубы и сдѣлала мнѣ на лисьемъ мѣху, покрытую камлотомъ.

Между тѣмъ мичманъ *Сахаровъ* вздумалъ жениться; его уже пожаловали лейтенантомъ; хозяйка его ему сватала невѣсту, и когда я сидѣлъ дома, онъ вдругъ пришелъ ко мнѣ и сказываетъ, что онъ смотрѣлъ невѣсту, которая ему очень понравилась, но какъ онъ въ этомъ случаѣ самъ себя не довѣряетъ, то и проситъ меня посмотреть. Я согласился и былъ въ томъ домѣ, игралъ съ ней въ ломберъ, и мнѣ она понравилась, я *Сахарову* сказалъ, что онъ можетъ жениться, а самъ собрался ѣхать въ Ревель. Дала мнѣ на дорогу хозяйка денегъ, и я поѣхалъ черезъ

*) т. е. крѣпостного свидѣтельства.

Ораніенбаумъ въ самыя святки и пріѣхалъ въ Ревель и присталъ къ лейтенанту *Пустошкину*, который квартировалъ съ капитанъ лейтенантомъ *Бацмановымъ*. Уже было 6 часовъ вечера, и я ихъ не засталъ дома. Они были на балу у главнаго командира, генерала *Воронова*. *) Я тотчасъ одѣлся и пошелъ туда, явился къ его превосходительству, онъ меня просилъ остаться, и я увидѣлъ тутъ всѣхъ знакомыхъ, кромѣ моего предмета. И такъ, пробывъ часу до перваго, я шелъ съ *Пустошкинымъ* къ нему, а на другой день передъ обѣдомъ пришли ко мнѣ братья моей любезной, кланялись мнѣ отъ нея, радовались моему пріѣзду, спрашивали долго ли я пробуду и зачѣмъ пріѣхалъ. Я отвѣчалъ: ежели сестрица ваша не перемѣнилась, то я пріѣхалъ жениться, и на другой день я поѣхалъ къ нимъ. Старика не было дома, мать и моя любезная приняла меня весьма хорошо, конечно, полагая въ мою пользу стариково расположеніе. Мы разъ десять и болѣе предпринимали говорить, но совсѣмъ онѣмѣли и только перемѣнялись въ лицѣ и глазами разговаривали, просидѣвъ весьма долго, пріѣхалъ домой. Я, зная угрюмый нравъ старика, совсѣмъ не надѣялся получить успѣха, почему и просилъ я жену генерала *Воронова* и капитаншу *Верещагину*, которыя прежде и поѣхали, но никакого успѣха не получили.

*) Борисъ Ивановичъ Вороновъ въ то время былъ въ чинѣ капитана бригадирскаго ранга.

Потомъ генеральъ назвался къ нимъ на вечеръ и меня взялъ съ собою, гдѣ я съ моей любезной; хотя видѣлся гораздо ближе, потому что съ нею танцовалъ, но мы представляли изъ себя весьма смѣшныхъ, потому что безпрестанно мѣшались, но старика никакъ уговорить не могли и какъ теперь разсужу, то онъ поступилъ весьма умно, потому что я тогда ничего не имѣлъ, она также бѣдна, и мы были бы оба несчастны, даже не чѣмъ было бы и въ Кронштадтъ ѣхать, хотя мнѣ было горько, но нечего было дѣлать. Тутъ начали за меня сватать другихъ, но я отказался и, взявъ свой сундукъ, уѣхалъ.

ГЛАВА IV.

1783 г.

Пріѣхавъ, первый мой вопросъ былъ, женился ли *Сахаровъ*, мнѣ сказали, что еще не женился, я пошелъ къ нему, его не было дома. Хозяйка его мнѣ рассказала, что онъ ей наскучилъ, посылая ее спрашивать, идетъ ли за него невеста, и что она принуждена была сказать ему точный ея отвѣтъ, а именно: „чтобы онъ съ 12 щенковъ окатился водою, дабы собачья старость отъ него отстала“, и съ тѣхъ поръ онъ все тоскуетъ, а вскорѣ онъ и пришелъ и, посидѣвши немного, отправился домой. Я, взявъ крѣпость, думалъ идти къ *Мордвинову* для окончанія продажи слуги моего, но узналъ, что слуга мой отъ него ушелъ и содержался подъ

карауломъ у коменданта, который его отправилъ въ Петербургъ и съ того времени я его болѣе не видалъ. Потомъ мнѣ опять случилось быть у *Сахарова* и, посидѣвъ, когда я собирался домой, хозяйка его также шла со двора и просила меня идти съ собою. Мы пошли и, идучи мимо его невесты, она меня зазывала туда, но какъ я былъ въ байковомъ сюртукѣ, то и отговаривался, а въ сіе время вышелъ на крыльцо зять невесты и усиленно просилъ зайти къ нимъ. Итакъ, я пошелъ и, вошедъ въ горницу, продолжалъ извиняться, что я не такъ одѣтъ, а старуха эта, насъ столкнувши вмѣстѣ, сказала: „здравствуйте свояки“. Такимъ дѣйствіемъ она насъ въ такое привела замѣшательство, что мы минутъ десять не могли проговорить ни слова, потомъ удивлялись ея поступку, который и подалъ ему поводъ спросить меня, точно ли я имѣю намѣреніе жениться? Я сказалъ, что это правда. Позвали ея мать, которая говорила, что за дочерью ея нѣтъ никакого приданого. Я объявилъ о себѣ, что и я ничего не имѣю и что я пью, играю въ карты и прочее, не смотря ни на что согласились за меня выдать и, согласія спросивъ у невесты, назначили быть сговору въ воскресенье, отъ котораго недѣля оставалась до масляницы, а потому и свадьба была въ среду 8-го числа февраля *).

Я нарушилъ завѣщаніе моей роди-

*) Весь этотъ абзацъ весьма малопонятенъ.

тельницы, которая, гостивъ у меня въ Кронштадтѣ, приказывала, чтобы я прежде 30 лѣтъ отъ роду не женился. — Сіе завѣщаніе много, много по-дѣйствовало и я жестоко наказанъ за нарушеніе онаго и самымъ явнымъ образомъ. Цѣлыя семь лѣтъ не было у меня дѣтей и когда родилась первая дочь, тогда мнѣ былъ 31 годъ отъ роду и другія горькія приключенія нарушали благополучіе жизни моею, которыхъ я былъ весьма достоинъ **).

Черезъ двѣ недѣли послѣ моей женитьбы я написанъ былъ на придворную яхту къ капитану *Баранову*, къ которому явившись, я узналъ, что къ 1-му числу апрѣля мы должны быть въ Петербургѣ. Между тѣмъ черезъ мѣсяць былъ приказъ, что я назначаюсь въ Черноморскій флотъ и чтобы къ 1-му мая быть готовымъ. Я собрался съ молодою женою ѣхать и, пріѣхавъ въ Петербургъ, присталъ я на Выборгской сторонѣ къ дядѣ моему купцу Алексѣю Григорьевичу *Овчинникову*, которому жена моя весьма удивилась, увидя въ халатѣ, въ порткахъ, босикомъ въ туфляхъ и съ бородою, а онъ удивился ей, увидя ее въ шляпѣ, и сказалъ: „Вотъ, сударь мой, тебѣ нынѣ и женщины шляпы носятъ“, а еще болѣе удивился, услыша, что она поетъ божественные стихи.

Пробывъ тутъ дня три, пошелъ

***) Здѣсь въ рукописи оставлено чистыми два листа Повидимому, авторъ не хотѣлъ описывать «горькія приключенія», происшедшія съ нимъ изъ за женитьбы.

явиться въ комисаріатскую и лишь вошелъ въ присутствіе, какъ генераль *Сухотинъ* *) сказалъ мнѣ: „Видѣ вашъ не показываетъ того, что вы сдѣлали, я не думаю, чтобы вы по трактирамъ ходили“. Я отвѣчалъ: „Точно такъ, ваше превосходительство, мои обстоятельства причиною тому, что я опоздалъ явиться, я человѣкъ женатый“. „А! онъ воскликнулъ, это дѣло другое! Принимайте партію и отправляйтесь съ Богомъ“. — Я принялъ партію и деньги. Въ помощь мнѣ былъ мичманъ *Коковцевъ* и 120 человѣкъ рядовыхъ съ пристойнымъ числомъ унтеръ-офицеровъ.

Я отправился и по Божіему милосердію въ Новгородъ прибылъ по Волхову на лодкахъ благополучно и, въ трактирѣ пообѣдавъ, отправились и недѣли черезъ двѣ прибыли въ Москву, гдѣ нанявъ карету, ѣздивъ явиться къ вице-адмиралу *Сипягину* **) и, ѣхавъ отъ него, видѣлъ генерала въ лентѣ въ штатскомъ кафтанѣ и лакей сзади и оба они кланялись моему кучеру, который имъ откланялся, называя другъ друга братцами. Я пріѣхалъ и, выходя изъ кареты, спросилъ извозчика: „у тебя и генералы братцы есть“?, а онъ, смѣясь, отвѣчалъ: „много здѣсь этакихъ

*) Контръ-адмиралъ *Яковъ Филипповичъ Сухотинъ*, командующій практической эскадрой для обученія мичмановъ и нижнихъ чиновъ; членъ адмиралтействъ-коллегии. Отличился въ Красногорскихъ сраженіяхъ, гдѣ былъ смертельно раненъ.

***) Адмиралъ *Сипягинъ* былъ командиромъ московской адмиралтейской конторы 1780—1793 г.

генераловъ, онъ сегодня, а я завтра⁴. Вотъ какая въ Москвѣ вольность, какая буйность въ народѣ!

Я тамъ на рынкѣ купилъ золотые часы за 23 рубля, шелковыхъ чулокъ три пары за 3 рубля, шесть носовыхъ платковъ тонкихъ за 3 рубля. Чулки всѣ разорвались, платки вымыли и принесли тряпицы, итакъ одни часы обошлись въ 29 рублей. Черезъ три дня отправился я далѣе.

Продолжая путь, мы проходили многіе города, какъ Тула, Курскъ и прочіе и въ началѣ августа прибыли мы въ Кременчугъ, гдѣ губернаторъ имѣлъ понуждать партіи къ скорому шествію, почему черезъ два дня отправился на почтовыхъ и въ 6 дней пріѣхалъ въ Херсонъ, гдѣ отвели намъ квартиру три версты отъ города, гдѣ стояли прежде армейскіе полки, которые сами для себя сіи селенія строили на подобіе лагеря. Домъ для полковника впереди, по сторонамъ офицерскіе флигеля, за ними казармы для рядовыхъ, въ серединѣ которыхъ кухни, потомъ другой рядъ казармъ, которые съ прежними составляли улицу. Строены же оныя такимъ образомъ: по угламъ врывали въ землю столбы, гдѣ быть дверямъ и окнамъ, также столбъ, только тоньше, между ними для каждой. Такіе столбы круглые потомъ всѣ окатаны хворостомъ или камышомъ, также и внутреннія стѣны, которыя, какъ наружныя столбы, всѣ связаны вверху перекладинами, на которыхъ утверждалась крыша, потомъ дѣлали составъ

изъ глины, навозу, рубленнаго камыша и соломы и набивали стѣны съ обѣихъ сторонъ, потомъ сглаживали, такъ же дѣлали и потолки, потомъ бѣлили известкой. Полы были обыкновенныя, а въ казармахъ земляныя, на потолки слали доски, кровли одѣвали сверхъ рѣшетчатыхъ стропилъ постилами изъ камыша, связанными въ два и три раза. Печи обыкновенныя, въ комнатахъ голландскія, въ казармахъ черныя. По прибытіи нашемъ оныя почти всѣ были разорены; помѣстивъ партію мою въ казармы, я противъ оныхъ занялъ офицерскій флигель. Пола не было и оконешныхъ рамъ, которыя, взявъ изъ пустыхъ флигелей, я къ себѣ вставилъ, равно и печь въ кухнѣ матросы исправили, что насъ нѣсколько успокоило, ибо, вошедъ въ таковыя развалины, жена моя пришла въ отчаяніе и заливалась слезами и мы въ таковой горести безъ рамъ на земляномъ полу ночевали.

На другой день я пошелъ къ главному командиру вице-адмиралу *Клокачеву* *) въ городъ съ рапортомъ. День былъ очень ясный и довольно жаркій, я былъ въ мундирѣ, а потому встрѣтившійся со мною солдатъ, остановясь во фронтъ, сдѣлалъ мнѣ честь и едва я его прошелъ, какъ онъ, зашатавшись, упалъ, признаюсь, я почелъ его пьянымъ и ушелъ. Потомъ налетѣло на меня облако саранчи, отъ которой я

*) Главный командиръ Черноморскаго флота; основатель вмѣстѣ съ Мекензи Севастополя.

отмахивался бѣлымъ платкомъ и когда прошелъ оную, то хотѣлъ утереть потъ и увидѣлъ, что онъ весь въ дырахъ и, подходя къ городу, часовой мнѣ кричалъ, чтобы я шелъ далѣе отъ той стороны.

Я хотѣлъ знать причину и увидѣлъ, что тамъ лежатъ два мужика мертвые, тогда я вспомнилъ, что мнѣ говорили о чумѣ, также понялъ я и отчего солдатъ упалъ. Пришелъ къ главному командиру, вошелъ въ прихожую и увидѣлъ двери загорожены прибитою поперекъ досочкою. Онъ самъ находился въ залѣ, я донесъ ему словесно, что прибылъ благополучно, онъ приказалъ мой рапортъ положить въ ведро уксуса, которое стояло въ прихожей, и я возвратился домой тою же дорогой, только не замѣтилъ болѣе ничего.

Обѣдали мы двое на погребцѣ. Въ-сто стола сидѣли на постели, ибо у насъ ничего не было, да и купить было негдѣ, а и посуды только было чайникъ, кастрюля и сковорода, а столовая жестяная, полдюжины тарелокъ, миска и соусникъ изъ ея крышки. Такимъ образомъ мы жили мѣсяца полтора; я ходилъ каждое утро осматривать свою команду съ лекаремъ; люди всѣ нагѣе и сомнительныхъ отсылали въ карантинъ на степи въ построенныхъ шалашахъ, зараженныхъ же въ тяжелый карантинъ, а случалось во фронтѣ падали и умирали. Отъ такого смотра, возвратясь домой, я въ прихожей раздѣвался, выливалъ на себя ведро уксуса и чеснокъ клалъ въ ротъ. По улицамъ

вездѣ были кучи навоза съ камышемъ и бурьяномъ, которыя горѣли и воздухъ наполнялся дымомъ. Видимые признаки сей заразы суть: карбункуль или закожный чирей, который бываетъ въ пахахъ, подмышкѣй и на шеѣ и еще черное пятно на какой либо мягкой части, въ таковыхъ уже отчаявались. Но послѣ излечивали многихъ такимъ образомъ: карбункуль разрѣзывали и матерію изъ него выдавливали начисто и потомъ сію рану залечивали, а изъ имѣвшихъ черное пятно также вырѣзали, на подобіе сахарной головы, гной и, все вычистивъ, залечивали.

Ежели случалось повстрѣчаться съ кѣмъ либо, то каждый старался быть на вѣтрѣ, а говорили между собою, будучи равно на вѣтру, а распространялась сія зараза, сказываютъ, отъ того, что послѣ умершихъ съ оныхъ продавали разныя вещи и платье; охотники до дешеваго покупали, но послѣ платились дорого.

Много было и анекдотовъ во время сей заразы. Мичманъ *Малыгинъ* былъ заразившись и находился въ карантинѣ въ своей казенной квартирѣ; случилось, что въ ночь пріѣхалъ въ Херсонъ его товарищъ мичманъ *Владыкинъ* и присталъ къ нему. Сколько *Малыгинъ* ни отговаривался, представляя ему, что онъ въ карантинѣ, что онъ зараженъ и, наконецъ, сказалъ и спать ему негдѣ, тотъ отвѣчалъ, что онъ ляжетъ съ нимъ на одной постели, и ту же ночь *Малыгинъ*

умеръ, а *Владыкинъ* здоровъ, выдержалъ карантинъ и вышелъ.

У одного шкипера въ его отсутствіе жена его умерла въ заразѣ, ребенокъ, лежа на ней, сосалъ грудь. Въ то самое время входятъ шкиперъ и капитанъ-лейтенантъ *Веревкинъ**), первый боится подойти, а послѣдній ребенка беретъ на руки и уноситъ съ собою, выдерживаетъ карантинъ и отдаетъ отцу здороваго ребенка.

Приѣхалъ въ Херсонъ мичманъ *Култашевъ*, двоюродный братъ жены моей, и онъ у насъ всякій день обѣдалъ и разъ пришелъ онъ довольно поздно, почему жена моя и говорила ему: „гдѣ ты ходишь, не приноси ты къ намъ заразы“, а онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, сестрица, я ходилъ по жару и оттого такъ покраснѣлъ и голова болятъ немного“ и, пообѣдавъ, ушелъ домой. И вдругъ пересталъ ходить, жена моя спрашиваетъ: „что это братъ не ходитъ уже четвертый день?“ Я отвѣчалъ „не знаю“, хотя и слышалъ на другой день, что онъ боленъ, на третій, что онъ заразился и въ карантинѣ, на четвертый, что онъ умеръ и что скоро повезутъ его въ общую яму, а жена привыкла сидѣть на томъ окнѣ, которое къ его квартирѣ. Я всячески старался отвести ее отъ того окна, но не могъ въ томъ успѣть, почему дабы вдругъ не испугалась она отъ того, что увидитъ, рѣшился все

*) Андрей Евграфовичъ. Отличился мужествомъ и храбростью во время нападенія на турецкій флотъ 1787 г.

объявить ей и сказалъ, что *Култашевъ* умеръ. Потомъ вскорѣ и видимъ казака съ чернымъ значкомъ и пару воловъ въ телѣгѣ и съ каторжными, которые, взявъ его крючьями, бросили въ телѣгу, а на него постель, сундукъ и что имѣлъ онъ собственнаго. Его бросили въ общую яму, а экипажъ весь сожгли. При таковыхъ то случаяхъ и были злоупотребленія, какія нибудь вещи оставить и продаютъ и тѣмъ распространяютъ заразу.

Между тѣмъ мой вѣстовой узналъ и сказалъ намъ, что продаютъ кровать, столъ небольшой и двѣ скамейки самыя простыя и мы тотчасъ оныя купили и, вымывъ водой и уксусомъ, начали употреблять. Однако же, прошедшее приключеніе сдѣлало великое впечатлѣніе въ сердцѣ жены моей, къ тому же и мысль, что можетъ быть братъ ея, уже будучи зараженъ, съ нами обѣдалъ. Я ожидалъ дурныхъ послѣдствій отъ такого воображенія, что и случилось: къ намъ хаживали сидѣть самыя осторожные люди, только двое, которые ни съ кѣмъ не сообщались—лейтенантъ *Де-Моръ* и лекаръ *Ланель*. Играли мы нѣкогда въ карты, *Де-Моръ* рассказывалъ разныя приключенія, которыя очъ самъ видѣлъ и о которыхъ слышалъ относительно сей свирѣпствующей заразы, чѣмъ болѣе поселялъ страхъ въ сердца наши; между прочимъ онъ сказывалъ, что у одной женщины заболѣла железа на шеѣ, она оную щупала и замѣтила, что она прибавлялась, наконецъ сдѣлался карбун-

куль и она умерла. Во время его разсказа жена моя, слушавъ, безпрестанно щупала свою железу до того, что она заболѣла, потомъ воображеніе увѣрило ее, что она прибавилась, и вдругъ упала въ обморокъ. Я ее подхватилъ, а *Де-Моръ* и *Даниель* ушли за дверь. Поцѣлуями я привелъ ее въ чувство и она разсмѣялась, а *Де-Моръ* и *Дангелъ* изъ за дверей выглядывали и какъ слышали, что мы разговариваемъ и смѣемся, такъ и они вошли и *Де-Моръ* такъ серьезно сказалъ: „какъ вамъ сударыня не стыдно, что вы меня такъ испугали?“ Тогда всѣ мы засмѣялись, что онъ чѣмъ вздумалъ прикрыть трусость свою.

Мѣсяца черезъ полтора по пріѣздѣ нашемъ главный командиръ вице-адмиралъ *Клокачевъ* умеръ и остался главнымъ генералъ-маіоръ *Муромцевъ*, но вскорѣ пріѣхалъ вмѣсто *Клокачева* вице-адмиралъ *Сухотинъ*, который для прекращенія чумы учредилъ комисію. Она, возымѣвъ свое дѣйствіе, весьма скоро оную уменьшила, такъ что можно было безопасно сообщаться, почему кромѣ обѣдовъ другъ у друга учредился у насъ и театръ изъ офицеровъ въ квартирѣ капитана 1-го ранга графа *Войновича*, *) я былъ тутъ.

Изъ полевыхъ начальниковъ былъ генералъ-лейтенантъ графъ *Де Бальменъ* и другіе генералы. Я по приказу явился со своей партіей въ кора-

*) Марко Ивановичъ. впоследствии главный командиръ Черноморскаго флота.

бельную команду къ капитану 2-го ранга *Вельяшеву*. Между тѣмъ перебрався на другую квартиру, потомъ отвели намъ другую квартиру въ городѣ и прислали коляску для переѣзда нашего и мы только положили постель и погребецъ и сами сѣли, а прочее оставили до завтра, почему на другой день и послали за остальнымъ; но вотъ что случилось: въ ту же минуту, какъ мы уѣхали, перебрався на ту квартиру лекарь со своей семьей, изъ которой въ ту же ночь умерла дочь его въ заразѣ. Поутру тотчасъ поставили карантинъ и наши всѣ вещи остались въ карантинѣ, а мы уже въ другой разъ безъ всего.

Итакъ, ночевали на полу и получивши вышеописанное извѣстіе, я пошелъ узнать, точно ли такъ, а жена осталась плачущей. Лекарша *Геннеръ*, живущая съ нами въ однихъ сѣняхъ, нашла ее въ семъ положеніи и увела къ себѣ, а между тѣмъ снабдила насъ кроватью, мебелью, посудой, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ, что нужно имѣть на первый случай. Таковой поступокъ заслуживаетъ вниманія всѣхъ благомыслящихъ людей. Жена моя, возвратясь домой, весьма удивилась такой перемѣнѣ и я также, она же позвала насъ и обѣдать, то мы ихъ сердечно благодарили и съ ними подружили.

Мы ходили также и къ генералу *Мурмицесу*, жена его насъ обоихъ очень любила и когда были званы на балъ, то она насъ возила въ своей каретѣ. Правда, что въ разсужденіи, которое

я дѣлалъ своимъ представленіемъ, то всякій намъ предлагалъ карету и вездѣ были званы и приняты.

1784 г.

Потомъ на мѣсто графа *Де-Бальмена* пріѣхалъ генераль-лейтенантъ *Гудовичъ*, который дѣлалъ частые балы и, узнавъ мое дарованіе въ декламировкѣ, просилъ меня сдѣлать ему удовольствіе, почему я съ прочими флотскими офицерами въ его комнатахъ играли разные пьесы. Такимъ образомъ мы жили очень весело, ибо я тогда еще не разумѣлъ жить лучше.

Надобно сказать, что дешевизна была чрезвычайная, мясо по 3 денежки, хлѣбъ также, муки пшеничной мѣшокъ въ 2 пуда 60 копѣекъ, дичина, рыба, фрукты, чухонское масло, сливки, примѣру нѣтъ такого, такъ что отъ жалованья 70 рублей въ треть каждый годъ я могъ шить новый мундиръ и женѣ платье.

Въ семь году умеръ генераль *Гаксъ*, строитель херсонскій, на мѣсто котораго присланъ полковникъ *Норсаковъ*, съ которымъ я познакомился и онъ очень меня полюбилъ, я у него часто обѣдалъ по его приглашенію, бывалъ и по вечерамъ, онъ мнѣ показывалъ свои упражненія, онъ учился по англійски самоучкой, сочинялъ фортификацію и прочее.

По потребности казенной, я перемѣнилъ квартиру и перешелъ въ прежнее селеніе, въ которомъ уже всѣ строенія были поправлены и гдѣ для насъ было гораздо покойнѣе, а о преж-

ней квартирѣ мы сожалѣли только потому, что въ ней пріобрѣли друзей и жена моя узнала братьевъ своихъ, которые, услышавъ, что она замужемъ и въ Херсонѣ, пріѣхали, дабы увидѣть зятя своего, котораго они и фамилію забыли. Мы у сосѣда своего *Геннера* играли и вдругъ входятъ въ ту горницу двое молодыхъ офицеровъ и спрашиваютъ о сестрѣ, что она вышла за лейтенанта, съ которымъ и пріѣхала въ Херсонъ, спросили ихъ, и какъ скоро они сказали „*Губачевскіе*“, такъ жена моя вскочила и вскричала: „ахъ, братцы любезные“, тутъ началось цѣлованіе, рекомендація, вопросы и прочее. Мы повели къ себѣ, они оба были капитанами, погостили у насъ недѣлю и уѣхали въ свой полкъ, въ *Феодосіи* стоявшій.

Итакъ, мы живучи въ селеніи, со многими познакомились; между прочимъ съ капитаномъ артиллеріи морской *Радиловымъ* и капитанъ-лейтенантомъ *Пусторжевцевымъ*, которые были оба женаты, а черезъ послѣдняго и съ капитанъ-лейтенантомъ *Веревкинмъ*, также женатымъ. И какъ наша новая квартира начала течь, а потомъ и потолокъ обвалился, то на время исправленія оной, по просьбѣ *Веревкина*, я перешелъ къ нему, кровать свою мы поставили у него въ залѣ, а обѣдали вмѣстѣ. Онъ часто отлучался изъ дому, особливо по вечерамъ, а я съ моею и его женою игралъ въ карты, а чаще съ его женою, которая была очень молода и не дурна собой, но къ сожа-

лѣнію умомъ весьма недостаточна. Но я никогда не мыслилъ въ разсужденіи ея ничего дурного, однако *Веретинъ*, приходя домой, раза три засталъ меня съ нею играющими въ карты, обнаружилъ свою ревность, началъ ее ругать, бить и погнался за нею съ обнаженной шпагой и хотѣлъ ее заколотъ, но жена моя схватила рукою за клинокъ и онъ оставилъ шпагу.

Сіе приключеніе произвело, что мы перешли къ *Пусторжевцеву*, а какъ вскорѣ квартира наша была исправлена, то мы перешли къ себѣ. *Пусторжевцевъ* былъ великій охотникъ до голубей и оныхъ самъ гонялъ и по несчастію съ голубятни упалъ и вскорѣ умеръ. Жена его, барыня натуральнаго разума, но благочестивая, осталась съ двумя малыми дочерьми въ бѣдности на столь дальнемъ краю отъ родственниковъ, но Господь—покровитель вдовъ и сиротъ—не оставилъ ея. Капитанъ 2-го ранга *Голенкинъ* *) возымѣлъ къ ней склонность, которую не могъ даже скрывать и, съ просьбой чтобы осчастливила его, обнаружилъ и потому на словѣ положили быть свадьбѣ.

1785 г.

По прошествіи святокъ сія свадьба совершилась и къ намъ пріѣхалъ новый главный командиръ капитанъ 1-го ранга Николай Семеновичъ *Мордвиновъ* съ женою и двумя сестрами, которому

*) Гавріиль Кузьмичъ: герой войны съ Турціей 1787 - 91 г.

вице-адмиралъ *Сухотинъ* сдалъ портъ и уѣхалъ. *Мордвиновъ* приступилъ къ работѣ и, увидѣвъ противъ города на другомъ берегу рѣки Днѣпра множество дубовыхъ лѣсовъ, вознамѣрился ихъ непременно перевести въ адмиралтейство по льду ту-же зиму и точно успѣлъ въ томъ. Также онъ изобрѣлъ машину для перевоза съ мѣста на мѣсто пушекъ, якорей и лѣсовъ по средствомъ сей машины 4-мя человѣками. Все имъ приведено въ порядокъ и корабли начали строиться успѣшнѣе. Нѣкогда случилось мнѣ у него быть когда былъ тутъ *Корсаковъ*, который началъ меня хвалить насчетъ моего театральнаго дарованія на что сказалъ *Н. С. Мордвиновъ*: „Я, кажется, знаю уже давно П. А. въ разсужденіи того же“. Я тотчасъ подошедъ ближе сказалъ: „Я буду стараться заслужить ваше хорошее мнѣніе тщательнымъ исправленіемъ моей должности“. Съ того времени онъ больше меня любилъ. Итакъ я имѣлъ счастье быть на лучшемъ счету у сего командира.

Я съ женою за должность почли быть у него и онъ пріѣхалъ съ семьєю своею. Онъ жилъ скромно, такъ что не дѣлалъ ни обѣдовъ, ни баловъ. Только въ Свѣтлое Воскресеніе Христова у него были всѣ на водкѣ и былъ богатый фриштыкъ. Въ его время балъ бывалъ только въ клубѣ и у графа *Литта*, который продалъ жену свою графу *Потоцкому* за миллионъ червонцевъ, а у себя держалъ фаворитку.

Съ нимъ не имѣлъ никакого знакомства Николай Семеновичъ.

1786 г.

Онъ выдалъ обѣихъ сестеръ своихъ очень хорошо, большую за подполковника *Маркова*, а меньшую за полковника *Корсакова*, у котораго я часто бывалъ съ женою. У насъ открылось черноморское правленіе, въ которомъ онъ былъ вице-президентомъ и въ Великій постъ въ Страстную Субботу, спущенъ 70 пушечный корабль „Александръ“, на который я написанъ. Сколько меня ни уговаривали *Корсаковъ*, князь *Долгоруковъ* полковникъ, даже и самъ *Мордвиновъ*, чтобы я остался въ Херсонѣ, но я представлялъ со своей стороны, что я пятый годъ лейтенантомъ и не былъ въ морѣ. Тогда Николай Семеновичъ рѣшилъ тѣмъ, чтобы я шелъ на корабль, и какъ скоро туда приду, такъ онъ меня вытребуесть оттуда. Съ таковымъ расположеніемъ я долженъ былъ жену мою оставить въ Херсонѣ, но она никакъ не хотѣла остаться и потому, когда готовились вести корабль, выпросила у совѣтника капитанъ-лейтенантъ *Сакена* *) яхту, которую онъ взялъ для себя и уступилъ женѣ моей, съ женою другого лейтенанта *Сахарова*, на которой онѣ покойно шли за кораблемъ, когда оный

*) Знаменитый Сакенъ, взорвавшій свое судно во время боя съ 13 турецкими галлерами въ 1787 г. Въ это время онъ занималъ должность совѣтника интенданской экспедиціи Черноморскаго адмиралтейскаго правленія.

веденъ былъ на камеляхъ. Едва прошли мелководіе, какъ сдѣлался крѣпкій вѣтеръ, которымъ яхту бросило на мель, съ которой однакожь скоро сняли, но симъ еще не кончилось, продолжился вѣтеръ цѣлыя двѣ недѣли, катера не ходили и онѣ оставались безъ кушанья и принуждены были пробавляться однимъ сахарими. А какъ вѣтеръ стихъ, то по снятіи съ камелей мы ихъ взяли на корабль и вскорѣ послѣ пріѣхалъ къ намъ *Мордвиновъ*, онъ удивился, увидя жену мою на кораблѣ. Черезъ три дня прислалъ ордеръ, что я опредѣляюсь командиромъ на яхту, ни оставляя корабля для защищенія онаго отъ нападенія турецкихъ судовъ, ибо тогда турецкая эскадра была у Очакова.

Между тѣмъ на Глубокую пристань гдѣ мы находились, пріѣзжалъ изъ Польши графъ *Потоцкій* для обозрѣнія своихъ коммерческихъ судовъ и былъ у меня на яхтѣ. Я снимался съ якоря, лавировалъ и онъ ходилъ подъ парусами, потомъ отправился на свое судно, я ему дѣлалъ честь изъ пушекъ, онъ командѣ моей далъ сто червонцевъ, а меня пригласилъ обѣдать на его суднѣ.

Потомъ нечаянно *Мордвиновъ* потребовалъ меня къ себѣ въ Херсонъ, я пріѣхалъ и нашелъ его больного въ постели, онъ меня такъ и принялъ и лишь я вошелъ къ нему, какъ онъ мнѣ сказалъ: „я виноватъ передъ вами П. А. я не могу сдержать своего слова, чтобы послать васъ въ Севастополь, вы должны остаться“, про-

должалъ онъ, „я узналъ, что изъ ма- газейна на Глубокой пристани про- даются на куецкіе суда канаты, тро- сы, кабельтовы и даже порохъ, то я васъ туда назначаю вмѣсто лейтенан- та *Юрѣва*“. Замогчалъ и спрашивалъ меня взоромъ о моемъ согласіи, я ска- залъ: „Мое дѣло повиноваться“. Онъ отвѣчалъ: „Я прошу васъ смѣнить его и для того извольте ѣхать, повелѣніе будетъ вслѣдъ за вами“.

И дѣйствительно, едва я пріѣхалъ и повелѣніе привезли, почему на другой день я поѣхалъ и спрашивалъ *Юрѣва* готовъ ли? Онъ отвѣчалъ, что готовъ, и какъ написанъ на корабль вмѣсто ме- ня, то и перебрался на оный, а я на берегъ. Рапортъ подписали съ вѣдомо- стями и послали куда слѣдуетъ. Я и жена моя плакали, что не пойдѣмъ въ Севастополь, но Богъ все устраиваетъ къ лучшему и мы получаемъ извѣстіе, что оный корабль разбило у Тархан- кута, люди спаслись, но капитанъ и вахтенный лейтенантъ *Юрѣвъ* отданы подъ судъ.

Между тѣмъ я, будучи комендантомъ, имѣлъ маленькій невинный доходъ, ибо безъ всякаго требованія къ праздникамъ получалъ отъ трактира по дюжины бу- тылокъ разнаго вина, отъ мясника те- ленка или барана, сверхъ того деше- во доставалъ съ судовъ ромъ, кофе и портеръ и мы жили порядочно. Къ намъ гости изъ Херсона, изъ Збурьев- ска и изъ Станислава ѣздили и мы проводили время довольно весело, толь- ко жаль того, что насъ посѣщала ли-

хорадка, такъ что мы оба лежали въ постели.

1787 г.

Новый годъ встрѣтили больными, однакожъ по временамъ вставали и я одѣвался и выходилъ на работу. Ме- жду тѣмъ получилъ извѣстіе, что я выболтированъ въ капитанъ-лейтенан- ты, что все бѣлые шары положены. Это удивительно! Милосердіе Божіе покровительствовало мнѣ, ибо многіе меня не знали, а которые знали, тѣ знали, что я лейтенантомъ не былъ на морѣ.

Въ Херсонъ ожидали Государыню и на Глубокой все исправляли, почини- вали и приводили въ лучшій порядокъ, что я и дѣлалъ вольнонаемными людьми, и въ апрѣлѣ пріѣзжалъ смотрѣть *Морд- виновъ*, котораго я встрѣтилъ и пре- провождалъ, но онъ замѣтилъ, что ко- миѣ пришла лихорадка, онъ прогналъ меня, чтобы я скорѣе легъ въ постель и напился горячаго.

Послѣ него вскорѣ пріѣхалъ Им- ператоръ Іосифъ *), я тогда не могъ Его встрѣтить, а лежалъ въ постели. Потомъ опять стало мнѣ легче и я, услышавъ, что Государыня скоро прибудетъ въ Херсонъ, просиль- письмомъ Николая Семеновича взять меня въ Херсонъ. Онъ приказалъ пре- поручить старшему и я пріѣхалъ 5-го числа мая, а Государыня прибыла 7-го числа. Я былъ ординарцемъ у князя *По-*

*) Іосифъ II, императоръ австрійскій, пріѣз- жалъ для свиданія съ императрицей Екатериной II во время ея путешествія въ Тавриду.

темкина Таврическаго и былъ во дворцѣ въ залѣ.

Въ первый день я не видѣлъ Государыни. Она изволила ѣздить по фрыштыкамъ и осматривать окрестности города, на другой день по обыкновенію множество собралось въ залѣ и Императоръ Іосифъ прежде сидѣлъ на софѣ. Потомъ пріѣхалъ князь, когда часовые у дверей отдали ему честь, стукнувъ ружьями, онъ сказалъ: „во дворцѣ стучать не надобно“, закричалъ: „гдѣ дежурный генераль?“, тотъ явился и князь сказалъ ему: „дуракъ, что ты смотришь, во дворцѣ стучать“. Потомъ подходитъ къ Іосифу, онъ встаетъ, князь садится на окно и разговариваетъ.

Наконецъ двери отворяются, Императрица остановилась посреди той комнаты, князь вошедъ сталъ у дверей, а Іосифъ подошелъ къ рукѣ и пошли къ окну разговаривать.

Черезъ полчаса Государыня вышла въ залъ, *Мордвиновъ* подошелъ къ рукѣ, Она его поздравила контръ-адмираломъ и спрашивала его о сестрахъ, и зятя его *Корсакова* пожаловала бригадиромъ и 400 душъ крестьянъ и кавалеромъ 3-го класса Владиміра, потомъ изволила быть у обѣдни, гдѣ пріобщала Святыхъ Тайнъ князей *Карталинскихъ*.

Послѣ обѣдни *Мордвиновъ* объявилъ чины, кто пожалованъ, въ томъ числѣ и я произведенъ въ капитанъ - лейтенанты со старшинствомъ 1 генваря и пошли благодарить Князя. Когда онъ вышелъ, то *Мордвиновъ* насъ представилъ ему и Князь поздравилъ насъ, а между тѣмъ по

другую сторону благодарили его князя *Карталинскіе* и цѣловали полу его мундира. Потомъ мы ходили съ *Мордвиновымъ* съ почтеніемъ къ графу *Чернышеву* и обѣдали каждый день всѣ вмѣстѣ въ парусной мастерской за придворнымъ столомъ. Послѣ стола я ушелъ домой и принесъ женѣ моей конфетовъ.

На другой день спѣшилъ на свой корабль „Владиміръ“, который былъ назначенъ къ спуску и съ нимъ еще 80 пушечный корабль „Іосифъ II“ и 50 пушечный фрегатъ „Александръ“, вскорѣ за мной пришелъ и капитанъ *Клаверъ*.

Въ часъ изволила прибыть и Государыня и всѣ корабли сошли благополучно и она, объѣхавъ ихъ на катерѣ, поѣхала обѣдать на дачу вельможи *Безбородко*, а мы всѣ по своимъ мѣстамъ. 12-го числа мая Императрица отправилась въ Крымъ.

По прибытіи Государыни сдѣлалась чрезвычайная дороговизна въ разсужденіи дешевизны и странное было явленіе дождь падалъ съ червями, которые покрывали почти всю землю, вползали во всѣ мѣста и на всѣ мебели, столы, стулья, полы, потолки, стѣны, кровати и оныя всѣ превращались въ бабочки и улетали. Я, покрывши стаканомъ, смотрѣлъ на таковое превращеніе и на томъ мѣстѣ, на которомъ превращались, оставалась кровь.

Потомъ пришли въ Херсонъ галеры, на которыхъ путешествовала изъ Кіева Государыня, и 6 плашкоутовъ со службами.

Сіи галеры были украшены чрезвычайнымъ образомъ, особливо внутренность. Всѣ сіи поступали въ магазейны, а мебели по казеннымъ домамъ, плашкоуты были наполнены съѣстными припасами, винами и разными напѣтками, кухонными и столовыми приборами.

Мы стали готовить корабль „Владиміръ“ къ переводу на Глубокую, также и фрегатъ „Александръ“, которые іюня 20 уже были на Глубокой пристани и я былъ на кораблѣ съ женой и былъ очень боленъ. Въ началѣ августа услышали пальбу къ сторонѣ Кинбурна, а черезъ три часа пришли къ намъ оттуда съ разстрѣлянными парусами фрегатъ „Скорый“ и ботъ „Битюгъ“, на которыхъ у Кинбурна напали турецкой флотиліи суда изъ пришедшей къ Очакову эскадры, черезъ что и узнали, что турки объявили войну по своему обыкновенію.

Въ Херсонѣ пришли въ страхъ отъ такого нечаяннаго нападенія тогда, когда у насъ ничего не было готово: корабль „Владиміръ“ и фрегатъ „Александръ“ безъ пушекъ. Тотчасъ на перваго поставили нужныя дѣлу пушки, не догружая балластомъ, чтобы въ разсужденіи мелководія лимана могъ ходить въ ономъ, также и фрегатъ „Александръ“ имѣлъ только на палубѣ пушки.

Между тѣмъ отъ страха для безопасности многіе изъ Херсона отправили женъ своихъ далѣе и мой капитанъ *Клаверъ* свою сестру, а я съ нею жену мою отправили въ Кронштатъ. И въ то же время за храброе отраженіе турецкихъ и за потопленіе ихъ 7

лодокъ командиры фрегата „Скорый“ капитанъ-лейтенантъ *Оболяшиновъ* произведенъ въ капитаны 2 ранга и ботъ „Битюгъ“ штурманъ *Кузнецовъ* произведенъ въ лейтенанты и оба пожалованы кавалерами 4-го класса св. Георгія.

Между симъ офицеры нашего корабля во время моей болѣзни возымѣли какое то неудовольствіе на капитана и ѣздили жаловаться на фрегатъ къ капитану *Вельмишеву*, который имъ велѣлъ пріѣхать, когда прібудетъ *Мордвиновъ*, который и прібылъ. Они ѣздили и на другой день въ 5 часовъ утра я услышалъ музыку и поглядѣлъ за бортъ и увидѣлъ ѣдетъ *Мордвиновъ*. Тотчасъ одѣлся, вышелъ и встрѣтилъ на лѣстницѣ... идущей на шканцы. Онъ спросилъ—гдѣ капитанъ? Я отвѣчалъ, что въ каютѣ. Потомъ велѣлъ команду поставить во фронтъ и спрашивалъ, довольны ли они капитаномъ, послѣ вошелъ въ каюту, капитанъ подалъ рапортъ, онъ приказалъ подать обидный приказъ *) и велѣлъ мнѣ оный читать, я прочелъ и тогда онъ мнѣ сказалъ: „примите корабль“, а ему приказалъ сдать и потомъ уѣхалъ.

Черезъ двадня я опредѣленъ командиромъ на фрегатъ „Николай“, а на „Владиміръ“ капитанъ *Чефалиано*. Приготовясь, эскадра подъ флагомъ контръ-адмирала *Мордвинова* отправилась къ Очакову, туда же пошли помянутыя галеры 7, вооруженныя каждая двумя единорогами полукартаульными на носу

*) т. е. журналъ протензій.

и по 8 пушекъ 6 фунтовыхъ на бор-
тахъ, также и 7 плашкаутовъ, пре-
обращенные въ батареи, каждая о
10 и 8 пушкахъ 24 и 36 фунтовыхъ
да 7 баркасовъ съ картаульными едино-
рогами, все оное сдѣлано изобрѣте-
ніемъ и попеченіемъ *Мордвинова*. Миѣ
повелѣно дожидаться транспортовъ и
конвоировать оныя къ эскадрѣ, ко-
торыя по изготовленіи я и привелъ.
Въ то самое время, когда посланные
съ батареи, подъ командою капитанъ-
лейтенанта *Веревкина*, 7 галеръ воз-
вратились къ эскадрѣ, оставивъ ба-
тарейю среди турецкой эскадры. Сія
батарея, не могши возвратиться про-
тивъ теченія и сдѣлавъ множество
вреда турецкимъ кораблямъ, пустилась
въ море*).

Послѣ посѣщаль нашу эскадру
князь *Потемкинъ*, потомъ оная рас-
положилась вдоль турецкаго берега
мимо устья рѣки Буга, тогда *Мордви-
новъ* уѣхаль, а эскадру принялъ брига-
диръ *Ушаковъ***). По наступленіи мо-
розовъ эскадра возвратилась на Глу-
бокую пристань, гдѣ корабль „Вла-
диміръ“ и фрегатъ „Александръ“
зимовать остались, а прочіе, въ томъ
числѣ и я отправились для зимованія
въ Збурьевской заливъ подъ командою
капитана 2-го ранга *Оболянинова*. Въ
семъ редутѣ зимовали два полка:
Гусарскій подъ командою генераль-

*) Пожавъ на мель, батарея послѣ отчаяннаго
сопротивленія была взята въ плѣнъ. Командовалъ
ею кап.-лейт. *Веревкинъ*.

***) Знаменитый Федоръ Федоровичъ.

маіора *Инжентъева* и пѣхотный полкъ
подполковника *Маркова*.

1788 г.

По наступленіи весны мы воору-
жились и пошли на Глубокую при-
стань, гдѣ соединились съ кораб-
лемъ „Владиміръ“ и фрегатомъ „Але-
ксандръ“. По приѣздѣ для командо-
ванія эскадрою бригадира *Алексіано*
эскадра расположилась поперекъ ли-
мана между Ставиславской косой и
устьемъ рѣки Буга. Потомъ пришелъ
изъ Херсона съ флотиліею *принцъ*
Нассау де-Зиленъ, которая состояла
изъ 7 галеръ, 7 батарей, 7 барка-
совъ, 7 дубель-шлюпокъ, изъ которыхъ
дубель-шлюпку подъ командою капи-
тана 2-го ранга *Сакена* послалъ принцъ
къ Кинбурну на брандвахту. Вскорѣ
прибылъ къ намъ контръ-адмиралъ
Поль Джонсъ для командованія и
поднялъ свой флагъ на корабль
„Владиміръ“ **).

Черезъ нѣсколько дней соединился
съ нами и *принцъ Нассау*, поставивъ
свои суда въ интервалы съ нашими
по два и по три судна. Подъ Очако-
вымъ было турецкихъ 8 кораблей, 12
фрегатовъ и болѣе 100 разныхъ су-
довъ флотиліи.

***) Почти въ то же время услышали мы взрывъ
во время сильнаго вѣтра съ моря, а потомъ
яликъ, идущій къ намъ подъ прострѣленнымъ
парусамъ, который сказывалъ, что капитанъ
Сакенъ послалъ его сюда, самъ взорвалъ свою
дубель-шлюпку и съ 4 турецкими галерами около
него бывшими. (Примѣчаніе автора записокъ).

Юни 7-го дня турецкая флотилія вдоль своего берега приближалась къ намъ съ праваго фланга, сейчасъ наши парусныя суда легли на шпрингъ, а принцъ, приказавъ быть въ готовности своей флотиліи, съ контръ-адмираломъ *Поль Джонсомъ* и съ бригадиромъ *Алексіано* на катерѣ поѣхали на встрѣчу неприятельской флотиліи и подъѣзжая близъ середины ихъ такъ, что со всѣхъ сторонъ осыпаны были ядрами, однако благополучно возвратились, а принцъ *Нассау* выступилъ со своей флотиліей и вступилъ въ сраженіе. Изъ турецкихъ судовъ одно взорвано на воздухъ, другое потоплено. Неприятельскія суда уже начали отступать, капитанъ-паша на своемъ кирлангичѣ *) легкомъ разѣзжающій, какъ ихъ ни понуждалъ, даже палилъ съ ядрами со своимъ, но не могъ ихъ принудить и они всѣ вдругъ побѣжали и остановились уже подъ крѣпостными пушками.

И мы замѣтили въ послѣдующіе дни, что многія изъ сихъ судовъ были на берегу для починки.

Черезъ 10 дней послѣ весь турецкій флотъ при тихомъ вѣтрѣ съ моря шель на насъ. Мы легли на шпрингъ и вдругъ замѣтили, что корабль капитанъ-паша сталъ на мель въ разстояніи отъ насъ не болѣе 6 верстъ, но паруса держалъ полными, а какъ увидѣлъ, что впередъ не идетъ, тогда отдалъ марса-фалы, а подражая ему весь флотъ легъ на якоря, и докуда

*) Кирлангичъ — легкоходное небольшое парусное судно турецкой постройки.

старались снять корабль съ мели наступила ночь.

У насъ былъ для совѣта съѣздъ, что въ семь случаевъ и положено, если поутру будетъ благополучный вѣтеръ, то напасть на неприятеля. И въ 4 часа утра по сигналу мы снялись съ якорей и построились въ линію правымъ галсомъ.

Противъ меня случился корабль капитанъ-паша, который въ ночь былъ снятъ съ мели, а при свѣтѣ нашемъ они всѣ канаты обрубил и отъ насъ побѣжали, то и оный корабль опять сталъ на мель и ко мнѣ кормою, а впереди еще другой корабль на мели былъ. Я не имѣя болѣе 6-ти фунтовыхъ пушекъ, почелъ весьма удобнымъ употребить ихъ противъ кормы сего корабля и какъ видно дѣйствіе ихъ вдоль корабля было для турокъ губительно, то они и флагъ спустили и я послалъ офицера взять оный. Между тѣмъ теченіемъ фрегатъ мой несло на него и я принужденъ былъ велѣть казначьямъ лодкамъ мой фрегатъ отбуксировать, ибо вѣтра совсѣмъ почти не было.

Въ то самое время принцъ *Нассау* ѣхалъ на катерѣ мимо насъ и кричалъ на дубель-плюпку къ *Винтеру*, что „парусный фрегатъ взялъ корабль, а вы ничего не дѣлаете“. *Винтеръ*, огорчаясь такимъ выговоромъ и стараясь выслужиться, подошелъ къ кораблю, который былъ уже мною взятъ, изъ гаубицы выстрѣлилъ ему въ корму картечью. Турки ожесточились симъ дѣйствіемъ, подняли опять флагъ и залпомъ изъ ружей съ кормы

своей у *Винтера* на дубель-шлюпкѣ разомъ повалили больше сорока человекъ и въ то же время къ посланному отъ меня офицеру за флагомъ на сей корабль сходили два грека и двое турокъ, въ которыхъ съ корабля изъ ружья стрѣляли и ранили моего офицера, котораго и привезли ко мнѣ, я его положилъ въ свою каюту и черезъ 4 часа онъ умеръ.

Между тѣмъ вся наша эскадра пошла впередъ и остановилась за 4 версты отъ Очакова и въ то же время *принцъ Нассау* брандерскими лодками зажегъ на мели стоящія два турецкіе корабля, которые уже были позади нашей эскадры, и сталъ со своей флотиліей на якорь подъ Кинбурнскимъ берегомъ.

Когда зажженные корабли обгорѣли, они облегчась снялись съ мели, ихъ понесло по теченію прямо на насъ, пушки, заряженные ядрами, палили въ обѣ стороны, мы отъ нихъ завозами оттягивались, но несмотря на сіе, одинъ изъ нихъ не далѣе двухъ кабельтовыхъ отъ меня взорвало. Видны были летящими пушки и люди въ разныхъ положеніяхъ.

Въ ночи объѣзды съ непріятельскими встрѣчались, производили пальбу и тѣмъ произвели тревогу во всей, а генералъ *Суворовъ* еще съ вечера на концѣ Кинбурнской косы устроилъ батарею, которою въ сей ночи бѣгущіе изъ лимана турецкіе корабли и фрегаты многіе повредилъ, а другіе удаляющіеся отъ выстрѣловъ поставилъ на мель. Съ разсвѣтомъ атаковалъ

принцъ Нассау со своею флотиліею и почти всѣ суда ихъ бранскупелями сжегъ, одинъ только взялъ Александрійскій корабль, *) который и названъ „Леонтиемъ“.

Итакъ, одна только часть турецкой флотиліи осталась подъ Очаковымъ. Эскадра наша перешла на фарватеръ къ Кинбурну и армія наша окружила Очаковъ. Я съ бригадиромъ *Голенкинымъ* ѣздилъ въ лагерь къ генералу *Гудовичу*, который оставилъ насъ обѣдать и посадилъ меня подлѣ себя, что *Голенкину* было весьма досадно. Немного спустя послѣ, въ Кинбурнѣ взорвало бомбенный погребокъ, я съѣхалъ на берегъ посмотрѣть и шедши къ крѣпости, увидѣлъ офицера, встающаго изъ песку; онъ сказывалъ, что его выбросило черезъ стѣну крѣпости силою взрыва.

Тогда изъ турецкаго флота, въ морѣ находящагося, подходили три кирлангича для осмотра Кинбурна. Внутри крѣпости во всѣхъ домахъ окна выбило, генералъ-маіора *Бибикова* и другихъ ранило. Свѣтлѣйшій князь изъ лагеря присылалъ спросить о числѣ убитыхъ, которыхъ было 30.

Въ то же почти время князь повелѣлъ *принцу Нассау* истребить турецкую флотилію подъ Очаковымъ, что *принцъ* и положилъ сдѣлать въ полночь, для чего и пошла вся флотилія къ Очакову кромѣ двухъ галеръ, за кормою у меня стоящихъ, которыхъ спросалъ, для чего онѣ не идутъ, но онѣ

*) Т. е. египетскій.

долго не отвѣчали и наконецъ закричали: „какая тебѣ нужда?“ Тогда я велѣлъ сказать, что ежели не пойдутъ, то я ядромъ принужу ихъ идти, тогда онѣ снялись и пошли.

Вскорѣ *принцу Нассау* и контръ-адмиралу *Поль-Джонсу**) повелѣно было отправиться на сѣверныя моря, а флотилія поручена была капитану 2-го ранга *Киленину*, парусная же эскадра контръ-адмиралу *Мордвинову*. Тогда я получилъ аттестатъ отъ *Поль-Джонса* и въ то же время велѣно миѣ было слѣдовать на Глубокую пристань, фрегатъ отдать къ порту и принять корабль „*Леоптій*“, который, получивъ надлежащее число орудій, не могъ принять должнаго числа баласту, который былъ песочный, и какъ поспѣшали, то оный въ него ночью грузили, почему утромъ, увидя нижніе борты отъ воды на 3 фута, высыпали оный вонъ, а такелажъ былъ новый; его нужно было вытянуть, отъ чего князь вышелъ изъ терцїи, ожидая сего корабля, а потому прислалъ своего генеральскаго адъютанта *Сенявина***), который, стараясь только блеснуть, несмотря ни на что, снялся съ якоря и, хотя вскорѣ сдѣлался противный вѣтеръ, онъ лавировалъ, идучи лѣвымъ къ первой турецкой деревнѣ, сталъ на мель, хотя я и предлагалъ поворотить, сказывая, что

*) *Поль-Джонсъ* и *принцъ Нассау* пересорились и настолько осложняли своими отношеніями обстановку бсрбы, что *Потемкинъ* долженъ былъ отказаться отъ ихъ услугъ.

***) Знаменитый *Д. Н. Сенявчъ*.

тутъ банка есть. Завезли якорь, который притащили къ кораблю; уже становился вечеръ, вѣтеръ скрѣпчалъ, развелось волненіе, начало качать, ванты слабы, завезли якорь—сила не беретъ. *Сенявинъ* ушелъ въ каюту, я былъ наверху и замѣтилъ, что носъ трогается влѣво, велѣлъ смѣрить глубину и увидѣлъ, что въ лѣвой сторонѣ носа глубина прибавляется, тогда я возымѣлъ надежду сойти съ мели и такъ какъ команда была безъ обѣда, тогда я вознамѣрился дать командѣ по чаркѣ и для того пошелъ за печатью. *Сенявинъ* лежалъ на софѣ и въ отвѣтъ сказалъ миѣ: „возьмите печать и дѣлайте, что хотите“. Какъ люди поѣли, то я велѣлъ вертѣть завезенный якорь и тотчасъ корабль сошелъ съ мели и сталъ противъ, что почувствовавъ *Сенявинъ* вбѣжалъ наверхъ и закричалъ: „пошелъ по марселямъ“!

Такимъ образомъ снявшись съ якоря, пришли къ своей эскадрѣ подъ *Очаковъ* и вмѣстѣ поѣхали съ рапортомъ къ контръ-адмиралу *Мордвинову*. Послѣ сего я пробылъ нѣсколько времени на семъ кораблѣ, потомъ написали меня на дубель-шлюпку. Турецкая флотилія уже была истреблена, причемъ командиръ нашей флотиліи капитанъ *Киленинъ* убитъ. Я посланъ былъ для бомбардированія *Очакова* въ отрядѣ капитанъ-лейтенанта *Шурмана*, который, получивъ ядро въ свою дубель-шлюпку, которымъ отворотило у оной бортъ, снялся съ якоря и пришелъ къ эскадрѣ, чему

и мы послѣдовали, и хотя эскадра наша была поставлена поперекъ лимана, дабы съ турецкаго флота съ моря не дѣлали подвоза къ Очакову, однако невозможно было преградить пути, ибо, дождавшись крѣпкаго благополучнаго вѣтра, на малыхъ судахъ они переходили сквозь нашу эскадру къ Очакову, только уже не возвращались, ибо на другой же день истребляемы были.

Очаковъ почти весь былъ сожженъ бомбами, наступали морозы, корабль оставался у Кинбурна, прочіе пошли на Глубокую пристань и я на дубель-шлюпкѣ шелъ туда же при маловѣтріи, а въ ночь лиманъ сталъ, такъ что по утру люди ходили по льду и я прорубалъ ледъ и, такимъ образомъ, тянулся и въ три дня пришелъ на Глубокую пристань. А князь приказалъ своему адъютанту *Сенявину**) въ сіе время отвести корабль «Владиміръ» въ Севастополь, который сіе препорученіе исполнилъ съ успѣхомъ. Я уѣхалъ въ Херсонъ и жилъ за балкой на квартирѣ, гдѣ услышалъ, что въ ночь на 6-е число декабря Очаковъ взятъ.

Въ праздникъ Христова Рождества я былъ съ почтеніемъ у *Мордвинова*, который черезъ день заплатилъ мнѣ визитъ и засталъ меня въ тулушѣ и въ постели отъ холода, однако у меня посидѣлъ. Потомъ вскорѣ князь пріѣхалъ въ Херсонъ, на *Мордвинова* разсердился и отъ должности уволилъ, а на мѣсто его приказалъ быть контръ-адмиралу графу *Войновичу*, который и пріѣхалъ изъ Севастополя въ Херсонъ и началъ свое командованіе лицомѣрными лас-

ками къ подчиненнымъ, а особенно ласкалъ корабельнаго мастера *Афанасьева*, возилъ въ каретѣ на своихъ колѣняхъ, что онъ дѣлалъ даже и съ деньщиками своими.

1789 г.

Между тѣмъ наступилъ Новый годъ. Князь *Потемкинъ* въ 1 день далъ маскарадъ въ клубномъ залѣ, гдѣ и я былъ и танцевалъ, а князь въ томъ же залѣ игралъ въ карты. Графъ *Войновичъ* стоялъ у него за стуломъ, и князь, смотря на меня, сказалъ ему: „посмотри, какъ этотъ грекъ хорошо танцуетъ“. Графъ отвѣчалъ: „это не грекъ, Ваша Свѣтлость, а русскій капитанъ-лейтенантъ *Даниловъ*“. Тогда князь возразилъ: „я вижу у него усы“, но графъ, зная, что я выбрившись и что князю такъ показалось, подошелъ ко мнѣ, сказалъ: „стань поближе къ князю, онъ говоритъ, что у тебя усы“. Я, подошелъ къ столу, сталъ противъ князя, которому между тѣмъ графъ говорилъ: „извольте посмотреть, Ваша Свѣтлость, у него нѣтъ усовъ“.

Въ то самое время пришелъ *Поповъ* съ бумагами и положилъ передъ княземъ, который и началъ подписывать и, подписавъ, сказалъ: „никто этого не думалъ“. Я отошелъ и графъ, подошелъ ко мнѣ, показалъ мнѣ бумагу, подписанную княземъ, въ которой я увидѣлъ первымъ „капитанъ-лейтенантъ *Даниловъ*“ и на полѣ противъ сего „производится въ капитаны 2-го ранга“, а подо мной лейтенанты, за скобкой на полѣ „произ-

водятся въ капитанъ-лейтенанты“. Я благодарилъ графа, но не ушелъ. Послѣ сего я ждалъ приказа, ходилъ къ графу, напоминалъ ему, онъ только говорилъ что еще будетъ время.

Итакъ, будучи капитанъ-лейтенантомъ, я сталъ за совѣтника въ адмиралтействѣ. При наступленіи лѣта я отправился на Глубокую пристань и съ флотиліею на своей дубель-шлюпкѣ пришелъ къ Очакову, въ которомъ ожидали князя. Я заготовилъ письмо къ нему съ жалобой, что чинъ мнѣ еще не объявленъ.

По пріѣздѣ князя въ Очаковъ, я поѣхалъ на своемъ яликѣ, а какъ отъ вѣтра былъ тогда сильный прибой волненія къ берегу, то я, подѣхавъ къ отмели, сѣлъ верхомъ на матроса, чтобы вынесъ меня на берегъ, но его волною свалило съ ногъ и я тутъ-же окупался и воротился назадъ. Такъ Богу было угодно; потомъ пришла и парусная эскадра къ Очакову, тогда я получилъ извѣстіе, что жена моя пріѣхала изъ Кронштадта, и я на другой же день, отпросившись, ѣздилъ въ Херсонъ для свиданія и черезъ три дня возвратился. Потомъ былъ князь въ Очаковѣ и на эскадрѣ.

Послѣ сего вскорѣ съ эскадрою отправилась и флотилія въ море и эскадра парусная подъ флагомъ контръ-адмирала *Войновича* отправилась въ Севастополь, а флотилія подъ командою капитана 2 р. *Ахматова* въ Одессу, гдѣ и расположилась по якорямъ. Черезъ нѣсколько дней сдѣланъ былъ сигналъ сняться съ якоря. Въ разсужденіи же бывшаго

вѣтра, я стоялъ на двухъ якоряхъ, какъ и другіе, почему и началъ подымать первый, который долго не могли поднять; наконецъ подняли одно веретено, а лапы, какъ видно, задѣли за плитнякъ и тамъ остались, отломившись отъ веретена, другой якорь также не могли долго вынуть, такъ что всѣ прочіе уже снялись съ якорей, почему, усугубивъ силу, порвали канатъ и я остался совсѣмъ безъ якоря; однако, я слѣдовалъ подъ парусами за флагманомъ и по пришествіи къ устью Днѣстра велѣно сигналомъ лечь на якоря, а я, подошедъ къ флагману подъ корму, донесъ ему о потерѣ якорей и просилъ о снабженіи оными, почему съ транспорта и привезли ко мнѣ два якоря, почему я уже передъ утромъ сталъ на якорь.

Въ тотъ же день вошли въ Днѣстръ 30 казачьихъ лодокъ, а наши суда, какъ въ грузу были не менѣе 9 футъ, то не могли войти въ рѣку, почему и дѣлали только одинъ видъ верпованіемъ, дабы изъ города Аккермана видѣли, что мы идемъ къ нему. Въ то же время свѣтлѣйшій князь *Потемкинъ*, окруживъ оный арміею, требовалъ сдачи, въ чемъ получилъ успѣхъ черезъ флотилію, почему тотчасъ на оную прислано было награжденіе по рублю серебряному на человѣка*).

Послѣ сего флотилія отправилась къ Очакову, но переходя черезъ Кин-

*) Это очень тивично для Потемкина, ясно понимавшаго значеніе флота.

бурнскую банку, встрѣтила жестокой противный вѣтеръ, который я выдержалъ трое сутокъ на одномъ якорѣ, отдавъ цѣлый канатъ, глубина 20 футъ, волнами окачивало и я стоялъ у шпилья привязанный. Пришедъ въ лиманъ, остановились у Кинбурна, гдѣ, прѣхавъ къ флагману, узнали, что отъ Одессы командовалъ флотиліею генераль-маіоръ *Де-Рибасъ*, а здѣсь онъ препоручилъ капитану *Ахматову* вести флотилію въ Николаевъ и тамъ зимовать, а самъ отправился къ князю. Наконецъ мы, прошедъ лиманомъ и рѣкою Бугомъ, вошли въ Ингуль рѣку и пришли въ Николаевъ, гдѣ и расположились зимовать, разснастивъ суда.

Я перебрался съ *Ахматовымъ* въ казармы, его потребовалъ князь къ себѣ, я просилъ его не забыть, что его братъ въ одномъ со мною спискѣ пожалованъ въ капитанъ-лейтенанты и также чинъ по сію пору не объявленъ. Потомъ поѣхалъ въ Херсонъ, гдѣ и жили въ одномъ домѣ съ *Голенкинымъ* за балкой. Вскорѣ проѣзжалъ изъ Севастополя контръ-адмиралъ *Ушаковъ* къ князю, я и его просилъ напомнить князю обо мнѣ, что у меня чинъ украденъ. Графъ *Войновичъ* жилъ въ Херсонѣ, онъ женился на дочери *Алексіано*, дѣлалъ вечеринки въ наступившія святки.

1790 г.

Новый годъ, который я встрѣтилъ довольно печально, наступилъ для графа *Войновича* весьма несчастливо, ибо

въ мартѣ князь прислалъ въ черноморское правленіе предложеніе, чтобы мнѣ и всѣмъ со мною пожалованнымъ объявить чины со старшинствомъ съ 1-го числа января 1789 года и выдать все слѣдующее, а графу *Войновичу**) предписалъ ѣхать на Волгу командовать флотомъ, который построить бригадиръ *Баскаковъ*, которому и предписано было строить.

Итакъ, я приведенъ къ присягѣ на чинъ капитана 2 р., а графъ *Войновичъ* заперся дома и никому глазъ не показывалъ. Контръ-адмиралъ *Ушаковъ*, проѣзжая отъ князя обратно въ Севастополь, сказалъ мнѣ, чтобы я готовился ѣхать къ нему и вскорѣ за нимъ поѣхалъ и *Голенкинъ*, за которымъ и я со своею и его женами поѣхалъ. Передъ отъѣздомъ былъ я у Николая Семеновича *Мордвинова*, который мнѣ поручилъ отдать письма къ вице-губернатору *Габлицу* и боцману на дачѣ его, чего я не исполнилъ единственно по своей безпечности и черезъ то впоследствии потерялъ о себѣ хорошее мнѣніе. Простившись съ *Мордвиновымъ*, я поѣхалъ въ Севастополь прежде одинъ и присталъ къ контръ-адмиралу *Ушакову* и пошелъ съ нимъ въ море въ званіи флагъ-капитана съ эскадрою, въ 7-ми фрегатахъ состоящею, имѣя флагъ на фрегатѣ „Александръ“ и 13

*) Причина увольненія Войновича была его неспособность къ управленію флотомъ и его интриги противъ достойнаго Ѳ. Ѳ. Ушакова, которому онъ завидовалъ въ его боевыхъ успѣхахъ.

корсеровъ. Мы вышли изъ Севастополя въ половинѣ мая, подошедъ къ Балаклавѣ, пустились прямо къ Анатоли и пришли на видъ Синопа.

Портъ порядочный, городъ расположенъ на мысѣ, бухта обширная, отъ сѣвернаго вѣтра закрыта. Мы вошли въ бухту и стали, видѣли вѣсколько мелкихъ судовъ и ничего болѣе и потому, переночевавъ, со свѣтомъ вдругъ направили курсъ свой къ Трапезунду, котораго рейда совсѣмъ открыта и не было ни одного турецкаго судна, прошли мимо и пришли къ Анапу. Положеніе онаго съ Синопомъ почти одинаково. Мы вошли въ бухту и расположились на якорь. Въ концѣ бухты стоялъ у нихъ корабль, и когда мы пришли, они корабль свой подвинули къ берегу еще ближе, и съ той стороны, которая къ берегу, сняли съ него пушки и перевозили на тотъ берегъ, къ которому мы ближе стали, чтобы сдѣлать противъ насъ батарею. Между тѣмъ флагманъ распорядился непріятельскій корабль или взять или истребить и для того при наступленіи вечера приказалъ онъ подойти 4-мъ 40-пушечнымъ фрегатамъ занять*) крѣпость, а съ тремя 50-пушечными войти въ глубину бухты, что исполнено, только безъ всякаго успѣха, ибо какъ на кораблѣ, такъ и на всемъ берегу огня не было и наши брансугели на берегу горѣли, а они даже и не отвѣчали ни одного выстрѣла, дабы не показать

*) Т. е. отвлечь вниманіе.

цѣли, а съ крѣпости бомбы ложились и по ту, и по другую сторону довольно близко. Почему, передъ разсвѣтомъ, вышли изъ бухты и отъ крѣпости отошли и при благополучномъ вѣтрѣ пошли къ Кубани. Корсары наши шесть судовъ взяли съ разнымъ грузомъ и одно съ черкешенками и грузинками, предназначенными въ Сераль къ султану, соединясь съ нами, возвратились въ Севастополь.

Потомъ вышли въ море со всѣмъ флотомъ, состоящимъ изъ 10 кораблей и 6 фрегатовъ и прочихъ судовъ въ 40 вымпелахъ. Флагъ былъ на кораблѣ „Іосифъ II“, я въ той же должности**), а пришедъ къ острову Тамань, при нашедшемъ туманѣ легли на якоря, а черезъ часъ по прочищеніи онаго увидѣли турецкій флотъ, шедшій на насъ подъ всѣми парусами. Тотчасъ снявшись съ якорей, легли въ линію лѣвымъ галсомъ. Ихъ бомбардирскія суда бросали въ насъ бомбы, которыя въ воздухѣ разрывало, а между тѣмъ и флотъ также легъ въ линію и началось сраженіе. Нашъ флагманъ, замѣтя, что съ фрегатовъ не достаютъ непріятели, повелѣлъ сигналомъ выйти изъ линіи, а прочимъ сомкнуть линію. Сіе движеніе турокъ такъ ободрило, что ихъ вице-адмиралъ, вышедъ изъ линіи и сдѣлавшись

**) Т. е. флагъ-капитаномъ у адмирала Ушакова. Корабль «Іосифъ II» незадолго передъ этимъ былъ переименованъ и получилъ имя «Рождество Христово». Его командиромъ былъ кап. 2 р. Елчанновъ.

передовымъ, сталъ спускаться, дабы обойти нашъ авангардъ, что замѣтя, флагманъ велѣлъ сигналомъ фрегатамъ защитить авангардъ, которые подошли въ самую пору и вице-адмирала ихъ принудили идти между линіями. А такъ какъ весь флотъ шелъ къ нему, то всѣ за нимъ послѣдовали, черезъ что такъ приблизились къ намъ, что были ближе пистолетнаго выстрѣла и дали способъ нашему флоту выиграть вѣтеръ, и хотя они имѣли время свои поврежденныя суда собрать подъ защиту, но не надѣясь выдержать другого боя и пользуясь наступающимъ вечеромъ, прибавя парусовъ, спустились къ проливу Константинопольскому и, какъ мы извѣстились, то три корабля у нихъ потонуло*).

А мы на рейдѣ Феодосіа, подкрѣпя шкалами мачты, которыя на многихъ корабляхъ были прострѣлены и повреждены ихъ каменными ядрами,**) возвратились въ Севастополь, гдѣ перемѣнивъ нѣсколько мачтъ, наки вышли въ море, гдѣ узнавъ отъ крейсеровъ, что турецкій флотъ стоитъ на якоряхъ близъ устья Днѣстра, мы 28 августа,

*) Это сраженіе носитъ названіе Керченскаго. Подробное описаніе его въ книгѣ С. Скаловскаго «Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова».

***) Донося о побѣдѣ, адм. Ушаковъ среди особо отличившихся храбростью указываетъ на В. А. Данилова: «Флагъ-капитанъ Даниловъ, исполняя всѣ мои приказанія, обозрѣвалъ непріятельскія движенія и производилъ сигналы съ отмѣннымъ прилежаніемъ и расторопностью, опредѣляемъ быть къ разнымъ должностямъ, исполняя оныя, ободрялъ и поощрялъ служителей въ бою»...

зайдя отъ солнца, шли на нихъ въ трехъ колоннахъ. Они увидѣли насъ такъ близко, что пришли въ великій страхъ и не знали, на который галсъ лечь; и оттого на разные ложились галсы, но какъ мы легли правымъ галсомъ, къ чему и ихъ принудили, и когда спускались къ нимъ на пистолетный выстрѣлъ, то авангардъ ихъ уклонился подъ вѣтеръ и послѣдовательно началъ поворачивать черезъ фордовиндъ, чѣмъ приблизился къ отмелямъ острова Тендры. Тогда уже наступила ночь и они огней не имѣли, почему, прошедь нѣсколько за ними, мы легли на якоря. А по разсвѣтѣ увидѣли флотъ ихъ стоящимъ на якоряхъ на вѣтрѣ, мы, поднявъ флаги, снялись съ якорей, между тѣмъ я замѣтилъ, что нашъ фрегатъ въ ихъ флотъ и когда они снялись съ якорей и онъ снялся съ ними, только не поднималъ флага своего и старался уйти и какъ усмотрѣлъ удобное время, такъ, прибавя парусовъ, спустился и пришелъ въ нашъ флотъ. *) Турки легли въ линію правымъ галсомъ, мы легли лѣвымъ галсомъ и, прибавя парусовъ, отрѣзали у нихъ два корабля, изъ которыхъ одинъ былъ адмиральскій, который жестоко отражалъ и не сдавался, докуда у него всѣ три мачты не сбили и зажгли его корабль брансугелемъ. И такъ, прекративъ сра-

*) Фрегатъ «Амвросій Медиоланскій», командиръ кап. 2 р. Нелединскій.

женіе, спасли адмирала *) съ его генералами, а корабль сгорѣлъ. Въ то самое время Капуданъ съ 6-ю кораблями, будучи на вѣтрѣ, смотрѣлъ, какъ горѣлъ сей корабль покойно, а другой побѣжалъ и тамъ сдался и еще два корабля, стоящіе на якорѣ вдалекѣ къ сторонѣ Днѣстра, перемѣняли стѣнки, но усилившійся съ той стороны вѣтеръ воспрепятствовалъ къ нимъ идти. По взорваніи горѣвшаго корабля, оставшіеся на немъ люди спаслись на сбитыхъ его мачтахъ, съ которыхъ они были привезены къ намъ уже на 4-й день корсарами 163 человекъ, въ томъ числѣ большая половина нашихъ матросовъ съ корабля „Марія Магдалина**)“.

Итакъ, мы со взятымъ кораблемъ, не дошедъ Одессы, стали на якорь и послали донесеніе къ князю Потемкину Таврическому, а на другой день увидѣли къ намъ идущихъ всю гребную флотилію и новый корабль „Навархію“, ***) а въ ночи на бригантинѣ прибылъ къ намъ во флотъ его свѣтлость, а по утру поднять на той бригантинѣ кейзеръ-флагъ, почему со всего флота салютовано по 15 пушекъ, а съ бриган-

**) Трехбунчутный гаша адмиралъ Сайтъ-бей. Корабль его назывался «Капуданіе»; объятый огнемъ погибъ отъ взрыва почти со всей командой, Спасено было 183 человекъ.

*) Этотъ корабль подъ командой капитана Тиздеа въ 1787 г. во время бури былъ занесенъ въ Босфоръ и взятъ въ плѣнъ.

**) Корабль этотъ назывался «Навархіа Вознесеніе Господне». Его командиромъ былъ Д. Н. Сенявинъ, знаменитый впоследствии адмиралъ.

тины отвѣтственно 13. Потомъ Его Свѣтлость поднялъ тотъ флагъ на катерѣ и пріѣхалъ къ намъ на корабль, гдѣ былъ поднять кейзеръ-флагъ, которому каждый разъ палили. Обѣхавъ кругомъ прежде взятый турецкій корабль, который былъ названъ „Іоаннъ Креститель“ *), Его Свѣтлость, поздравивъ насъ съ побѣдою, приказалъ мнѣ сдѣлать сигналъ кораблю „Навархіа“ подойти подъ корму. По переговорѣ капитанъ онаго генеральсъ-адъютантъ его Сенявинъ**) пріѣхалъ съ рапортомъ. Потомъ князь сказалъ: „нѣтъ ли чего подписать“, и тогда же пріѣхавшимъ изъ Балтійскаго моря офицерамъ даны при отправленіи ихъ по 100 рублей въ счетъ жалованья простилъ, также простилъ и находящагося подъ судомъ командира судна, оставившаго на ономъ въ гавани порохъ, отъ котораго оное сгорѣло.

Потомъ на той же бригантинѣ уѣхалъ въ Одессу, приказавъ флотиліи плыть на Дунай подъ покрывіемъ флота, и мы увидѣвъ, что она уже въ Дунай вошла, флагманъ послалъ меня съ бумагами къ начальнику оной *Де-Рибасу* на корсарскомъ суднѣ; вошедъ въ Дунай, я отдалъ бумаги и, отобѣдавъ у *Де-Рибаса* на бригантинѣ, отправился обратно. Потомъ со флотомъ пришли въ Севастополь, гдѣ я, выпросивъ себѣ казенную квартиру, от-

*) Корабль этотъ носилъ имя „Мелеки-Гадара“ (66 п.) и былъ названъ «Іоаннъ Предтеча».

**) Д. Н. Сенявинъ былъ генеральсъ-адъютантомъ кн. Потемкина, т. е. флигель-адъютантомъ.

пущенъ былъ въ Херсонъ, гдѣ по препорученію бригадира *Голенкина*, взявъ мою жену съ его женою, отправился въ Севастополь, гдѣ помѣстившись на квартирѣ и получивъ въ команду корабль „Петръ Апостоль“, упражнялся въ своей должности.

1791 г.

По расписанію въ семь году я написанъ на вновь строящійся въ Херсонѣ корабль „Св. Троица“, а потому я долженъ былъ туда отправиться, гдѣ и жилъ въ казенной квартирѣ въ адмиралтействѣ по благосклонности прежняго корабельнаго мастера, а нынѣ оберъ-интенданта Семена Ивановича *Афанасьева*, у котораго я часто обѣдалъ и черезъ то познакомился съ оберъ-квартирмейстеромъ *Полевымъ*, который за столомъ его былъ не изъ послѣднихъ остроумцевъ, который и ко мнѣ хаживалъ часто и я у него былъ. Хаживалъ также и къ другимъ и чаще къ артиллеріи капитану *Радилову*, **) жена его хорошая пріятельница женѣ моей и онъ очень *Радиловъ* примѣтно ревновалъ ее ко мнѣ, но несмотря на то, когда я у нихъ паривался въ банѣ, она всякое мнѣ дѣлала угожденіе, сама подавала мнѣ прекрасныя полотенца, а между тѣмъ наединѣ со мною вела себя серьезно и никакого повода не давала думать, чтобы она была склонна къ слабости и я очень почиталъ ее. И *Полевъ* къ нимъ

**) Морской артиллеріи капитанъ 1 р. *Радиловъ* былъ въ Херсонѣ портовымъ артиллеристомъ.

хаживалъ и о супругѣ его нѣхорошо мыслилъ, а меня очень любилъ и рассказалъ мнѣ всю свою исторію.

Когда спустили корабль и я повелъ оный къ мѣсту, гдѣ на камели становяты, въ то время *Полевъ* обѣдалъ у *Радилова* и написалъ ко мнѣ письмо, что за столомъ былъ разговоръ и *Радиловъ* намекалъ обо мнѣ, что я нѣсколько разъ поставлю корабль на мель и потому долго не дойду до означеннаго мѣста, а какъ изъ его дома видно было далеко по Днѣпру, то *Полевъ*, вышедъ изъ за стола и посмотрѣвъ, сказалъ: „посмотрите ка, видно корабль этотъ на мели не былъ, а уже изъ виду выходитъ“. Тогда всѣ закричали „браво“, только ему это не нравилось. Но никто не зналъ тому истинной причины, кромѣ меня, и дѣйствительно я пришелъ въ тотъ же день къ мѣсту камелей, которыя уже тамъ находились, и послалъ рапортъ къ капитану надъ портомъ, который и пріѣхалъ самъ на другой день. Поставивъ корабль на камели, дошли до бакановъ, гдѣ ночевать остановились, а по утру, прошедь баканы, пришли на Глубокую пристань, гдѣ спустивъ корабль съ камелей, капитанъ портовой уѣхалъ, а я принялся грузить и вооружать корабль, который очень былъ сдѣланъ остроконеченъ, а потому хотя нижняго деку пушекъ и не было поставлено и провіанту только малая часть положена была, также только одинъ лагъ бочекъ былъ, а оный уже былъ въ грузу 17 футъ ахтеръ-штевень, а 15 футъ фор-

штевень, почему идучи къ Очакову и подошедъ, я привелъ на ровный киль 16 футъ и принужденъ былъ снимать экипажъ команды, а корабль наклонять пушками и бочками съ водою и только завожомъ становаго якоря могъ перетянуться, что довольно времени противъ другого корабля меня замедлило, который былъ гораздо меньше въ грузу и когда всѣ пушки поставилъ и готовъ былъ идти въ море. Тогда со мной встрѣтилось несчастіе, которое издалека мнѣ готовилось, вотъ какимъ образомъ: какъ я былъ въ довѣренности контръ-адмирала *Ушакова*, который былъ человекъ простодушный, однако умѣлъ разбирать людей, а оберъ-интендантъ *Афинасъевъ* былъ коваренъ и подозрительный, котораго впоследствии всѣ боялись, ибо узнали, если курьеръ ѣдетъ откуда нибудь черезъ Херсонъ, то онъ таковаго оставлялъ у себя или обѣдать и одохнуть или ночевать, дабы время имѣть, вынувъ изъ сумки его всѣ письма и другія бумаги, перечитать. Вынималъ изъ конвертовъ посредствомъ остраго ножика и линейки, по которой разрѣзывалъ въ боку и послѣ, вложивъ, такъ заклеивалъ искусно, что никакъ узнать нельзя и сіи свѣдѣнія употреблялъ себѣ въ пользу, а кому хотѣлъ во зло. Посему посылалъ *Ушаковъ* письма къ *Фалъеву*, который жилъ въ Николаевѣ, всегда ко мнѣ въ моемъ конвертѣ, а меня просилъ посылать далѣе, что я и дѣлалъ. То можетъ быть какою нибудь хитростью сей коварный человекъ и

узналъ, за что, воспользовавшись прїѣздомъ къ свѣтлѣйшему князю изъ Балтійскаго флота капитана 1-го ранга *Кроуна**), который тамъ прославился и князь хотѣлъ дать скорѣе корабль, представилъ мою медленность на видъ князю, который и приказалъ смѣнить меня *Кроуну*, тогда то оный и прїѣхалъ ко мнѣ съ двумя своими лейтенантами, чтобы я какъ можно скорѣе сдать свой корабль, прїѣхавшій съ ними же оберъ-интендантъ приказывалъ. До обыкновеннаго прїуготовленія къ смѣнѣ, я имѣлъ большой запасъ лѣсу для строенія дома въ Севастополѣ, то оный выгрузили и помѣстили по просьбѣ моей на корабль „Богоявленіе“, потомъ я смѣнился, прїѣхалъ въ Херсонъ и оттуда отправился въ Севастополь, гдѣ мнѣ дали въ команду фрегатъ «Макроплія»**), сдѣланный изъ турецкой галеры, на которомъ я не былъ въ морѣ, а занимался ломкою камня для дома и казармъ. Флотъ уже съ побѣдою былъ возвратившись, какъ я прїѣхалъ, и пришли изъ Херсона корабли „Богоявленіе“ и „Святая Троица“ и изъ Николаева фрегаты „Св. Григорій Великія Арменіи“ и „Св. Николай“, 50 пушечный,

*) Романъ Васильевичъ Кроунъ, герой Шведской войны 1788—1790 г.г., прославился исключительными подвигами. Командуя крейсерами судами, взялъ разновременно въ плѣнъ шведскія суда: катеръ «Спанопъ», фрегатъ «Венусъ», корабль «Ретвизанъ», 6 мелкихъ военныхъ судовъ и 30 коммерческихъ.

**) Назывался «Макроплія Св. Маркъ».

на который по расписанію меня и написали.

1791—1792 г.

Зиму мы проводили весело, былъ во дворцѣ, гдѣ и театръ. Я былъ директоръ онаго, были и маскарады и *Ушаковъ* давалъ балы и мы между собою проводили время довольно весело. Открылась мастерская, я дѣлалъ для себя и для казармъ кирпичи, известку, тесалъ, взялъ лѣсъ отъ *Вильсона*, испросилъ и огородилъ его, купилъ воловъ, телѣгу, вырылъ фундаментъ, вооружилъ свой фрегатъ и вышелъ на рейдъ. Между тѣмъ заложилъ казармы и домъ и начали плаваніе и весь флотъ былъ на рейдѣ, получено извѣстіе, что съ турками заключенъ миръ и *Ушаковъ* произведенъ въ вице-адмиралы, потомъ—что свѣтлѣйшій князь умеръ.*)

Мы въ іюлѣ вышли, дѣлали эволюцію, дошли до Одессы, оттуда къ Козлову (или Евпаторію) и возвратились въ Севастополь въ исходѣ августа и въ началѣ сентября вошли въ гавань. Я занялся работою строенія казармъ и дома своего. Въ исходѣ сентября родилась у меня дочь Павлина, а въ ноябрѣ какъ домъ, такъ и казармы подведены были подъ крышу.

1793 г.

Зиму провели подобно прошедшей, довольно весело, и весною я продолжалъ работу, покрылъ казармы и

*) Потемкинъ скончался 5 октября 1791 г.

домъ черепицею, сдѣлалъ флигель и службы, какъ то нужно, людскую, кладовую, баню, конюшню, коровникъ, сарай и прочее. Между тѣмъ флотъ вооружили и оснастили и вышли на рейдъ и 1-го іюня пошли въ море, гдѣ по прежнему дѣлали эволюцію и пушечную экзерцицію съ пальбою, доходили до Одессы, гдѣ за противнымъ вѣтромъ простояли недѣлю и, экзерцируясь, въ половинѣ августа возвратились въ Севастополь и въ началѣ сентября вошли въ гавань и разоружились, послѣ чего я принялся оканчивать работу казармъ и дома своего: полы, потолки, печи и двери, рамы и прочее, штукатурку бѣленіе и совсѣмъ почти кончилъ мелочи. Въ сіе же время пріѣзжалъ въ Севастополь предсѣдатель Черноморскаго правленія*), былъ и у меня въ квартирѣ, осматривалъ всѣ строенія и мой новый домъ. Онъ по смерти князя *Потемкина* пожалованъ вице-адмираломъ и дана власть жаловать въ чины до майора.

1794 г.

Зиму проводили подобно прежнимъ. Новый годъ встрѣтили весело, а весной я перешелъ въ свой домъ. Между тѣмъ оснащивали корабли, а въ началѣ мая вышелъ флотъ на рейдъ, а въ исходѣ онаго пошли въ море, цѣль онаго была та же, что и прежде, что и выполнено исправно, почему къ 1-му

*) Вице-адмиралъ Мордвиновъ.

числу сентября возвратились въ Севастополь и въ половинѣ его вошли въ гавань.

Я принялся разводить садъ и въ это время родилась у меня дочь Павла. Зиму проводили подобно прежнимъ, я завелъ четверку лошадей, коляску, корову, выпросилъ себѣ казенный хуторъ, завелъ птицъ, гусей, утокъ и я зажилъ настоящимъ хозяиномъ.

1795 г.

Флотъ и нынѣ велѣно было вооружить, который въ половинѣ мая и вышелъ на рейдъ, а 1-го іюня пошелъ въ море для прежней цѣли, гдѣ присоединились къ намъ два корабля, въ Николаевѣ построенные, „Св. Петръ“ и „Св. Захарія“, у которыхъ шканцы соединены съ бакомъ палубою, оныя приказано было опробовать съ другими кораблями и нашлось, что ихъ кренить болѣе другихъ, по причинѣ возвышенной тягости, однако я, сдѣлавъ съ оными эволюцію, въ назначенное время къ 1-му сентября пришелъ въ Севастополь и въ половинѣ онаго вошелъ въ гавань.

Вскорѣ послѣ сего первая дочь моя Павлина умерла, а недѣли черезъ три и другая дочь Павла скончалась и мы опять остались бездѣтны.

Въ декабрѣ присланъ былъ указъ изъ правленія, чтобы каждый капитанъ подалъ свое мнѣніе о вновь построенныхъ корабляхъ въ Николаевѣ.

1796 г.

Между тѣмъ наступалъ Новый Годъ. Въ генварѣ я написалъ о вышеописанныхъ корабляхъ свое мнѣніе и представилъ главному командиру, которое было почти слѣдующаго содержанія:

Что оныя съ прежними не такъ удобны, 1-е: потому что отъ надѣлки палубы росторы сдѣлались выше, отъ чего и баласту больше и кренить ихъ болѣе старыхъ, ибо управляя снастями на палубѣ, должны быть наверху и подвержены дождю и зною, 2-е: ежели пропустить подъ палубу, то команда офицера слышна не будетъ во время крѣпкаго вѣтра и оттого можетъ произойти медленность въ исполненіи, что причинить можетъ большой вредъ и самое бѣдствіе, 3-е: въ разсужденіи сраженія дымъ будетъ не только беспокоить и мѣшать дѣйствовать въ верхней палубѣ, но и въ нижней и усугубить въ обѣихъ оный особливо отъ многаго числа людей, когда же держать наверху, то будутъ весьма открыты, 4-е: когда же послѣдуетъ абордажъ, то для непріятеля великое удобство завладѣть кораблемъ, какъ скоро преодолѣвъ наверху находящуюся команду, то можетъ запереть внутри сущихъ и требовать настоящей сдачи корабля. Напротивъ стараго строенія, имѣя бортъ вмѣсто бруствера раздѣливъ команду на отдѣленія, сокрытыя подъ шканцами, подъ бакомъ, даже и подъ шкафутами, которые, выступая въ случаѣ надобности изъ своихъ мѣстъ, въ учрежденномъ порядкѣ могутъ

остановить и преодолѣть непріятеля, вступившаго на шканцы и бакъ, что кажется неоспоримо. Съ сего моего мнѣнія многіе списали и подали.

На первый день сего Новаго года жена моя видѣла сонъ, якобы она танцевала въ первой парѣ съ Императрицею и въ томъ же мѣсяцѣ я получилъ письмо изъ Петербурга отъ Николая Семеновича *Мордвинова*, что я произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Вскорѣ потомъ видѣла она другой сонъ, что якобы съ неба на землю упала мужская бѣлая рубашка. Между тѣмъ весною уже мнѣ объявленъ былъ новый чинъ. Флотъ вооружился и вышелъ на рейдъ, а въ маѣ уже былъ въ морѣ и, пройдя назначенное время, въ исходѣ августа возвратился въ Севастополь, а въ началѣ сентября вошелъ въ гавань.

Того же сентября 20-го числа родился мнѣ сынъ Димитрій, но симъ еще не исполнился сонъ жены моей, а уже въ ноябрѣ въ исходѣ фельдъегерь прибылъ, что Великой Екатерины не стало и взшелъ на престолъ Павелъ I. И вотъ „мужская рубашка“! Вдругъ изъ бѣлыхъ мундировъ — зеленые и темляки серебряные, а въ Петербургѣ перемѣна страшная, такъ кончился сей годъ.

1797 г.

Новый годъ мы не очень весело встрѣтили, хотя и тѣ же были удовольствія; матросовъ стали учить фронтовой службѣ. Весной къ намъ присланъ былъ

инспекторъ, контръ-адмиралъ *Карцевъ*,*) который осматривалъ и опрашивалъ всѣ команды и столь былъ доволенъ и особливо скорымъ вооруженіемъ кораблей, чистотою и исправностью, что Государю Императору донесъ, что Черноморскій флотъ преимуществуетъ передъ Балтійскимъ флотомъ.

По прошествіи весны мы со флотомъ по прежнему вышли въ море и, попрактиковавъ людей, возвратились въ портъ; въ началѣ сентября вошли въ гавань.

Въ ноябрѣ я получилъ письмо отъ Николая Семеновича *Мордвинова*, что, по случаю начета на моего комисара, комисариатская экспедиція положила съ меня взыскать 400 рублей, то не имѣю ли я къ опроверженію сего чего представить, что прислать къ нему, что я и исполнилъ и черезъ двѣ недѣли получилъ отъ него 400 рублей денегъ при письмѣ, что онъ, не могши избавить меня отъ взысканія, посылаетъ мнѣ оныя для удовлетворенія казнѣ, и что сіи деньги суть такого рода, за которыя я не долженъ никакою благодарностью. — Вотъ благодѣяніе, которое вѣчно я долженъ помнить!

Въ исходѣ того же мѣсяца полученъ Именной указъ, чтобы прислать въ Балтійскій флотъ 6 капитановъ 1-го ранга именныхъ, въ томъ числѣ и я, въ исполненіе сна, какой видѣла жена моя за два дня передъ симъ: ей видѣлось, яко къ намъ принесли билетъ, на кото-

*) Петръ Кондратьевичъ, впоследствии (1802—1824) директоръ морского корпуса.

ромъ написано: „для входа въ клубъ въ С.-Петербургъ“, а на другой сторонѣ: „подписаль: директоръ Павелъ“. 4-го числа декабря родилась у меня дочь Варвара.

1798 г.

Новый годъ встрѣтили мы не очень весело, ибо должны были собираться въ дорогу, карету я обратилъ въ дорожную, коляску исправилъ, прочее распродалъ и въ мартѣ 8-го числа отправился, оставя повозку въ домѣ, который поручили Семену Афанасьевичу *Пустошкину* *). Мы выѣхали довольно поздно и, отъѣхавъ не болѣе 12 верстъ, у коляски колеса разсыпались. Принуждены были на степи остановиться, коляску отпавилъ назадъ, а велѣлъ привести оставшуюся повозку, которую привезли уже передъ утромъ и къ обѣду пріѣхали въ Бахчи-Сарай.

Правда, что ѣхать было весело, деревья уже цвѣли, проѣхали черезъ Симферополь и въ ночи пріѣхали въ Перекопъ. На третій день пустились въ Переяславль, потомъ переправились на паромѣ черезъ Днѣпръ и, въ Переяславлѣ отобѣдавъ, пустились въ Херсонъ. Къ вечеру пріѣхали къ рѣкѣ Ингульцу, гдѣ при развалившемся трактирѣ ночевали. По утру экипажъ на паромѣ, а мы сами на лодкѣ переправились черезъ рѣку и къ вечеру пріѣхали въ Херсонъ и наняли квартиру на купеческомъ форштатѣ, тутъ я у жида купилъ серебряные

*) Капитанъ (1 ранга) надъ Севастопольскимъ портомъ и начальникъ флота.

часы съ колпакомъ, гдѣ и пробыли мы три дня, потомъ отправились въ Николаевъ, куда пріѣхавъ пристали въ казенный домъ, гдѣ жила жена флотскаго капитана Тиздель, которая съ нами собралась ѣхать, я явился къ Мордвинову, нѣсколько разъ у него обѣдалъ. Получилъ денщиковъ и отправленіе, мы, проживъ недѣлю, выѣхали.

Въ пятый день пріѣхали въ Кременчугъ, гдѣ, перемѣнивъ лошадей, отправились далѣе и въ Курскѣ уже остановились отдохнуть, гдѣ съ женою своею разстался и, взявъ подорожную отъ губернатора, отправился по почтѣ, дабы не отвѣчать за медлительность, а ей наняты лошади до Петербурга. Скоро я пріѣхалъ къ капитану *Ельчанинову*, докуда перемѣнилъ подорожную и черезъ пять дней изъ Москвы пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, только по дорогѣ останавливался у брата жены моей, полковника Губачевскаго въ Новѣ-городѣ, куда при мнѣ прибылъ Государь Императоръ, а я въ то же время выѣхалъ. Въ столицѣ я присталъ въ трактирѣ, откуда на другой день я ѣздилъ въ наемной каретѣ къ президенту коллегіи *Гоелмищеву-Кутузову* *) явиться. Отдавъ свою отсылку въ коллегію оберъ секретарю, о семъ я донесъ президенту, на что онъ весьма разсердился. Я далъ пройти его горячкѣ, потомъ сказалъ ему: „извините меня, ваше высокопревосходительство, тому была причина, что я отдалъ оберъ секре-

*) Иванъ Логжиновичъ 1772—1802 г.

тарю отсылку“. „Какая?“ спросилъ онъ меня“. „Въѣзжая въ Петербургъ былъ проливной дождь, и моя повозка опрокинулась въ канаву, которая была полна воды, экипажъ мой былъ въ водѣ, съ которымъ и бумага та замочилась и вымарана, такъ что я совѣстился отдать оную и младшему члену коллегіи не только вашему высокопревосходительству“. Тогда онъ сказалъ: „ну это дѣло другое“ и засмѣялся. Такимъ образомъ кончилось мое посѣщеніе, и я отправился къ генералу крѣгсъ-комисару *Де-Рибасу* и мнѣ попалъ на встрѣчу контръ-адмиралъ *Престманъ*, *) къ которому въ карету я и пересѣлъ. Онъ рассказывалъ, что съ нимъ случилось у президента, котораго онъ никогда не зналъ и въ первый разъ вчерась онъ былъ у него. Указали ему кабинетъ, въ который вошедъ увидѣлъ въ байковомъ, сюртукѣ и въ колпакѣ старика и старуху въ чепцѣ, сидящихъ на софѣ, въ каковомъ положеніи и я ихъ нашель, но онъ не зналъ ихъ, а потому и думалъ, что это сидятъ управитель или учитель и, не обращая на нихъ вниманія, шелъ къ другой двери и лишь хотѣлъ отворить, президентъ сказалъ „куда“? Онъ оглянулся и опять отворить намѣревается, опять кричатъ ему „куда“? Онъ то же дѣйствіе повторяетъ. Наконецъ вопрошаютъ: „кого тебѣ надобно“? Онъ отвѣчаетъ, что ему надобенъ президентъ коллегіи. Тогда президентъ ему

*) Иванъ Ивановичъ, принявъ съ чиномъ кан. 2 р. изъ англійской службы съ назначеніемъ въ Черноморскій флотъ (1786—1811 г.).

говорить, указывая на себя: «я президентъ». Онъ не вѣритъ, тотъ беретъ изъ рукъ бумагу и читаетъ, приходитъ секретарь, и онъ удостоверяется.

Сей *Престманъ* англичанинъ, говорить по русски очень худо, притомъ великій балагуръ, то сіе происшествіе рассказывалъ онъ весьма смѣшно, особливо адмиралу *Де-Рибасу* еще смѣшнѣе.

Отъ *Де-Рибаса* я былъ у адмирала *Пушина* *) и просилъ о выдачѣ за дрова денегъ 300 рублей. Онъ отвѣчалъ, что: „мы не будемъ уплачивать долговъ *Мордвинова*“. Отъ него я поѣхалъ въ трактиръ, пообѣдавъ переѣхалъ въ домъ моего дяди *Овчинникова* и засталъ одного только его меньшаго сына Ивана. Отецъ, братья и сестра померли, а тутъ съ нимъ жили подкидышъ Григорій съ женою Степанидой и Филиппъ братъ его. На другой день я пошелъ явиться въ коллегію и, идучи черезъ Царицынъ лугъ **), мимо монумента графа *Румянцева*, увидѣлъ къ оному прилѣпленную бумажку, которая отъ вѣтра трепеталася, и подошедъ прочелъ. Вотъ что было написано: «*Румянцевъ*, ты въ землѣ лежишь! а здѣсь тебѣ воздвигнуть шпиль».

Прочитавъ, я испугался и, оглядѣвъ, отошелъ скорѣе прочь и пошелъ своей дорогой. Въ коллегіи оберъ секретарь искалъ, гдѣ я написанъ въ корабельномъ или въ гребномъ флотѣ и сказалъ мнѣ, что меня ни въ одномъ спискѣ

*) Иванъ Петровичъ, оберъ-интендантъ флота.

***) Царицынъ лугъ—теперешній Румянцевскій скверъ.

нѣтъ, я сказалъ о томъ прїѣхавшему тогда адмиралу *Де-Рибасу*, который смѣясь сказалъ мнѣ: „зачѣмъ же ты прїѣхалъ?“ Тогда вошелъ адмиралъ *Пуцинъ*, узнавъ о семъ тотчасъ приказалъ написать на корабль „Трехъ Святителей“, и чтобы я скорѣе отправился въ Кронштадтъ, и потому на другой день я ходилъ въ коллегію за билетомъ, а на третій день отправился въ Кронштадтъ на катерѣ и прїѣхалъ туда ночью, въ купецкую гавань и въ италіанскомъ прудѣ вышелъ на берегъ, экипажъ **) несли одинъ денщикъ и гребецъ. Нашелъ домъ *Яковлева*, постучался и меня впустили, и всѣ встали, тогда было только 4 часа утра, но я не ложился. Сестра моей жены, Ирина Михайловна, приняла меня очень хорошо, какъ и дочь ея, Надежда Григорьевна.

На другой день явился и принялъ корабль и команду, которые считали во 2-й дивизіи, почему я въ Кронштадтѣ сдѣлался командиромъ той части 2-й дивизіи, которая находилась въ Кронштадтѣ, ибо большая часть оной была въ Ревелѣ, съ адмираломъ *Мусиньмъ-Пушкинымъ*, которому я и рапортовалъ обо всемъ. Вскорѣ я получилъ отъ него ордеръ, чтобы отправить въ Ревель находящуюся въ Кронштадтѣ оной эскадры сей дивизіи баталіона роту солдатъ, для чего просилъ у капитана надъ портомъ транспорта, который мнѣ отказалъ. Я просилъ о томъ же главнаго командира, который меня

*) т. э. вещи (экипировку).

спросилъ: „неужели ты здѣсь командуешь дивизією?“ Я отвѣчалъ: „такъ точно“, и онъ приказалъ мнѣ дать транспортъ, и я отправилъ ту роту и рапортовалъ дивизіоннаго своего командира, адмирала *Мусина Пушкина*, находящагося тогда въ Ревелѣ съ большею частью своей дивизіи.

По прошествіи около двухъ недѣль по моемъ прибытіи, прїѣхала и жена моя съ сыномъ Дмитріемъ и дочерью Варварою, и мы прожили тутъ у сестры ея, Арины Михайловны, около мѣсяца и перебрались на квартиру, недалеко отъ нихъ и потому часто у нихъ бывали, такъ и у другой сестры ея, Прасковіи Михайловны, а спустя мѣсяць мнѣ дали квартиру во флигелѣ, куда мы и перешли и жили тутъ очень покойно. Потомъ осенью вышло росписаніе, и я написанъ въ 3-ю дивизію, которой командовалъ адмиралъ *Фонъ-Дезинъ*, на корабль „Пармень“, который я, сдавъ прежній старшему по себѣ и явсь къ дивизіонному командиру, и принялъ въ свое вѣдомство и съ командою.

1799 г.

Въ настоящую четырехдесятницу эскадреннаго командира, контръ-адмирала и генералъ-адъютанта Императорскаго Баратынскаго 3*) командировали къ Архангельскому порту и я, какъ старшій по немъ, принялъ послѣ его эскадру, а 19-го апрѣля мнѣ даровалъ Богъ сына Николая, котораго отъ ку-

*) Богданъ Андреевичъ 1783—1805 г.

цели принималъ вмѣсто Государя Императора адмиралъ *Ханьковъ*, и я получилъ въ подарокъ дорогіе часы, и вскорѣ потомъ я написанъ на корабль „Глѣбъ“ для кампаній, который находился въ каналѣ, и по выходѣ изъ онаго я его принялъ и вооружилъ и вышелъ на рейдъ, подъ флагомъ помянутаго *Ханькова* и ко мнѣ написаны 2 лейтенанта, весьма невоздержанные, и 3-й корпусный офицеръ съ гардемаринами *Стурмъ*. Надобно сказать, что я въ Кронштадтѣ былъ весьма въ худой славъ по причинѣ частаго обхожденія съ черноморскими капитанами *Обольяниновымъ* и *Нелединскимъ*, которые также были сюда командированы, какъ и я, но они написаны были на ревелскіе корабли и берегомъ туда уѣхали прежде меня, они тамъ замѣчены были невоздержанными. А такъ какъ я изъ Черноморскаго же флота, то и обо мнѣ заключали то же, къ чему многихъ и зависть побуждала, ибо мы старшинство выиграли, то и старались замарать всѣхъ, дабы изъ службы вытѣснить, для чего распространяли до того свое злословіе, что всѣ адмиралы узнали, и меня адмиралъ *фонъ-Дезинъ* худо аттестовалъ, о чемъ я узнавши ходилъ къ нему, спрашивалъ о причинѣ, а какъ онъ не могъ никакой объявить, кромѣ слуховъ, то я и убѣдилъ его перемѣнить аттестатъ и когда пошелъ въ море въ эскадрѣ адмирала *Ханькова*, на кораблѣ, то написали ко мнѣ двухъ лейтенантовъ невоздержанныхъ, такъ что я съ ними принужденъ былъ стоять

на вахтѣ, а третью я далъ вахту корпусному офицеру, бывшему съ гардемаринами.

Адмиралъ, будучи упрежденъ обо мнѣ съ худой стороны, примѣчалъ за мной болѣе всѣхъ и испытывалъ разнымъ образомъ: по утру рано и вечеру поздно призывалъ меня къ себѣ сигналомъ, нерѣдко также нечаянно и самъ прѣзжалъ ко мнѣ, все это онъ дѣлалъ, когда эскадра идетъ подъ парусами. Во время эволюціи я былъ всегда наверху и, по привычкѣ въ Черноморскомъ флотѣ, прежде всѣхъ входилъ въ свое мѣсто, а узнавши качества своего корабля держался въ ономъ всегда исправно.

Подходя къ Ревелю, корабль мой былъ сдѣланъ форзейлемъ, я перегоня всѣхъ не могъ обогнать одного корабля, на которомъ сидѣлъ контръ-адмиралъ *Вальянть**), однако я и съ онымъ поравнялся, хотя оный полнѣе и черезъ то такъ былъ близко на вѣтрѣ, что мѣшалъ мнѣ поворотить оверштагъ, а подъ вѣтромъ находились острова Вульфа, и я принужденъ былъ поворотить чрезъ фордовинтъ, что называется на пять, не давая сдѣлать большой циркуляціи и сямъ галсомъ подошедъ подъ корму флагмана рапортовалъ его, а онъ мнѣ кричалъ: „очень хорошо, очень хорошо, благодарю, благодарю, ступай за мной“. Вошедъ на Ревельскій рейдъ, легли на якорь и чрезъ три дня пошли къ Дагерорту, который прошедъ катеръ „Мер-

*) Голландецъ, находился на русской службѣ 1796—1800 г.

курій" сдѣлалъ сигналъ, что со флотомъ держаться не можетъ и потому велѣно было отвести его въ ближній портъ шведскій, а если возможно въ Кронштадтъ.

Я старался взять оный на бакштовъ, но никакъ не могъ, ибо вѣтеръ былъ весьма сильный и волненіе развело большое почему и пустилъ его впередъ, а самъ за нимъ безъ парусовъ въ однѣ снасти, ибо шли на фордевиндъ. И вѣтеръ былъ весьма крѣпкій, когда я поджидая его ложился въ дрейфъ подъ бизанью, а пропустя впередъ опять шелъ безъ парусовъ и, такимъ образомъ, на другой день къ вечеру увидѣли мы островъ Наргена, я приказалъ къ нему держать и легъ отдохнуть и вскорѣ проснувшись увидѣлъ, что мы весьма близко Наргена, что сдѣлалъ капитанъ *де-Ларошъ*, у меня было оныхъ двое и оба французы: графъ *Мелисси* и онъ; оба по русски худо говорили. Я снялся и отошелъ далѣе, легъ на дрейфъ для поджиданія катера, который былъ между Суropa и Наргена и отъ течи палилъ пушки. Я сигналомъ велѣлъ ему подойти къ себѣ и, пропустивъ впередъ по лѣвую руку Наргена, пошелъ за нимъ по прежнему. Тутъ увидѣли сзади эскадру, которая, перегнавъ насъ, скрылась изъ вида. Уже въ глубокой ночи зашли мы за Гогландъ и стали на якорь, я осмотрѣвъ подвелъ грунтовы и снайтовивъ взялъ его къ себѣ на бакштовъ и повелъ оный въ Кронштадтъ, между тѣмъ вѣтеръ стихъ и я легъ спать, но въ три часа на эскадрѣ сдѣланъ сигналъ, подойти

мнѣ подъ корму, я желалъ быть въ Кронштадтъ, потому и сказалъ лейтенанту, что мы не видимъ, ибо тогда еще чуть разсвѣтало, но вскорѣ при томъ же сигналѣ была пушка, почему велѣлъ катеру отдать бакштовъ и идти въ Кронштадтъ, а самъ, приведя на курсъ, поплылъ къ эскадрѣ и, подошедъ подъ корму, отпраповалъ и, получивъ благодарность и похвалу, пошелъ за флагманомъ.

Для препровожденія же катера до Кронштадта посланъ былъ госпитальный корабль. Прошедъ Гогландъ, я былъ опять сдѣланъ форзейлемъ и, ихъ обогнавъ всѣхъ, вошелъ на рейдъ и, дождавъ флагмана, легъ вмѣстѣ съ нимъ на якорь. Потомъ я ѣздилъ къ нему съ рапортомъ и получилъ благодарность за проводку катера и ѣздилъ съ нимъ къ вице-адмиралу *Спиридову*, который, будучи упрежденъ обо мнѣ худо, гринялъ съ небреженіемъ, но, какъ видно, флагманъ мой перемѣнилъ у него обо мнѣ мысли, ибо впоследствии онъ обходился со мной хорошо.

На другой день сигналомъ призвалъ меня къ себѣ флагманъ, и онъ сказавъ мнѣ, что капитаны 1-го ранга *Нелединскій*, *) какъ мой пріятель, и *Обольяниновъ* *), какъ мой родственникъ, то я какъ ближе всѣхъ долженъ сказать имъ, чтобы они подали въ отставку, тогда имъ дадутъ пенсіоны, а ежели они не согласятся, то будутъ отставлены безъ всего и я принужденъ былъ ѣхать.

*) Нелединскій: Михаилъ Николаевичъ, Обольяниновъ: Анисифоръ Артамоновичъ.

На рейдѣ былъ корабль *Нелединскаго*, я прѣхалъ къ нему и какъ на его корабль хотѣлъ сѣсть контръ-адмиралъ *Бееръ* *), то онъ занималъ всю правую сторону каютъ-компаніи. Былъ 12-й часъ, какъ я къ нему вошелъ, онъ велѣлъ подать водки, а я между тѣмъ началъ ему говорить, что я о немъ весьма сожалѣю, что адмиралы обо всѣхъ черноморскихъ капитанахъ весьма дурно думаютъ и говорятъ, и что я подверженъ былъ великому испытанію, которое какъ ни жестоко, но я желалъ-бы лучше, чтобы всѣ мы подвержены оному, ибо каждый бы имѣлъ случай себя оправдать, нежели по однимъ доносамъ быть несчастнымъ. „Но что дѣлать? я принужденъ тебѣ сказать, то что мнѣ велѣно. Еще хорошо отдають на волю“.

„Что ты говоришь?“ спросилъ онъ, „говори что тебѣ велѣно?“ „Ты самъ бы это сдѣлалъ, когда бы предвидѣлъ, да и я бы совѣтовалъ подать въ отставку. деревня у тебя есть, пенсію дадутъ.“

„А ежели не подамъ?“ онъ сказалъ. „Хуже сдѣлаешь самъ себѣ, оставятъ безъ всего, что и сказать велѣно“ „Ну, такъ не подамъ!“ закричалъ онъ, „поди скажи“. Я сколько ни старался разуметь, но онъ твердилъ одно и то же. Я уѣхалъ къ *Обольянинову*, котораго корабль былъ еще въ гавани, я рашелъ его дома, поперекъ кровати лежащаго во всей формѣ, съ орденами, разбудилъ

***) Фонъ-Брейеръ, Карлъ Истофьевичъ 1763—1804 г.

и между разговорами сказалъ ему, что было велѣно, снѣ также заупрямился и я съ сожалѣніемъ отъ него пошелъ доносить адмиралу *Ханькову*, котораго я нашелъ на мызѣ у *Саблина*, капитана надъ портомъ, гдѣ и я отобѣдалъ и возвратился на свой корабль.

А дня черезъ два сигналомъ призвалъ меня адмиралъ къ себѣ и сказалъ, что Государь прислалъ повелѣніе нарядить лучшей корабль, съ лучшимъ капитаномъ, для посылки въ Англію съ десантными войсками, потомъ, отведя меня къ сторонѣ, показалъ рапортъ къ Государю и читалъ, что онъ не находитъ лучше корабля, кромѣ моего, и лучшаго капитана, кромѣ меня. Я благодарилъ его за милость.

Тутъ рекомендовался мнѣ привезшій сіе повелѣніе капитанъ 1-го ранга *Рябининъ* *), что и онъ льстится надеждою идти на моемъ кораблѣ, я сказалъ, что мнѣ будетъ очень пріятно, и я буду стараться пріобрѣсть его къ себѣ расположеніе, но онъ въ тотъ же день отправился съ донесеніемъ, а я на другой день, подошедъ къ гавани, началъ снимать нижняго дека пушки и въ палубѣ сдѣлали нары. Потомъ перебрался ко мнѣ на корабль цѣлый баталіонъ Павловскаго полка, подъ командою маіора *Лохова*. Однихъ офицеровъ съ нимъ человекъ до 20-ти, которые всѣ были за моимъ столомъ недѣли три, ибо въ сіе время пришли англійскіе транспорты, то весь десантъ на оные и помѣстили, стчего

*) Егоръ Михайловичъ.

и мой корабль посылать отмѣнили **). А какъ, не имѣвъ собственныхъ денегъ, издержалъ всю экстраординарную сумму на столъ и, не могши вознаградить, рѣшился ѣхать къ адмиралу съ бѣлой шнурованной книгой и поднося признался ему, куда я дѣвалъ деньги, онъ сказалъ: „хорошо, душенька, ты здѣсь останешься, а я иду въ Кронштадтъ“. И на другой день онъ съ эскадрой ушелъ, а я остался на рейдѣ старшимъ съ тремя кораблями и другими судами. Потомъ, въ исходѣ сентября, мы вошли въ гавань, и я нанялъ квартиру у *Красавиной*, но по неудобству перешелъ къ *Нелединскому*, который съ *Оболяшиновымъ* уже были отставлены ***) , а потому онъ скоро и уѣхалъ, а жена моя писала, что она ко мнѣ будетъ на транспортъ. почему я опять перемѣнилъ квартиру, и въ ноябрѣ она дѣйствительно пріѣхала, но транспортъ остановился у *Наргена*, и я не утерпѣлъ, пріѣхалъ туда на катерѣ и тамъ ночевалъ, а по утру подошли ближе.

Тогда мы совсѣмъ перебравшись на берегъ, я выпросилъ у *Муситой-Пушкиной* карету и перевезъ жену мою на квартиру, которая показалась ей не такъ удобна, а потому я сыскалъ другую квартиру у маіора *Качалова*, на Юрьевской улицѣ гдѣ мы взяли къ себѣ жить *Оболяшинова* и жена моя ви-

***) Дѣло идетъ объ англо-русской экспедиціи къ Голландскимъ берегамъ 1798—1799 г. для совмѣстныхъ дѣйствій противъ французовъ и голландцевъ.

***) 28 іюня 1799 г.

дѣла сонъ, что якобы пріѣхалъ въ Ревель Государь и шель по гласису около города, а она будто смотрѣла съ валу, и онъ, увидѣвъ ее, приподнял шляпу и сказалъ: „здравствуй, сударыня!“, а на другой день, какъ она мнѣ рассказала свой сонъ, я получилъ письмо, что я 28-го ноября произведенъ въ капитанъ-командоры о чемъ прислали по формѣ *), уже въ декабрѣ мѣсяцѣ, и я дѣлалъ обѣдъ; потомъ наступилъ и Новый годъ.

1800 г.

Новый годъ встрѣтили весело. *Оболяшиновъ*, получивъ лошадей и деньги отъ матери, уѣхалъ въ деревню, а мы перебравшись на другую квартиру къ маіору *Еремѣеву*. При началѣ весны прислано росписаніе, которымъ я написанъ на корабль „Саратовъ“, который я принялъ, а корабль „Глѣбъ“ сдалъ, въ то же время пріѣхалъ новый комендантъ *Горбунцовъ*, по его донесенію адмиралъ *Мусинъ - Пушкинъ* **) исключенъ изъ службы и флотскую команду принялъ контръ-адмиралъ *Брееръ*. Потомъ вскорѣ *Мусина-Пушкина* ударилъ параличъ, и въ то же время пришелъ изъ Англіи съ эскадрою вице-адмиралъ *Макаровъ*, который и принялъ флотскую команду; но по нѣкоторому случаю былъ Государемъ арестованъ на сутки, что я узналъ пришедъ къ нему въ тотъ день съ рапортомъ, и онъ, не принимая онаго, сказалъ мнѣ: „я арестованъ, подайте

*) Т. е. оффиціально.

***) Алексѣй Васильевичъ 1746 - 1800 г.

завтра". И такъ, во весь сей годъ пробыль на берегу, училъ шутя Митю своего грамотѣ, и онъ писалъ изрядныя тетради и посылалъ въ подарокъ въ Кронштадтъ. Въ семь году я былъ на Ревельскомъ рейдѣ, на кораблѣ „Глѣбъ“, потомъ на „Не тронь меня“, а послѣ опять на „Саратовѣ“. Въ августѣ, 11 числа, у меня родился сынъ Александръ.

1801 г.

Встрѣтили благополучно; въ февралѣ получено повелѣніе, чтобы по вскрытію льда весь флотъ былъ готовъ къ выходу въ море.

Въ мартѣ получено извѣстіе, что Императоръ Павелъ скончался и вошелъ на престолъ Александръ I Павловичъ, на 12 число марта, и мы всѣ, ему присягали. Потомъ прислано производство и я 14-го того же марта произведенъ въ контръ-адмиралы, а 1-го апрѣля весь флотъ вышелъ и я поднялъ свой флагъ на кораблѣ „Евсевій“ *), на который я перебрался со всѣмъ домою, а карету и лошадей отправилъ берегомъ въ Кронштадтъ, куда идучи съ флотомъ и прошедъ островъ Гогландъ встрѣтили густой ледъ, который, ударяясь въ носы кораблей, оные весьма потрясалъ, и такъ какъ мой корабль былъ довольно гниль, то отъ одного сильнаго удара и выпалъ у него деревянный въ подводной части нагель, вода начала прибывать по два дюйма въ часъ, и я долженъ былъ скрывать оное отъ своего

семейства. Послалъ искать посредствомъ таза оную и отыскавъ заколотилъ оную новымъ нагелемъ, но чтобы не случилось и другой разъ того же, я самъ правилъ кораблемъ между льдинами и другихъ въ томъ поставилъ, и такимъ образомъ весь ледъ прошли благополучно и пришедъ на Кронштадтскій рейдъ стали на якорь.

Я ѣздилъ съ рапортомъ къ адмиралу *Макарову*, потомъ на берегъ къ Аринѣ Михайловнѣ и Надеждѣ Григорьевнѣ, которымъ я сказалъ, что я пришелъ на флотъ, безъ жены, и просилъ ихъ къ себѣ обѣдать. Онѣ согласились и поѣхали со мной на катеръ, но подъѣзжая къ кораблю онѣ увидѣли на ютѣ онаго женщину, тотчасъ закричали, что я ихъ обманулъ и, такимъ образомъ, онѣ у насъ обѣдали и весь день провели весело и поздно уже отъ насъ поѣхали.

На другой день приѣхалъ въ Кронштадтъ Государь, я видѣлъ Его ѣхавшаго на линейкѣ по госпиталямъ, а оттуда къ главному командиру, адмиралу *Ханькову*, гдѣ и я былъ. Кланялся графу *Кушелеву*, которому въ генварѣ того же года я посылалъ прожектъ имѣть на кораблѣ готовыя части руля для составленія онаго въ случаѣ потери настоящаго и думалъ, что графъ заговорить что нибудь со мной, ибо *Ханьковъ* сказалъ ему, кто я таковъ, но онъ какъ видно самъ съ собою былъ тогда занятъ, какъ бы удержаться на мѣстѣ, что впоследствии и открылось, ибо онъ былъ уволенъ отъ службы.

Въ тотъ же день Государь послалъ Чи-

*) 100-пушечный, постройки 1790 г.

чагова на фрегатѣ въ Ревель для переговорову къ пришедшему тогда съ эскадрою изъ Англіи англійскому вице-адмиралу *Нельсону**) для начатія непріятельскихъ дѣйствій и стоящему тогда у острова Наргена. Послѣ чего контръ-адмиралъ *Чичаговъ****) былъ въ свитѣ Государя, а потомъ и правителемъ Его походной, флотской канцеляріи.

Между тѣмъ гнилые корабли введены въ гавань, также и „Евсей“, Я нанялъ квартиру и перебрался на берегъ, также и карету съ лошадьми перевезъ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, а флагъ свой перенесъ на корабль „Москва“ и простоялъ на Кронштадтскомъ рейдѣ два мѣсяца. Велѣно было возвратиться въ Ревель, и я опять со всею семьей перебрался на корабль. Государь былъ на кораблѣ „Ростиславъ“ и, когда сдѣланъ былъ сигналъ сняться съ якоря, онъ отправился на яхту, а мы вступили подъ паруса и потомъ въ море, подъ предводительствомъ вице-адмирала *Брейера*, и на третій день пришли въ Ревель, гдѣ я перебрался въ домъ къ майору *Фалтеву* на Пески и въ іюлѣ спустилъ свой флагъ и вошли въ гавань.

Вскорѣ получилъ указъ, что адмиралъ *Мордвиновъ* сдѣланъ морскимъ министромъ, я поздравилъ его письмомъ, и

*) Послѣ Копенгагенскаго сраженія Нельсонъ съ эскадрой вошелъ въ Балтійское море и угрожалъ нашему побережью и флоту, но послѣдній былъ уведень изъ Ревеля въ Кронштадтъ. Вскорѣ былъ заключенъ съ Англіей миръ.

**) сынъ, впоследствии министръ морскихъ силъ.

онъ благодарилъ меня. 6-го августа родился у меня третій сынъ, Александръ, и сей годъ, благодаря Богу, мы прожили благополучно.

А такъ какъ я по службѣ моей въ Черноморскомъ флотѣ не получалъ положенныхъ тамъ за дрова и уголья денегъ и по приѣздѣ моемъ сюда сколько я ни просилъ, но мнѣ всѣ въ томъ отказали, почему я пользуясь тѣмъ, что бывший тамъ главный командиръ, нынѣ морской министръ, просилъ его приказать удовлетворить меня и чрезъ мѣсяць изъ Адмиралтействъ коллегіи послѣдовалъ указъ въ ревельскую контору главнаго командира, чтобы выдать мнѣ 150 рублей, которыя получивъ я благодарилъ министра и тутъ же напоминая его обѣщаніе взять въ казну мой домъ, построенный мною въ Севастополѣ, за который такимъ же образомъ чрезъ два мѣсяца я получилъ 1000 рублей, хотя таковой домъ здѣсь стоилъ бы и 2500 рублей, но я радъ былъ, что и все не потерялъ, а потому весьма благодарилъ за таковое благодареніе.

Главный командиръ Ревельскаго порта, адмиралъ *Спиридовъ*, былъ человекъ весьма изнѣженный, любилъ роскошь и всякій день занимался картами въ большія**), а потому я не могъ дѣлать ему (компанію) и только былъ ему знакомъ издалика, другъ у друга обѣцывали позову, жена его платила моей женѣ визиты и ѣздила къ намъ безъ зова, а онъ никому изъ подчиненныхъ не дѣ-

*) т. е. по крупной

лалъ визитовъ, только былъ занятъ собою и ни въ чемъ не упражнялся, кромѣ картъ. Флотскій начальникъ, вице-адмиралъ *Брееръ* былъ добрый человѣкъ, имѣлъ хорошій натуральный разумъ, но уже безъ всякаго просвѣщенія и въ фамильныхъ домахъ бывалъ только по зову и самаго простого обхожденія и жилъ весьма скромно, однимъ жалованіемъ...

Августа 7 числа родился у меня сынъ Павелъ, а чрезъ два дня скончался Александръ, родившійся прошлаго года. Я просилъ Государя крестить Павла и вмѣсто его былъ адмиралъ *Спиридовъ*, а я получилъ перстень въ 300 рублей чрезъ графа *Кушелева*.

1802 г.

Святки проводили и Новый годъ встрѣтили довольно весело, потомъ получено повелѣніе о вооруженіи эскадры въ море, подъ главнымъ флагомъ вице-адмирала *Симанскаго**), назначенъ также и я, и когда корабли вышли на рейдъ, то я поднялъ свой флагъ на корабль „Благодать“ до прибытія *Симанскаго* изъ Кронштадта, который черезъ недѣлю и прибылъ съ 5-ю кораблями и контръ-адмираломъ *Колокольцовымъ* и онъ пересѣлъ на корабль „Благодать“, почему я поднялъ свой флагъ на корабль „Св. Петръ“, на которомъ былъ капитанъ 2-го ранга *Поскочинъ* и вскорѣ отправились въ море. Я командовалъ авангардомъ, кампанія началась съ 29 мая,

*) Александръ Лукинъ Симанскій (1765—1804).

дѣлали разныя эволюціи, ходили къ Борнгольму и стояли тамъ на якорѣ, ѣздили на берегъ, другъ у друга обѣдали, налились водою и пошли обратно не упуская дѣлать разныя маневры и возвратились въ Ревель, и *Симанскій* съ той эскадрой отправился въ Кронштадтъ, а я перешедъ на „Благодать“ остался на рейдѣ; потомъ 27-го августа снявъ свой флагъ приказалъ войти въ гавань и командовалъ эскадрою дивизіи бѣлаго флага.

Въ семь мѣсяцѣ въ бытность мою на рейдѣ родился у меня сынъ Александръ, благодаря Бога благополучно, и я просилъ тогда крестить новорожденного больного адмирала *Мусина-Пушкина*, у котораго въ домѣ и крестили.

Хозяинъ мой, маіоръ *Бремъевъ* былъ весьма честнѣйшій человѣкъ, онъ командовалъ морскимъ баталіономъ весьма исправно, такъ что отъ каждаго военнаго губернатора, коихъ при царствованіи Государя Павла много перемѣнилось, получалъ онъ похвалу и благодарность, а какъ того же баталіона подполковникъ *Кертъ*, какъ по болѣзни ногъ такъ и по неспособности своей по худому выговору на русскомъ языкѣ, къ командованію отставленъ былъ отъ начальства безъ должности, числясь только въ семь баталіонѣ для полученія денщикова и жалованія. Онъ человѣкъ былъ достаточный и казался быть довольнымъ своимъ положеніемъ, притомъ онъ былъ, что рѣдкому было извѣстно, а я и совсѣмъ не зналъ о томъ, дядя контръ-адмиралу *Чичагову*, онъ былъ братъ его

матери, то и видно, что онъ писалъ къ своему племяннику, который и сдѣлалъ, что изъ адмиралтействъ коллегіи присланъ указъ, чтобы баталіонъ принять въ свое командованіе подполковнику Керту. Мнѣ же, знавшему исправность маіора *Еремьева* и неспособность *Керна*, столь было чувствительно жаль перваго и его баталіона, который можетъ придти въ упадокъ отъ такого командира, то и вознамѣрился я, думая, что сама коллегія отъ себя сіе предписаніе сдѣлала, изъяснить о злѣ, каковое можетъ произойти отъ исполненія таковаго повелѣнія, морскому министру, адмиралу *Мордвинову* написалъ и послалъ, полагая что министръ прикажетъ отъ себя остановить исполненіе сего указа. вмѣсто того, онъ при своемъ предложеніи мое письмо къ нему отослалъ въ коллегію. Неизвѣстно съ какимъ предписаніемъ, только съ сего письма вдругъ появились копіи, даже и въ Ревель. Это меня весьма потревожило, хотя совсѣмъ не воображалъ, чтобы съ сего времени началось мое несчастіе, что весьма естественно, ибо *Чичаговъ* былъ весьма гордъ, самолюбивъ и мстителенъ. Онъ началъ съ той же минуты искать случая погубить меня, но прежде всего старался сдѣлаться министромъ и для чего ласкалъ приближенныхъ министра, дабы чрезъ нихъ узнавать намѣренія министра. Онъ, узнавъ какой докладъ министръ думаетъ сдѣлать Государю, оному прежде изъяснить коварно вредную сторону и доведеть до того, что оный останется не оправданъ, что ко-

нечно министра огорчить, а онъ эту слабость адмирала *Мордвинова* зналъ, который отъ неудовольствія и просилъ увольненія, что и получилъ, но сіе уже было 1803 года. А *Чичаговъ* пожалованъ въ вице-адмиралы вступилъ въ его должность и сдѣланъ товарищемъ министра.

1803 г.

Для меня городъ нанялъ квартиру на Юрьевской улицѣ, у Баумбгарда, на которую я и перебрался, и квартира сія гораздо лучше была прежней. Въ семь году всѣ корабли были на рейдѣ, подъ флагомъ адмирала *Тема**), я командовалъ аріергардомъ и флагъ свой имѣлъ на кораблѣ „Москва“, и по отшествіи адмирала въ море я оставался съ 5-ю кораблями на рейдѣ и въ сентябрѣ уже вошелъ въ гавань, спусти флагъ свой прежде.

Въ семь году, по письму жены моей, племянница ея Надежда Григорьевна прислала намъ для компаніи благородную дѣвушку Анну Богдановну, фамиліей *Мягкова*, она казалась весьма скромная и разумная дѣвица.

Въ семь году, осматривая въ парадѣ стоящія команды, я пораженъ былъ нестрою ихъ мундировъ гораздо болѣе прежнихъ разъ, что происходило отъ разныхъ сроковъ мундирамъ и цвѣтъ сукна или свѣтлѣе или темнѣе прежде получившихъ у тѣхъ, которые послѣ получили и также у послѣднихъ новѣе, почему я

*) Тетъ, Егоръ Егоровъ, принятъ изъ англійской службы въ 1770 г.

предоставилъ главному командиру, адмиралу *Спиридову* о приведеніи мундировъ всѣмъ командамъ въ одинъ срокъ, но на сіе представленіе ничего не воспослѣдовало.

Въ октябрѣ сего года родился у меня сынъ Михаилъ и благодаря Бога благополучно, и жена моя довольно скоро оправилась. Мы жили дружно съ сосѣдями нашими, капитанъ-командорами *Ломаномъ* и *Бодиско* и полковникомъ *Гаманомъ* и капитаномъ 1-го ранга *Дупандинымъ*, докторомъ *Миміусомъ*, часто другъ у друга обѣдвали и годъ сей провели пріятнымъ образомъ.

1804 г.

День Новаго года встрѣтили у капитана надъ портомъ *Саблина* генералъ-майора и въ 12 часовъ ночи на 1-е число генваря пили шампанское и въ два часа домой пріѣхали, такимъ образомъ начался Новый годъ, который однако же, какъ для насъ, такъ и для майора *Еремѣва* не очень благопріятенъ былъ, ибо письмо мое министру о немъ ни мало не подѣйствовало, баталіонъ его принялъ подполковникъ *Кернъ*, дядя *Чичагова*, и у *Еремѣва* не доставало къ сдачѣ 500 рублей, и я ему безъ всего повѣрилъ, а его опредѣлили смотрителемъ къ строенію казармъ, какъ бы неспособному ко фрунту, таковая обида такъ для него была чувствительна, что его ударилъ параличъ и года черезъ четыре онъ скончался.

Въ маѣ сего года, на корабль „Зачатіе св. Анны“, товарищъ министра,

вице-адмиралъ *Чичаговъ*, обозрѣвъ порты и ихъ входы, прибылъ и на Ревельскій рейдъ подъ флагомъ вице-адмирала, я будучи флотскій начальникъ пріѣхалъ къ нему съ рапортомъ. Онъ меня принялъ хорошо, испытывалъ меня, вопрошая можно ли съ худыхъ кораблей снять мѣдную обшивку и какимъ образомъ, и я изъяснялъ, что можно сіе сдѣлать посредствомъ кренгованія. Еще онъ разсуждалъ какимъ образомъ возможно было исправить матросъ худого поведенія, а какъ по его предложенію былъ изъ коллегіи указъ, чтобы командующіе кораблей и прочихъ судовъ дѣлали особыя артели изъ сихъ дурныхъ людей, безъ сомнѣнія съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы болѣе ихъ унижить и тѣмъ повудить къ исправленію, но сего однако же объяснено не было, кромѣ чтобы отдѣлить негодныхъ, почему я и представилъ, что конечно сіе сдѣлано съ хорошею цѣлью, но не для исправленія худыхъ, а для сбереженія хорошихъ только, ибо не всѣ худые сдѣлались таковыми по одному случаю и не по одинаковой причинѣ, и изъ нихъ есть одни лучше, а другіе хуже, а теперь они сравнены, какъ впадшій въ первый разъ въ преступленіе, такъ и закоренѣлый въ претупленіяхъ, и первые, не видя для себя впереди лучшей участи, закоренѣваютъ, подобно послѣднимъ въ цорокахъ, тогда скоро онъ спросилъ: „ну, такъ что же дѣлать?“ Я отвѣчалъ: „если который исправляется и не примѣченъ ни въ чемъ годъ времени, такового должно ободрить

тѣмъ, чтобы отличить отъ прочихъ неисправляющихся и при нынѣшнемъ предписаніи объ артеляхъ исправляющагося помѣстить въ артель хорошихъ и исключить изъ шайки отвергнутыхъ, что можетъ и въ другихъ желаніе къ исправленію въ сихъ преступныхъ, такимъ образомъ преступать и далѣе. Кто два года не былъ въ штафѣ, того можно безъ обиды исправныхъ написать въ 1-ю статью или уничтожать прежніе штрафы. На что вдругъ вскричалъ онъ: „это можетъ только одинъ Богъ сдѣлать“. Я пересталъ, и онъ поѣхалъ со мной на моемъ катерѣ, пріѣхавъ въ адмиралтейство и обошедъ всѣ мастерскія, въ которыхъ никого не нашли, ибо тогда былъ шабашъ. У конторы надъ портомъ встрѣтилъ насъ *Миллеръ*, съ которымъ *Чичаговъ* согласился ѣхать въ госпиталь, но ѣхать было не на чемъ, и *Миллеръ* предложилъ послать за каретой къ *Спиридову*. Я услышавъ сіе предложилъ *Чичагову* мою карету, онъ согласился, но какъ *Миллеру* негдѣ было сѣсть, то я и представилъ, что они могутъ ѣхать оба, а я пойду домой, такимъ образомъ они и поѣхали. Пришелъ домой и очень былъ доволенъ, что услужилъ *Чичагову*, но зная его характеръ я даже боялся, чтобы не воспользовался онъ симъ случаемъ сдѣлать мнѣ зло, ибо кучеръ у меня былъ матросъ, однако же, благодаря Бога, все прошло благополучно: онъ былъ занятъ и не любопытствовалъ.

Того же вечера онъ сдѣлалъ при-

казъ, чтобы завтра представить ему всѣ команды на смотръ въ гавани и я представилъ флотскія команды, которыя онъ осматривалъ и, увидѣвъ, что все въ порядкѣ, досадовалъ, ибо ему хотѣлось къ чему нибудь привязаться, началъ матросъ растегивать и нащепъ у одного черную рубаху, примѣтно обрадовался и сказалъ: „вотъ, въ какомъ порядкѣ у канонеръ бѣлье нашель“. Окончивъ смотръ, со *Спиридовымъ* разговаривалъ, а меня просили офицеры дабы доложить, что они квартирныхъ денегъ получаютъ меньше полевыхъ. Я сталъ докладывать, *Чичаговъ* спросилъ, я отвѣчалъ, что просятъ, чтобы положить квартирныя противъ армейскихъ офицеровъ, тогда онъ сказалъ: „да ихъ надобно сравнять“, но только тѣмъ и кончилось.

Лѣтомъ пріѣхалъ Государь, насъ представили ему въ залѣ и меня спросилъ много ли кораблей и что они худы? Я отвѣчалъ сколько, и что всѣ корабли старые и замѣтилъ, что я ему не очень нравлюсь. Ввечеру Онъ былъ на балѣ въ клубѣ Черногловыхъ, въ сѣняхъ встрѣтили его съ обнаженными палашиами въ дверяхъ. Въ залѣ до самаго Его во весь ростъ портрета стояли по сторонамъ молодыя дѣвнцы, однѣ бросали подъ ноги его цвѣты, другія подавали Ему стихи, всѣ прочія кланялись, такъ что Онъ пришелъ въ нѣкое замѣшательство и не могъ прямо дойти до своего портрета, а уклонился въ сторону. Тогда Его просили осчастливить братство, вписавшись

въ оное. Онъ въ сумму положилъ 300 червонцевъ, откушалъ пива и спросилъ *Спиридова*— гдѣ его супруга и съ нею открылъ балъ, потомъ уже танцевалъ со многими большей частью контредансы. Ужинать не садился, а ходя около стола разговаривалъ съ дамами и въ 10 часовъ ушелъ.

На другой день осматривалъ казармы и былъ на кухнѣ, кушалъ матроскія щи съ хлѣбомъ и мясомъ, пожаловалъ въ артель 100 рублей и осматривалъ госпиталь и очень былъ недоволенъ, а въхавши оттуда встрѣтилъ умершаго скоропостижно матроса. Когда онъ кушалъ въ *Дворянскомъ клубѣ*, куда и я пришедъ увидѣлъ, онъ ходилъ по залу и вдругъ спросилъ, отчего матросъ умеръ? Я отвѣчалъ, что докторъ еще не анатомировалъ его, потому что онъ тепелъ. Государь разсердился и такіе страшные на меня кидалъ взгляды, что я очень боялся, но при всемъ томъ не зналъ за что онъ на меня прогнѣвался, нѣкоторые говорили за то, что я не по русски сказалъ, что не вскрывали еще тѣла, но это невѣроятно, чтобы за сіе онъ столь сильно прогнѣвался. Между тѣмъ сѣли за столъ, *Спиридовъ* отъ Государя сидѣлъ черезъ три человѣка, а я отъ него черезъ человѣка и видѣлъ, что старались придворные утишить гнѣвъ Государя и развеселить Его, противъ Его сидѣлъ въ столѣ гофмаршалъ *Голстой*, подлѣ его доктора, получивъ записку перекинутую отъ *Черторижскаго*, что то въ ней приписалъ и подалъ Государю, который прочелъ, улыбнулся. Такимъ образомъ отобѣдали,

въ вечеру былъ въ *Дворянскомъ клубѣ*, на третій день обѣдалъ въ *Мѣщанскомъ клубѣ*, а на балѣ *Черноголовыхъ Новосильцевъ* и генераль-адъютанты окружали *Спиридова* и ему что то толковали, сказываютъ, что уже и приказъ былъ написанъ смѣнить *Спиридова*, но уже кое какъ уговорили Государя, чтобы простить его. На четвертый день Государь уѣхалъ. И такъ одинъ гражданскій губернаторъ былъ награжденъ, а мы остались все какъ незаслуживающіе вниманія, потому что наша глупая голова едва удержалась на плечахъ. Осенью, вслѣдствіи замѣчанія сдѣланнаго министромъ при осмотрѣ флотскихъ командъ, изъ государственной адмиралтействъ коллегіи послѣдовалъ по его предложенію указъ, коимъ дѣлалось замѣчаніе въ неисправности команды ревельскому флотскому начальнику. Но хотя я и заслуживалъ сіе, не употребляя вящаго старанія для исправности командъ и бдительнѣйшей осторожности противъ злобнѣйшаго коварства, утѣшалъ себя невозможностью властнаго мщенія, ибо если онъ не нашелъ черной рубахи у матроса, онъ бы сталъ искать чернаго чулка или грязной ноги.

Въ октябрѣ родился у меня сынъ *Михайль*, благодаря Богу благополучно, и мы кончили годъ сей благополучно. Замѣчательно, что въ исходѣ сего года ходила ко мнѣ одна дѣвушка, нѣмка, лишившаяся отца и матери, просить помощи, и я подавалъ ей по серебряному рублю, чего никто не видалъ, потому что изъ прихожей была дверь въ

мой кабинетъ, а въ залъ дверь всегда была затворена, изъ коего же кабинета былъ входъ въ кладовую, въ которую ходили и черезъ заднія сѣни, но живущая тогда у насъ дѣвица начала ходить чрезъ мой кабинетъ и увидѣла, что я той дѣвущкѣ педалъ рубль, и такъ какъ она была довольно хороша, то она и возымѣла подозрѣніе. и чтобы сіе прекратить она сказала моей женѣ, и та запретила оную пускать въ нашъ домъ. Но я не имѣвъ никакихъ мыслей въ разсужденіи сего началъ примѣчать за живущей у насъ дѣвицей, что побудило ее отогнать ту дѣвущку и замѣтилъ, что она сама желала меня привлечь къ себѣ, только очень медленно сіе происходило, болѣе потому, что я не подавалъ къ тому повода, такимъ образомъ сей годъ и кончился.

1805 г.

Новый годъ начали весело. Приѣхалъ контръ-адмиралъ *Сенявинъ*, которому велѣно мнѣ было сдать команду, которую я и сдалъ, а самъ остался безъ команды, почему городъ и отнял у меня квартиру и я опять, нанявъ оную у маіора Еремѣева, перешелъ къ нему. Но мѣсяца черезъ три *Сенявина* потребовалъ Государь къ себѣ и пожаловалъ его въ вице-адмиралы, послалъ съ эскадрою въ Корфу, а я остался по прежнему флотскимъ начальникомъ. Я опредѣленъ въ комиссію для свидѣтельства провіанта и для пробы пушекъ, которыя изъ гавани возили на лошадяхъ очень медленно на пробную

батарею и складка на стеляжи, потомъ на станки и съ оныхъ весьма были затруднительны, что я, замѣтивъ, представилъ главному командиру, что работа такая для людей работающихъ опасна и можетъ случиться отъ малѣйшей неосторожности отдавленіе рукъ и ногъ, и что есть способъ, чрезъ который можно улучшить сію работу и предлагалъ сдѣлать машину, каковая уже есть въ Черноморскомъ адмиралтействѣ, двухколесную съ рычагомъ или дышломъ и съ цѣпью на оси, колеса должны быть большія и, задѣвъ цѣпью подъ винграды пушки, наклонить дышло и вести за оное легко могутъ два человѣка. Общее собраніе препроводило мое мнѣніе въ артиллерійскую экспедицію и генераль-цехмейстеръ меня письмомъ увѣдомилъ, что посланы указы во всѣ порты дѣлать и употреблять таковыя машины. Я представилъ также и другіе прожекті, какъ то: о заведеніи во флотъ комплектныхъ фершаловъ, о предупрежденіи скоростижной смерти, о заведеніи въ Ревелѣ училища юнгамъ и дѣтямъ морскихъ служителей для доставленія во флотъ ученыхъ унтеръ-офицеровъ**) и знающихъ шкиперовъ весьма малою цѣною для казны и получилъ отъ министра *Чичагова* благодарное письмо, во первыхъ, онъ приказалъ представить въ общее собраніе, которое о фершалахъ отослано въ инспекторскую экспедицію, а другое старался опровергнуть докторъ

**) Очень интересная мысль, только теперь осуществляемая. П. Н.

Миліусъ, что невозможно чрезъ вскрытіе тѣла узнать причину смерти и какъ главный и первый по немъ контръ-адмиралъ *Сенявинъ* старались, чтобы всѣ мои прожекты были недѣйствительны по зависти или ненависти, то и отняли у меня духъ опровергнуть доктора, который говорилъ, что если человѣкъ въ жару выпьетъ стаканъ холодной воды и умретъ скоропостижно, почему я могу узнать и хотя я имѣлъ чѣмъ его опровергнуть, но видя всѣхъ желающихъ меня уничтожить, рѣшился оставить и дѣйствительно сіе мое важнѣйшее представленіе осталось безъ всякаго дѣйствія, но я себя тѣмъ утѣшилъ, что мое намѣреніе имѣло цѣль полезную. Докторъ же самъ себя обезславилъ изъ подражанія начальникамъ своимъ, а я благодаря Бога перенесъ сіе огорченіе безъ дальнѣйшихъ слѣдствій въ разсужденіи моего здоровья. Въ томъ же году въ августѣ родилась у меня дочь Олимпіада, которую для крещенія я просилъ быть восприемницею Императрицу Марію Феодоровну, отъ которой и получилъ рескриптъ, чтобы я выбралъ даму окрестить Ея Именемъ, а кумомъ я просилъ быть главнаго командира адмирала *Спиридова*.

1806 г.

Будучи въ моемъ званіи и положеніи, довольно я возгордѣлъ и по пристрастію своему къ сластолюбію, будучи побуждаемъ благосклонностью живущей у насъ дѣвицы, которая названіемъ только была таковою, я, несмотря на терзаніе

совѣсти, забывъ страхъ Божій, прилѣпился къ ней непонятною силою, зажегшею однимъ ея поцѣлуемъ, котораго я и по сіе время, когда мнѣ уже 70 лѣтъ*), истолковать не могу, внутренность моя тогда горѣла, но я былъ блѣденъ какъ мертвецъ и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, какъ преступникъ, совершившій убійство. Ахъ, для чего я тогда не опомнился! Я бы многого избѣжалъ зла! Одна страсть къ наслажденію влекла меня продолжать такую интригу и безъ всякаго разсужденія.

Къ большому еще моему несчастью она была такъ безстыдна, что совершенно никого не остерегалась и какъ бы тѣмъ она хотѣла прославиться, что она моя любовница, чтобы ее всѣ и почитали за такую, но какъ была ловка и остра и болѣе что безъ интересна, то сіе и привело меня, скажутъ, къ стыду моему, до безумія къ ней, и хотя часто я терзался совѣстью, даже во время самаго наслажденія. Наконецъ, по благодати Всевышняго, она уѣхала въ Петербургъ и, проводивъ ее, я чувствовалъ и печаль и радость, что освободился отъ принужденнаго состоянія. Но привязанности своей не оставилъ и писалъ журналъ для нея, который причинилъ много бѣдствія въ моемъ домѣ. Жена моя была беременна около половины, я писалъ сей журналъ, она просила показать, я унесъ въ сѣни, это явный знакъ преступленія, она до того раздражилась,

*) Отсюда явствуетъ, что означенныя записки писались Даниловымъ около 1826 года.

что дѣлала разныя и вредныя для себя движенія въ разсужденіи своего положенія; отчего послѣдствія были очень дурныя, ибо она не доносила половины и родила мертвого сына. Я было положилъ его въ спиртъ и потомъ, испугавшись ея чувствительности, велѣлъ зарыть въ саду князя *Вяземскаго*, котораго домъ для меня нанималъ городъ. Вскорѣ потомъ получилъ я письмо отъ двоюродной моей сестры *Долугановой*, которая была дочь сестры моей матери и воспитывалась съ братомъ своимъ роднымъ у другой сестры моей матери, которая была замужемъ за купцомъ *Сокольниковымъ*, къ которымъ мы и приставали, пріѣхавши изъ Москвы, какъ выше писано, а ея мать была за купцомъ *Бѣловымъ* и скоро осиротѣла и *Сокольниковъ* выдалъ ее за мѣщанина *Булгакова*, который, оставивъ ей трехъ сыновей, умеръ и она жила вдовою до ихъ возраста и опредѣливъ въ мастерскія по ихъ склонностямъ — одного въ маляры, другого въ бриллиантщики и большаго въ письмоводцы въ купеческую гильдію, съ которымъ она и жила. Она увѣдомляла меня, что сынъ нашего дяди купца *Овчинникова* послѣдній померъ и что подкидыши завладѣли всѣмъ его имѣніемъ и это также послѣ дочери того, которая была замужемъ за купцомъ *Терентьевымъ-Пановымъ*, въ которомъ замужествѣ она купила себѣ каменный домъ и торговля бани съ пустопорожнимъ мѣстомъ въ Московской части, которыя послѣ ея смерти, случившейся 1803 года генваря 28 дня,

завладѣлъ купецъ *Синебрюховъ*; онъ женатъ былъ на подкидышѣ *Екатеринѣ* того же купца *Овчинникова*. Посему увѣдомленію, такъ какъ жена моя была уже здорова, я въ августѣ, взявъ отпускъ на 28 дней, поѣхалъ въ Петербургъ и присталъ къ помянутой сестрѣ моей *Булгаковой*, она была очень рада повидимому, но я для подробнѣйшаго свѣдѣнія, что осталось послѣ сына дяди моего, чрезъ два дня вздумалъ переѣхать въ домъ нашего дяди купца *Овчинникова* на Выборгскую сторону, въ которомъ еще при жизни его я жилъ съ моею матерью и въ которомъ она скончалась въ 1779 году. Отъ сестры же моей я узналъ только, что она подала прошеніе военному генералъ-губернатору, который приказалъ разобрать управѣ благочинія, а она, такъ какъ просьба была безъ доказательствъ, совсѣмъ ей отказала.

На этомъ собственно и кончаются записки адмирала *Данилова* въ отношеніи его служебной дѣятельности во флотѣ. Остальную часть записокъ въ количествѣ 4 страницъ составляетъ изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ его хлопоты по возвращенію захваченнаго пріемышами купца *Овчинникова* наслѣдства, послѣ него оставшагося. Послѣ долгихъ хлопотъ и судебной волокиты *Данилову* удалось получить часть причитающагося ему наслѣдства, на чемъ записки и обрываются.

Необходимо добавить, что въ 1807 г. Даниловъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ главнымъ командиромъ Ревельскаго порта, состоя въ этой должности по іюнь 1809 г., когда былъ уволенъ отъ службы съ пенсіей въ размѣрѣ половиннаго его жалованія. На его мѣсто былъ назначенъ вице-адмиралъ Д. Н. Сенявинъ.

Н. Н.

